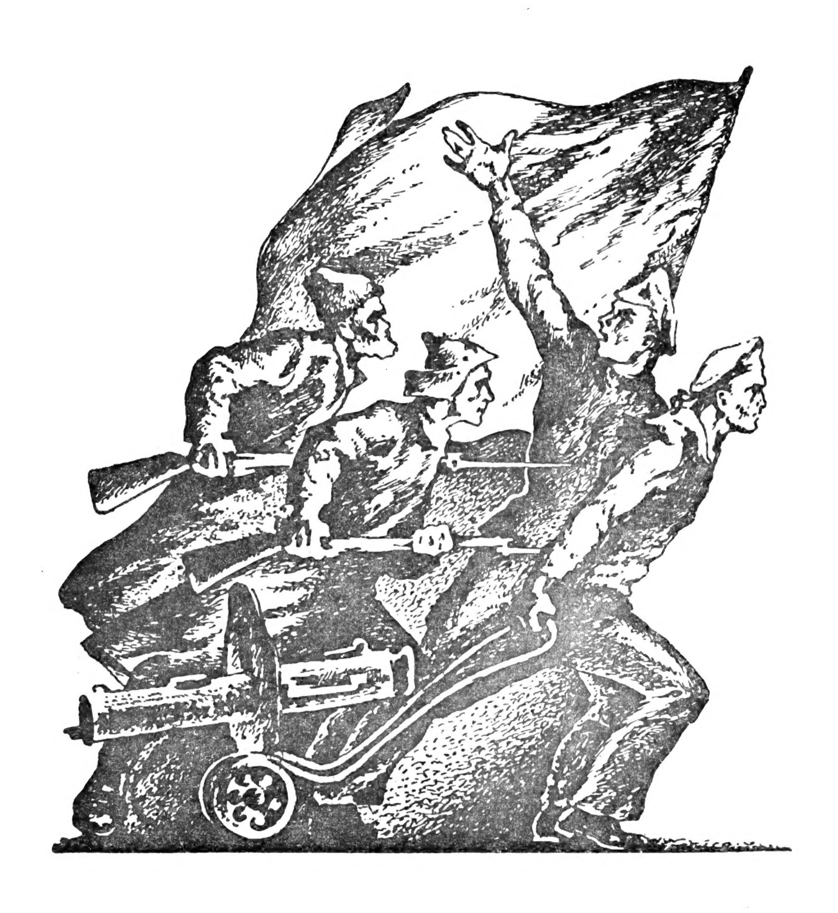

Владимир Кравченко

Под именем Шмидхена

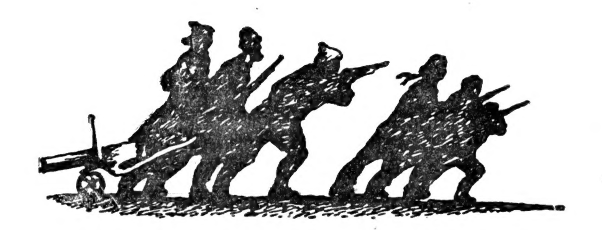
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1970

Владимир Кравченко

Под именем Шмидхена

Р 2
К 78

Художник
И. В. МАХОВ

ОТ АВТОРА

В августе 1918 года органы ВЧК раскрыли и ликвидировали крупнейший контрреволюционный белогвардейский заговор, организованный главой английской дипломатической миссии в Москве Локкартом.

Заговорщики намеревались арестовать членов Советского правительства во главе с В. И. Лениным, свергнуть Советскую власть в России.

Подробности заговора описаны в исторической литературе. В то же время очень немного известно о том, как чекистам удалось напасть на след преступников, проникнуть в их среду, выведать их замыслы, кто конкретно из чекистов участвовал в этой опасной и сложной работе.

Архивы не сохранили ответов на эти вопросы, так как многие детали операции и даже существенные этапы ее не нашли отражения в документах.

Сейчас можно лишь предположительно говорить о причинах этого. ВЧК, только что созданная по инициативе В. И. Ленина для борьбы с осатаневшей контрреволюцией, была до предела перегружена работой. Чекисты не знали ни сна, ни отдыха. Успех операции нередко решали минуты. На составление бумаг времени почти не оставалось.

Что касается чекистов, непосредственно выполнявших оперативные планы ВЧК по раскрытию заговора, то уже длительное время считалось, что их нет в живых. Как-никак времени прошло много.

Все это, видимо, укрепляло общее мнение, что получить какие-либо новые сведения об этих событиях невозможно.

Так думали и мы, когда перед нами лежал тронутый временем

один из томов дела Локкарта. Истертые уголки страниц, многочисленные подчеркивания и отметки, оставленные на полях и по тексту карандашами разных цветов и оттенков, безмолвно свидетельствуют о том, что десятки людей держали его в руках, перелистывали страничку за страничкой, фиксировали внимание на отдельных фразах, фактах, документах, быть может, мучительно стараясь найти ответы на конкретные вопросы, их интересовавшие.

Казалось, что эти страницы поведали истории все до конца и ничего нового не откроют.

И вдруг наше внимание привлек документ, озаглавленный обычным для таких дел словом «прошение».

Мы перечитали его несколько раз, не веря, что возникшее предположение может оказаться той ниточкой, которая, если потянуть за нее, ответит на вопросы, сорок восемь лет остававшиеся загадкой.

Что же это за́ документ и какое предположение он породил?

Как известно, Верховный революционный трибунал, заседавший в течение пяти дней (с 28 ноября по 4 декабря 1918 года), приговорил шестерых участников заговора Локкарта к расстрелу. Среди них были К. Коломатиано и А. Фриде. Четверо других, в том числе Локкарт, не заняли места на скамье подсудимых, так как к моменту суда находились за пределами страны.

Адвокаты, принимавшие участие в защите Коломатиано и Фриде, обратились в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИКа) с прошением, в котором ходатайствовали о замене смертной казни иной мерой наказания.

В той части документа, где обосновываются мотивы прошения, адвокаты упоминают фамилию Шмидхена, указывая, что он не привлечен к уголовной ответственности, хотя, как явствует из текста, они считают его сообщником Локкарта.

Конечно же, нам хорошо была известна эта фамилия. В сохранившихся архивных документах, в изданной литературе Шмидхен неизменно упоминается как человек, выступавший на стороне Локкарта. Знали мы и о том, что известный в то время военный комиссар дивизии латышских стрелков Петерсон в письме, адресованном ВЧК, недвусмысленно называет его английским агентом.

Мы ничего не знали о судьбе Шмидхена. Казалось, она и не стоила того, чтобы ею заниматься, но документ, который лежал перед нами, неожиданно возбудил интерес к этому человеку.

Как же так? Сообщник — и не посажен на скамью подсудимых!

Рассуждения привели к предположению: а что, если Шмидхен никакой не сообщник заговорщиков, а скромный патриот, помог-

ший разоблачить опасных преступников. Чтобы обмануть их, он вынужден был прикинуться их соучастником.

Но как доказать это? И возможно ли? Честно говоря, надежд на успех почти не было. И все же мы решили пойти по еле-еле наметившемуся следу, чтобы выяснить, почему сообщника Локкарта Шмидхена так бережно охраняла Фемида.

Поиски не сразу привели к цели, но то, что удалось в конце концов узнать, превзошло всякие ожидания и было приятным вознаграждением за труд.

Солдаты Дзержинского

Памятная весна

Москва. Март 1918 года. Не по времени горячее солнце и звонкие ручьи: удивительно ранняя весна.

Покровка, 41. Ничем не примечательный одноэтажный дом с толстыми стенами и приземистыми окнами. Единственный подъезд его не знает покоя. Люди входят и выходят. В одиночку и группами. Молча и шумно. На лицах озабоченность и тревога, решительность и взволнованность. Равнодушных нет: проходят стороной.

В полутемном коридоре люди растекаются по комнатам, простым, необжитым. Каждый спешит к тому, кто лучше поймет, даст добрый совет, определит место в общем строю. Так думают люди, за этим пришли.

Сегодня видели здесь латышских стрелков. Это — бойцы воинского формирования, которое родилось в огне первой мировой войны. Ядром и душой латышских стрелков сразу же стали рабочие. За плечами каждого — большая школа революционной борьбы на промышленных предприятиях Латвии. Каждый десятый в строю — коммунист. В мае семнадцатого года основная часть латышских стрелков безоговорочно перешла на сторону большевиков, стала их вооруженным отрядом. Куда бы ни бросала их партия, они всегда оправдывали ее доверие. В схватках с ярыми защитниками самодержавия, в боях за революцию латышские стрелки проявили преданность и отвагу, показывали образцы дисциплины.

В августе 1917 года под Ригой латышские стрелки остановили вооруженных до зубов немецких оккупантов, рвавшихся к революционному Петрограду.

Храбро сражались латышские стрелки против кайзеровской Германии, которая бросила полки своих одураченных солдат на Восток, огнем и мечом «наводить порядок» в молодой Советской России.

В феврале восемнадцатого года они участвовали в боях с оккупантами под Псковом. С опасным врагом у них были свои старые счеты. Хорошо знали они повадки завоевателя. Не по рассказам, на своем опыте изучили их.

Война есть война. В этом бою неприятель отрезал небольшое подразделение латышей, оттеснил его от основных сил. Попытки пробиться к своим успеха не имели.

«Отрезанные» стрелки задумались: куда податься, кому предложить себя? Думали-гадали и порешили: в Москву, в штаб революции надо держать путь.

Так латышские стрелки оказались в этом доме.

Порог одной из комнат, небольшой и продолговатой, переступила группка солдат: неловко, несмело. Выцветшие, пропитанные потом гимнастерки. Обветренные, осунувшиеся лица. На них печать большой усталости. Людям этим в полной мере пришлось вынести на своих плечах все тяготы фронта. Им бы податься на отдых, к родным очагам, семьям. А они пришли сюда, в латышскую секцию городской партийной организации. Пришли и сказали:

— Мы латышские стрелки. Отдаем себя в распоряжение революции.

Солдат внимательно выслушали. До мелочей расспросили о фронтовой обстановке, о настроении латышей. Затем сказали:

— Пойдете работать в ВЧК.

Самый смелый из них, Ян Буйкис, смущенно спросил:

— А что такое ВЧК?

Ему разъяснили: орган, который борется с контрреволюцией.

Ян посмотрел в глаза каждого из товарищей и ответил за всех:

— Если нужно для революции, будем работать в ВЧК. Бить контриков — не так уж плохо.

На измятом клочке бумаги работник латышской секции горкома написал записку. Вручил Яну со словами:

— Направляем вас к товарищу Дзержинскому.— Провел пальцем по горлу и добавил: — Ему вот так нужны боевые, знающие военное дело люди.

Не сразу нашли солдаты нужный адрес. Незнакомый город походил на огромный муравейник, жил каким-то необычным ритмом. Казалось, в нем никто не отдыхает, все на ногах: куда-то бегут, зачем-то торопятся. И уж конечно не обращают внимания на группку голодных солдат, медленно бредущих по булыжной мостовой.

А они идут, идут. И не беда, что приходится петлять по незнакомым улочкам, мимо грязных домов с изрешеченными пулями углами и покосившимися вывесками. Дорога у них верная. Ведет она в ВЧК. К товарищу Дзержинскому.

Первая встреча с Дзержинским

Был тогда такой порядок: новых сотрудников принимал сам Феликс Эдмундович или его заместитель Яков Христофорович Петерс. Вот и сейчас, Ян и его товарищи вошли в кабинет Дзержинского — скромный, строгий. Увидели портреты Маркса, Энгельса, Ленина; ширмочку, за которой стояла обычная железная кровать, два телефона, простой письменный стол, покрытый красным сукном, а за ним человека — высокого роста, слегка сутулого, очень серьезного. И таким суровым и недоступным показался он, что солдаты поначалу оробели.

Человек оторвался от бумаг, посмотрел на вошедших. Робость, как рукой сняло. На них смотрели добрые, излучавшие какое-то особое тепло глаза. А когда он усадил всех за стол и начал говорить и расспрашивать о том, что волновало и интересовало солдат, оказалось — свойский, внимательный, словно отец родной.

Феликс Эдмундович рассказал, чем занимается ВЧК, какими должны быть чекисты: беззаветно преданными партии, народу, готовыми в любой момент пожертвовать личным во имя интересов государства, революции. Привел несколько примеров из героических будней ЧК.

— Чекистам приходится работать день и ночь. На отдых времени не остается.— Он лукаво посмотрел на собеседников и спросил: — Ну, как, согласны?

Ян Буйкис опять ответил за всех:

— Работы не боимся. Была бы польза от нас.

От Феликса Эдмундовича солдаты ушли, преисполненные каким-то новым чувством, сознанием большой ответственности за работу в ЧК, незнакомую, трудную, но очень важную для революции.

Долго еще находились они под впечатлением первой встречи с Дзержинским. Обменивались мнениями между собой, делились чувствами с новыми друзьями, больше их знавшими Феликса Эдмундовича.

Было их пятеро. Душу каждого — огрубевшую, солдатскую — чем-то затронул этот человек. Подкупил какой-то особой душевностью, человеческой непосредственностью. Подумать только: они, простые солдаты, в потных фронтовых гимнастерках, с запыленными, не видевшими несколько дней бритвы лицами, сидели перед ним, как равные.

Словно он не председатель ВЧК, а такой же солдат и тоже с фронта, с передовой.

А как разговаривал... Спросил, не голодны ли, где ночь провели, как с куревом, есть ли и где семьи. Интересовался самым обыденным и в то же время самым важным для солдата, что бередит его душу, без чего не может быть жизни солдатской. И почувствовали они в нем человека, которому знакома солдатская судьба с ее радостями и печалями. И сказали себе солдаты: с таким в огонь и в воду без оглядки пойти можно. Не даст он в обиду простого человека.

— Но и спросит, когда дело потребует,— предупредили новые друзья.— Для нас Феликс Эдмундович отец: строгий, но справедливый.— И еще сказали: — При упоминании его имени контру начинает трясти, как в лихорадке.

Через день-два Буйкис и его друзья уже выезжали со старшими товарищами на операции: вели отчаянную борьбу со спекулянтами. Тогда этим тоже занимались чекисты. И вот почему.

Голод держал страну в железных тисках. Острая нехватка продовольствия и других крайне нужных людям товаров породила спекуляцию. Она приняла опасные размеры и, в свою очередь, служила питательной средой для контрреволюционных преступлений. Нередко то и другое переплеталось настолько, что трудно было определить, где заканчивалась спекуляция и начиналась контрреволюция.

Яну и его товарищам хорошо запомнились слова из обращения Совета Народных Комиссаров ко всем трудящимся: «Голод и контрреволюция идут рука об руку. Мы должны объявить им непримиримую войну». И все-таки молодые комиссары рассуждали по-своему. Они готовились к поединкам с контрой в ее, так сказать, чистом виде, по сравнению с которой спекуляция — мелочь.

Таким в их сознании рисовалось недалекое будущее.

Бой с анархистами

Прошло чуть более месяца. Комиссар ЧК Ян Буйкис уже не чувствовал себя новичком среди товарищей. Да и «ветераны», ставшие чекистами на три месяца раньше, относились к нему, как к равному. Совместная работа, опасность, подстерегавшая на каждом шагу, взаимная выручка, без которой не обходилась ни одна операция, быст-

Ян Буйкис.

ро роднили, цементировали чекистский коллектив. Он очищался от людей трусливых и недостойных, попадавших в ЧК случайно. Первая серьезная операция была для них часто и последней.

Ян жил в общежитии, предоставленном по распоряжению Дзержинского. Вместе с ним — десятки других, таких же отважных, неунывающих ребят, готовых последний кусок хлеба разделить с товарищами. Если у кого появлялся котелок картошки, все собирались у него, как на торжество. Каждый получал свою порцию, но каждый готов был отказаться от нее в пользу товарища, более других ослабевшего от систематического недоедания и напряженных ночных операций.

Контрреволюционеров, как правило, приходилось обезвреживать ночью, когда несколько притуплялась их бдительность, уменьшалась опасность сопротивления. А сопротивлялись они отчаянно. Нередко пускали в ход и револьвер, и нож, и охотничье ружье: все что попадалось под руку.

Большой бедой для Москвы были банды вооруженных до зубов анархистов. Своей дикой необузданностью, грабежами и пьяными оргиями, сопровождавшимися, как правило, перестрелкой и убийствами, они наводили страх на значительную часть населения, терроризировали отдельные районы города. Бесчинствующие анархисты пополняли силы контрреволюции. Поэтому чекисты вели борьбу с ними.

Буйкису тоже приходилось участвовать в ликвидации опасных гнезд анархистов. Одна из таких операций запомнилась на всю жизнь. Перед этим группа чекистов — в ней был и он — выследила и «сняла» шайку матерых спекулянтов, оказавших вооруженное сопротивление при задержании.

Может, и вспоминать об этом не стоило, если бы не знаменательное для Буйкиса обстоятельство: он впервые выступил в роли старшего оперативной группы. А случилось все так. Вызвал начальник и сказал:

— Действуешь ты всегда хладнокровно, в трудные минуты не теряешься, товарищам помогаешь, у старшего вроде бы за правую руку всегда. Пора и самому возглавить группу.

— Сразу как-то не по себе стало от этих слов, а потом справился с робостью,— вспоминал позже Буйкис.— Быть

старшим — дело не шуточное, особенно если тебе впервые приходится действовать в такой роли. Тут не только за каждого подчиненного, за ход и исход всей операции отвечать надо.

Может, от этого, а может, оттого, что операция выдалась тяжелая, домой пришел усталый больше обычного. Еще отдышаться не успел, а тут вызывает начальство и дает новое задание.

На Поварской улице, в роскошном особняке бывшего крупного купца засела банда анархистов численностью в несколько десятков человек. Ее атаманом был некий Андреев, больше известный по кличке «Зюзик». Человек звериной жестокости.

Банда Зюзика устраивала дерзкие грабежи, награбленное стаскивала в особняк, а затем принималась за ночные оргии. Последнее время Зюзик стал особенно опасен. Его пьяные бандиты без всякого повода неожиданно открывали огонь из антресольной части особняка. Узкие окна в толстых стенах служили своеобразными бойницами. Из них-то и поливали они смертоносным дождем просматриваемые улицы, пешеходов, двигавшихся по ним. Огонь вели из пулеметов, винтовок и револьверов.

Дикие забавы бандитов уносили десятки жизней. Дальше нельзя было мириться с чудовищным самосудом, который чинил Зюзик над невинными гражданами — мужчинами, женщинами и детьми. С Зюзиком решили покончить немедленно.

Задачу сформулировали коротко: «Бандитское гнездо ликвидировать. Атамана желательно захватить и доставить в ЧК живым».

Мысленно представил себе Буйкис: Зюзика голыми руками не возьмешь. Не таков он, Зюзик, чтобы подобру-поздорову подчиниться властям или капитулировать на взаимовыгодных условиях. Зюзик будет стоять насмерть. Для него человеческая жизнь ни в грош. Чем больше крови, тем больше потехи Зюзику. Не-ет, нельзя позволить бандиту играть жизнями людей.

В уме стал прикидывать, как нужно брать Зюзика. Попробовал вспомнить, где и при каких обстоятельствах приходилось сталкиваться с анархистами, не было ли подобных ситуаций.

Вспомнил. Однажды его включили в оперативную группу, перед которой поставили аналогичную задачу.

Нужно было ликвидировать банду анархистов, укрепившуюся в особняке другого богатого купца. Но тогда повезло. Чекисты удачно выбрали момент, артиллерийским залпом выбили железные ворота и обрушились на бандитов в самый разгар оргии. Пьяные, обезумевшие анархисты не оказали серьезного сопротивления. Предпочли выбросить белый флаг.

Взору Буйкиса предстала омерзительная картина. Всюду валялись сотни распитых бутылок, всевозможных коробок и банок из-под снеди. Горы невесть откуда взявшегося хлама и мусора. Обстановка некогда богатого салона имела жалкий вид: как после погрома. Дорогие ковры изгажены испражнениями и плевками. От редчайших картин остались жалкие клочья. Длинный массивный стол красного дерева и резной работы опрокинут. Разбитая посуда и стекло валялись на полу в лужах крови и пролитого вина. Навзничь лежала молодая, лет двадцати, проститутка. Бандиты покончили с ней, пустив пулю в лоб.

Среди задержанных оказались офицеры в гвардейских мундирах, безусые студенты и просто уголовные преступники. Всю эту шатию-братию взяли тогда без единого выстрела. Но Буйкис своими глазами увидел и сердцем почувствовал, как опасны анархисты.

Как пройдет операция сейчас?

Почти двое суток ушло на изучение «жизненного уклада» банды, особенностей ее поведения. Чтобы определить самое верное время для операции, чтобы провести ее без потерь, а в крайнем случае — с минимальными жертвами, нужно знать многое: когда грабят, когда пьянствуют, когда открывают стрельбу, когда отдыхают бандиты. Как охраняется особняк, где выставлены охранные посты, чем вооружены, какой порядок охранной службы. Вот и несли чекисты круглосуточное наблюдение за обителью банды. Два дня и ночь не спускали глаз с нее ни на минуту.

Выяснилось, что банда насчитывает до сорока человек. Бандиты вооружены пулеметами, винтовками, револьверами и бомбами. Ведется круглосуточная охрана входов и выходов из особняка. Брать такую банду, укрытую за толстыми стенами старинного особняка, нелегко.

Помогло смелое решение чекистов. В первый же день наблюдения они обратили внимание на одного бандита. Он чаще других попадал в поле их зрения. Но не это главное. Бандит чем-то располагал к себе. Сейчас трудно ска-

зать чем, но физиономия его показалась симпатичной. Выследили. Задержали на одной из улиц. Объяснили: подозревают, как спекулянта. Юноша клялся, что никакого отношения к проклятым спекулянтам не имеет, а вот в анархистском болоте погряз, как в трясине, и не знает, как выбраться из него. Максим — так звали юношу — не лгал. Чекисты приобрели верного союзника, который помог. И здорово.

* * *

Чтобы застраховать себя от всяких случайностей, чекисты решили привлечь на помощь отряд красногвардейцев, сформированный из рабочих Красной Пресни.

...Несколько десятков вооруженных красногвардейцев собралось на заводском дворе бывшего завода Тильманса (ныне завод «Пролетарский труд»), чтобы выслушать прибывшего к ним Буйкиса.

— Задание трудное будет,— сказал он. После небольшой паузы уточнил:— Трудное, пожалуй, не то слово. Опасное, очень даже. Поэтому и темнить не стану. Нужно подготовиться к ночному бою с вооруженной бандой контры. Опасной, как гадюка.

Чекист сделал паузу, как бы готовясь сказать самое важное.

— Кто не готов к такому делу, пусть скажет. Освободим. У кого большая семья, маленькие дети — тоже отпустим домой. Сирот и без того хватает.

Красногвардейцы молчали. Два-три человека закачались, переступая с ноги на ногу. Поначалу нельзя было понять — то ли уходить собрались, то ли ноги размять решили. Двое других пошевелили губами, словно готовились сказать что-то, да так и не отважились.

— Имеются такие среди вас?— громко спросил Буйкис.

Молодой красногвардеец Иван Крылов,— он стоял ближе всех к чекисту,— сказал уверенно, ничуть не сомневаясь, что выражает думы всех своих товарищей:

— В тяжкую минуту не сыщете таких средь нас, товарищ комиссар. Быть нонче рядом с чекистами мы за честь великую считаем. А если совсем открыто, по-рабочему объясниться, то семья и желторотые ребятушки у каждого второго тут вот стоящего,— он обвел рукой красногвардейцев.— Перво-наперво поэтому и долг наш быть

сегодня с вами, товарищ комиссар. И никаких гвоздей!— Крылов тяжелой, натруженной ладонью сделал энергичный крюк в воздухе.

— Правильно, правильно,— дружно поддержал его разноголосый хор красногвардейцев.

— Смерть проклятой контре!— потрясая небольшим, словно детским, кулачком, выкрикнул фальцетом безусый паренек, видать самый молодой среди рабочих.

— Цыть! Кого агитироваешь,— ткнул его локтем пожилой сосед с лицом типичного мастерового.— Жинку свою, ай любимую тещу агитировай. А тут ни к чему это. Понял?

Юнец виновато посмотрел на обидчика, а затем в улыбке обнажил белые как снег зубы.

Разговор продолжался долго. Воспользоваться предоставленным правом и уйти домой никто не пожелал. Все безоговорочно отдали себя в распоряжение чекистов. Тут же договорились, когда и как подтянуть к исходным позициям живую силу отряда и станковые пулеметы. У красногвардейцев их было два. В шутку они называли их артиллерией. Крепко-накрепко условились открывать огонь из «артиллерии» только в случае крайней необходимости, о чем даст знать красная ракета — сигнал опасности.

...В назначенный день и час отряд красногвардейцев и оперативная чекистская группа заняли исходные позиции в непосредственной близости от логова Зюзика. Каждый знал свое место и свою роль. Сразу же привели в боевую готовность оружие: этого требовал приказ независимо от того, по какому из предусмотренных планом вариантов будет развиваться операция.

Время давно перевалило за полночь. На подходе решающий момент. Его все ждут с огромным напряжением. Бывалый солдат знает: в бою бывает порою легче, чем в последние томительные минуты перед его началом. Тогда тишина кажется какой-то зловещей.

В предрассветном мраке отчетливо просматриваются силуэты бандитов, снующих в освещенных окнах особняка. С каждой минутой их все меньше и меньше. Ночь берет свое.

* * *

Ровно в три часа утра Максим открыл дверь черного хода, которая выходила во двор и держалась на засове, и впустил вооруженных чекистов.

Оргия затухала. Большинство бандитов перепились, не могли стоять на ногах. Некоторые свалились и лежали в разных местах, и даже под столом, в самых причудливых позах. Часть анархистов все же оказали вооруженное сопротивление, открыли беспорядочную стрельбу. С ними справились без «артиллерии».

В завязавшейся перестрелке был убит чекист Коля Сергеев. Хороший парень. За короткое время знакомства Буйкис успел привязаться к нему за его оптимизм и какую-то удивительную любовь к жизни. За дело, которому служил, Сергеев готов был пойти в огонь и в воду. Но даже в тревожной обстановке, когда опасность подстерегает за каждым углом, когда палец лежит на взведенном курке револьвера, он мог говорить о будущем, о своей мечте. Вчера только Буйкис сидел с ним в засаде. Николай говорил:

— Вот покончим с контрреволюцией, учиться пойду. Хочу доктором быть, людей лечить.

И вот он мертв. Его бездыханное тело унесли товарищи.

Через два часа после начала операции крепости Зюзика не существовало. Всех его бандитов переловили, троих убили в перестрелке. Зюзика схватили живым. Освободили от «начинки» (при нем было два револьвера, кинжал, шашка и три гранаты), связали руки. Это ловко сделал Буйкис.

Много Ян слышал о Зюзике, о его жестокости, о звериной злобе. Его имя наводило страх на людей. А тут посмотрел на него и удивился. Вместо здоровенного детины-держиморды, каким он представлялся в воображении, увидел тщедушного человечка средних лет с довольно интеллигентным лицом. Когда его уводили, Ян видел глаза Зюзика. И не было в них того злобного огонька, который обычно светится во взгляде страшных бандитов и убийц. Какую-то грусть уловил в его серых, чуть прищуренных глазах Буйкис. И подумал: может, не Зюзика поймали, а другого? А может, в предчувствии возмездия злодей раскаялся?

Освободился Буйкис и только тогда почувствовал, как чертовски устал. Еле ноги дотащил до дома. Подошел к койке и свалился, словно пулей сраженный. Огромное на-

пряжение двух бессонных суток сделали свое дело, выбили человека из седла. И, казалось, надолго.

Это случилось в шесть часов жаркого весеннего утра, а в десять над ним стоял комиссар Спрогис и беспощадно тормошил бесчувственное тело.

— Ты что, Ян, не понимаешь? Товарищ Дзержинский вызывает. К самому Феликсу Эдмундовичу явиться велено. Слышишь?

Напрасное беспокойство. Как только слова «Дзержинский, Феликс Эдмундович» дошли до сознания полусонного Буйкиса, они поставили его на ноги, заставили забыть об усталости.

— Зачем Дзержинский вызывает? — уже донимал Спрогиса Буйкис, поправляя гимнастерку и машинально, по привычке, ощупывая револьвер.

— Пошли, Ян. Там увидишь. Мы не имеем права опаздывать.

Два друга

Один из них худощавый, с тонкими чертами бледного лица. Слегка прищуренные с лукавинкой глаза придают ему какую-то мягкость, обаятельность. Фигура не богатырская, но статная, подтянутая. В его движениях, манере разговаривать — спокойно, неторопливо — чувствуется внутренняя дисциплинированность. Это результат не столько выучки, сколько воспитания.

Другой — выше ростом, плотнее. Русые волосы с зачесом назад. Лицо, с острым подбородком, тонким прямым носом и подвижными глазами, не по возрасту моложавое. Движения энергичные, даже резковатые. Несмотря на полярность темпераментов, они друзья: настоящие, давнишние. Родились в одном поселке. Выросли на веселой речке Сусее. Когда босоногими мальчишками бегали по пыльным улицам, подружились. Разница в возрасте — два года — не помешала дружбе. Даже укрепила привязанность друг к другу.

В то время их звали Ян-старший и Ян-младший. Младший был страшным задирой. Ему часто доставалось от сверстников. А сколько раз его спасал от увесистых кулаков Ян-старший! Не сосчитать. Старшего не боялись. Его уважали, слушали. Что-то в нем было такое, что действовало на мальчишек магически. Скажет Ян-старший: «Не

трожь»,— и никто пальцем не тронет. Ян-младший быстро почувствовал цену непререкаемого авторитета Яна-старшего и так привязался к нему, что стал его тенью. Куда старший, туда и младший. Когда, бывало, отлучался Ян-старший, младший тосковал, не находил себе места. Старший отвечал такой же привязанностью. Так и жили, как родные братья. Мать Яна-младшего радовалась этому: ее забияка находился под надежной защитой. Родители Яна-старшего подтрунивали над сыном: «Не можешь найти себе товарища по возрасту, связался с ершом». Не действовало. Улыбнется, бывало, Ян-старший и обязательно скажет: «Что вы, парень как парень. Не хуже других». Подумает и добавит: «А то и получше».

Яну-старшему полюбился его младший друг за то, что имел терпение коротать с ним многие часы за книгами. Егоза по натуре, а до книг охоту имел необыкновенную. Попадется, бывало, им новая книга, заберутся тайком на сеновал или еще куда, где им не помешают, и читают, пока не перевернут последнюю страницу. Поначалу доставалось от домашних «за чудачество», а потом привыкли. Стали говорить: «Книга не испортит человека».

В ту пору неподалеку от дома, где жили Буйкисы, поселился пожилой человек по имени Тадеуш. Откуда пришел он, где родился и вырос,— друзья не знали. Не интересовало их это. А вот то, что дядя Тадеуш книги читает на незнакомом языке, сразу обратило их внимание, возвысило незнакомца в их глазах. Стал для них дядя Тадеуш каким-то особенным. Магнитом потянул к себе.

Однажды, когда друзья сидели в комнате дяди Тадеуша, он сказал:

— Язык называется английским. Хотите, научу вас этому языку?

Это было так неожиданно, а главное — так отвечало желанию друзей, что они навалились на дядю Тадеуша — сухощавого и жилистого — и стали целовать его. Совсем чужого и незнакомого!

Дядя Тадеуш не обиделся.

Вскоре заметили, что друзья чаще обычного исчезают из дома, а вместе с ними — и дядя Тадеуш.

И к этому привыкли. И на новое «чудачество» перестали обращать внимание. Только год спустя односельчане не в шутку стали поговаривать, что Ян-старший и Ян-

младший книги читают на чужом языке, чего доброго, свой родной позабудут.

Время шло. Безвозвратно расстались с детством, а неразлучными остались. Вместе стали новобранцами, вместе ушли на фронт. Служили в одном полку, сначала солдатами, потом подпоручиками. В революцию бок о бок сражались с белыми полчищами. В восемнадцатом пришли в ЧК. И тоже вместе...

И вот сейчас два Яна, два друга сидят в приемной Дзержинского и не знают, что могло случиться, зачем они понадобились председателю. Оперативного совещания сегодня нет. Это точно. В последней операции участвовал Буйкис, не участвовал Спрогис. А приглашены вдвоем. Значит, операция здесь ни при чем.

Различные догадки приходили на смену одна другой. Но, как выяснилось вскоре, действительная причина вызова к Дзержинскому друзьям и во сне не могла присниться.

Настоящее дело

Секретарь приоткрыл дверь кабинета и движением головы показал, что Дзержинский разрешил войти.

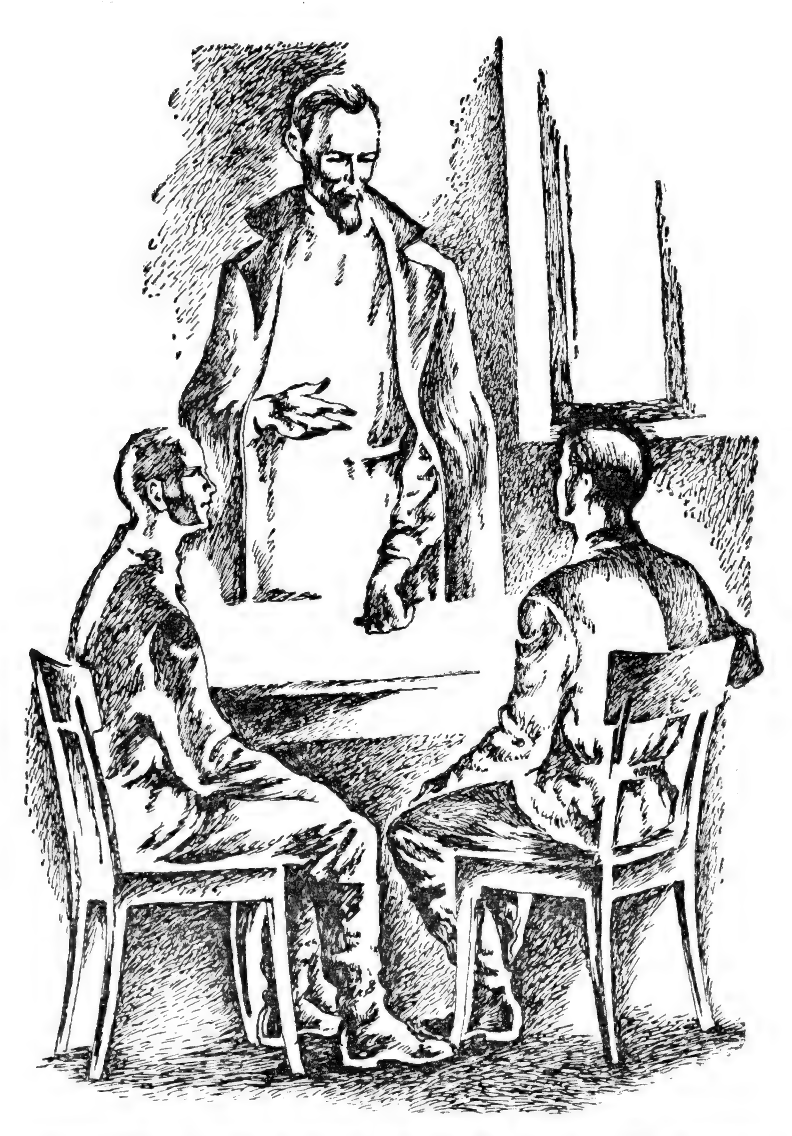
Феликс Эдмундович оживленно беседовал с Петерсом. Когда увидел молодых комиссаров, робко стоявших у двери и докладывавших о своем прибытии, вышел из-за стола, поздоровался и сказал:

— Проходите, пожалуйста, и садитесь поближе. Вот сюда,— он указал на два стула, стоявших у стола.

Дзержинский выглядел уставшим, сильно похудевшим. Глаза его воспалились от чрезмерного и длительного напряжения. Но движения были как всегда — уверенные, энергичные. Голос удивительно спокойный. Он сразу снял волнение у вошедших.

Председатель ВЧК кратко рассказал о положении в стране, о бешеном сопротивлении контрреволюции. Напомнил, что империалисты Англии, Франции и США подписали сепаратное соглашение о борьбе с Советской Россией и уже предпринимают попытки прийти на помощь врагам революции, действующим внутри страны.

— Мы это заметили еще в прошлом году, когда готовили ликвидацию меньшевистско-эсеровского «Комитета спасения родины и революции»,— сказал Дзержинский.—

Дзержинский проницательным взглядом смотрел на молодых чекистов.

Преследуя его агентов, наши чекисты не раз видели, как они скрываются в английском консульстве, но прямых улик мы тогда не добыли. Сейчас, когда мы вышли на след новых контрреволюционных формирований, когда наблюдаем за крайне опасной деятельностью Бориса Савинкова, убеждаемся, что наши подозрения имеют под собой почву.

Из дальнейшего рассказа чекисты поняли, что в руки ЧК поступили сигналы, которые дают основание считать, что белогвардейский заговор эсера Савинкова и другие контрреволюционные организации, раскрытые чекистами,— звенья одной цепи. Судя по всему, действует единая направляющая рука, имеется единый центр. Но это пока предположения. Чекисты же должны точно знать, куда ведут нити заговоров, кто поддерживает заговорщиков морально и материально. Знать, чтобы в сложной обстановке правильно определить направление главных ударов, бить врагов революции наверняка.

Дзержинский проницательным взглядом смотрел на молодых чекистов и, казалось, изучал их внутреннее состояние, их реакцию на все то, что рассказал им.

У Яна Буйкиса мелькнула мысль: «Феликс Эдмундович хочет поручить им настоящее дело». И тут же как бы испугался ее.

«Нет, нет. Что я выдумал? Какое дело? Разве можно такое подумать всерьез?»

«А если да?» — настаивал какой-то внутренний голос. И Ян мысленно отвечал ему:

«Тогда хватит ли опыта, найдутся ли в достатке все те качества, о которых не раз говорил Дзержинский?» Говорил по-человечески просто, но так здорово, что ребята слушали его всегда как завороженные.

В голове пронеслась последняя встреча с Феликсом Эдмундовичем: прямо в оперативном отделе. Плотным кольцом его обступила молодежь. А он говорил: «Чекист должен быть предельно правдивым, честным и дисциплинированным. Вот, к примеру, кто-то из вас выполнил задание. Возможно, ему захочется приукрасить свое сообщение, сказать, будто он сделал больше, чем на самом деле. Или, наоборот, сочтет какие-то детали незначительными и умолчит о них. А ведь мы будем считать его сообщение совершенно объективным, и это повредит делу. Будьте дисциплинированными: раз уже вам дано задание — нуж-

но его выполнить, каких бы это усилий ни потребовало. Если вам что-то поручили — значит, раскрыли какой-то секрет; если вы об этом расскажете «по секрету» другому, третьему, секрет перестанет быть секретом»...

— Так вот,— прервал размышления Буйкиса Дзержинский.— Вам придется отправиться в Петроград. Надо влиться в контрреволюционные организации, найти нити, которые тянутся к иностранцам, и тех, кто ими управляет. Ясно? Через две недели доложите обстановку.

Дзержинский предупредил, чтобы комиссары отнеслись к заданию со всей серьезностью, не надеялись на легкий успех.

— Трудно будет. Впереди много неизвестного, неожиданного. Всего, разумеется, не предугадаешь. Жизнь сложна и многообразна. Но по возможности нужно определить, какие препятствия могут встретиться. Могу сказать наверняка: в компаниях бывать придется. А где компания, там вино и женщины.

Дзержинский посмотрел в упор на чекистов и спросил:

— Вас не пугает такое испытание?

Спрогис ответил:

— Сколько нужно, столько и выпьем, Феликс Эдмундович. Контрикам не уступим. Что касается женщин,— добавил он с улыбкой,— мы твердые. На шею пускай бросаются, не дрогнем.

За всю свою жизнь Буйкис в рот не брал спиртного. Не знал вкуса вина. И, уж конечно, не мог знать, какую емкость может освоить, какие эмоции появятся после этого. И все же закивал головой. Поддержал друга.

Не потому, что хотел обмануть Дзержинского, нет. Считал неудобным пасовать перед трудностями. По существу отказываться от задания. Служить в ЧК — не по гладкой дорожке ходить, а по тропинке, теряющейся в диких перевалах. Их преодолевать нужно, а не хныкать.

Так рассуждал Буйкис. Потому и кивал головой.

Феликс Эдмундович вызвал секретаря и распорядился приготовить десять бутылок коньяка «Финь-шампань».

— На всякий случай,— сказал он, обращаясь к комиссарам.— Пусть будут под рукой.

Дзержинский оставался верен себе. Он дал понять, что это трудное, очень трудное задание он хочет поручить именно им, Буйкису и Спрогису, но не давал готовых рецептов, оставляя много возможностей помозговать, самим

проявить инициативу. Он так и сказал: «Вам на месте будет виднее».

Когда уходили, Феликс Эдмундович положил руку на плечо Буйкиса и по-отцовски заботливо заметил:

— Сегодня ночью вы действовали отлично. Мне доложили об этом.

И, как бы вспомнив:

— А знакомый ваш Зюзик успел отличиться. Час назад в тюремной камере вскрыл себе вены. Говорит, не могу и дня прожить, чтобы не видеть человеческой крови, не чувствовать ее запаха.

Дзержинский перешел на шутливый тон:

— Да, да. А ведь не это главное. Зюзик к вам с претензией. В камере спросили, чем объяснить его отказ от сопротивления и капитуляцию. А он? Вы знаете, что он ответил? Ей-ей, не придет на ум такое. Говорит: «Не отказался, а подчинился силе чекистов. Грубой, необузданной».

— Вы только подумайте!— Феликс Эдмундович от души рассмеялся.— Обидели херувимчика. Как бы не пришлось ответ держать перед советским правосудием, комиссар Буйкис.

«Вот какой Зюзик, этот отпетый бандит с интеллигентным лицом и грустью в глазах,— подумал Буйкис.— Встретишь такого на улице, и в голову не придет, что перед тобой опасный злодей, контра проклятая».

Борьба обостряется

Враг действовал уверенно, порою — просто нагло. Хитроумно плел он нити заговоров, ловко используя приемы тайной войны. Он унаследовал опыт царской охранки, взял на вооружение все «лучшее», что было в арсенале иностранных разведок. Он верил в легкую победу.

Нельзя сказать, что уверенность эта строилась на песке. Для буржуазных политиков, так и не понявших неодолимой силы свершенного в России, достаточно было временных, преходящих факторов, чтобы уверовать в свою победу. А они, эти факторы, были внушительными, порою грозными.

Советская власть делала все возможное, чтобы навести порядок в своем доме, как можно скорее наладить разрушенное войной хозяйство. А монархисты, кадеты, эсеры,

меньшевики и всякие иные контрреволюционные силы не щадили живота своего, чтобы сорвать усилия новой власти. Им помогала иноземная буржуазия, еще так недавно ходившая в союзниках России.

Царские чиновники, оставленные на своих постах в министерствах, банках и других государственных учреждениях, бойкотировали мероприятия Советского государства, отказывались повиноваться властям. Заменить их было некем. Враги и на них делали ставку.

В ряде губерний заполыхало пламя кулацких мятежей. Вздыбилась деревенская контрреволюция. Богатеи и кулаки — до двух миллионов хозяйств — в один голос заявили: «Не дадим хлеба государству. Сгноим, а не дадим». Расчет простой: нет хлеба — нет жизни. Молодую Советскую республику можно и голодом уморить.

Планы и исполнение — не одно и то же, но действия кулаков вызывали дополнительные трудности, облегчали внутренним и внешним недругам борьбу с Советской властью, обнадеживали их.

Еще в декабре, ровно через месяц после революции, Англия и Франция, с ведома и согласия США, заключили тайное соглашение о разделе сфер влияния. Франция поклялась удушить Советскую власть на Украине, в Крыму, в Бессарабии, Англия — на Дону, Кубани, Кавказе. Втайне готовили удар на Севере. Соглашение не осталось фикцией. Весной следующего года их войска высадились в Мурманске. Пришли как завоеватели.

В Москве и других городах действовали подпольные монархические организации. Они вербовали верноподданных из юнкеров, царских офицеров и просто уголовников, вооружали их и всякими возможными путями направляли это «войско» на юг, где социальная среда была более благоприятной, где позиции оказались прочнее.

В марте 1918 года ВЧК закончила следствие по делу «Союза реальной помощи». Эта монархическая организация планомерно направляла на Дон вояк, которых выискивала в поте лица и благословляла на борьбу с новой властью.

В апреле ВЧК раскрыла еще одну организацию подобного типа. Только руководил ею заокеанский «друг» России американец Бари. Он тоже торопился заполонить Дон «надежной» публикой.

Результаты следствия неопровержимо показывали, что

контрреволюция собирает силы, готовится дать решительный бой.

Враг не дремал. Такого врага лобовой атакой не одолеешь. Отдельные, пусть даже и чувствительные удары, которые наносили ему чекисты, не могли обезвредить его быстро и полностью. Они лишь ранили его. А это усиливало озлобленность, делало его еще более опасным. Борьба осложнялась, приводила к дополнительным жертвам, отдаляла день окончательного разгрома. Нужно было противопоставить тактике противника свою, еще более тонкую, более совершенную.

Опыт ВЧК, пусть и небольшой, убеждал, что в стане врага нужно иметь своих людей, чтобы наперед знать о его замыслах, вовремя разрушать их.

Задание Буйкису и Спрогису как раз и являлось важным звеном в больших планах Феликса Эдмундовича.

Экзамен у начальника контрразведки

Легко сказать: проникнуть в контрреволюционную организацию. А как осуществить это, как сделать, чтобы враг не «раскусил», принял за своих, поверил и «раскрылся».

Этому и был посвящен разговор начальника контрразведки с Яном Буйкисом и Яном Спрогисом.

Дзержинский поручил опытному чекисту обсудить с молодыми комиссарами детали операции, но предупредил: считаться с мнением исполнителей, ни в коем случае не зажимать их инициативу.

Почувствовав атмосферу непринужденности и доброжелательности, молодые комиссары стали развивать свои планы, строить предположения.

— Прежде всего нам нужно определиться, кто мы и что мы. Как будем представляться контре,— начал Буйкис.

— Разумеется, не чекистами, а своими,— ответил Спрогис.

— Это так, но давай конкретнее, Ян.

— Феликс Эдмундович говорил, что контрреволюция бьет на латышей, хочет повернуть их против Советской власти. Вот и нужно использовать их «любовь» к латышскому народу. Скажем: «Мы, подпоручики царской армии, представляем организацию недовольных латышей».

— Недовольных? Это как-то неопределенно.

— Сказать недовольных Советской властью — это, во-

первых, неправда, а во-вторых, обидно для латышей.

— Нет, друг. Главное, что это неправда. Трудовые люди Латвии за Советскую власть кому хочешь горло перегрызут. Не секрет. Но если это поможет перегрызть горло контре, они не обидятся на нас, если когда-нибудь узнают, что мы разыгрывали из себя ее пособников.

Спрогис посоветовал:

— Неплохо было бы связаться с товарищем Урицким. Он знает обстановку в Питере, наведет нас на след, поможет людьми.

Но у Буйкиса было свое мнение по этому вопросу:

— На готовенькое не рассчитывай, Ян. Вряд ли Урицкому нужны варяги. А был бы след, он пустил бы по нему своих ребят. Я так понимаю: конспирация прежде всего, поэтому мы должны действовать самостоятельно. Войдем в организацию, выполним задание — и Урицкий спасибо скажет. Нужно будет — и поможет.

— Неплохо бы клички иметь,— примирительно бросил Спрогис.

Буйкис подхватил эту мысль.

— Верно. Действовать нужно под чужими фамилиями. Контрреволюция, она ведь образованная в этих делах. Узнает, что представители московской организации не прячут уши, и разговаривать не станет. Рисковать собой из-за нашей серости, конечно, не будет.

Попытались нарисовать законченную схему действий по проникновению в организацию, как говорится — «от» и «до». И тут начались неприятности.

Друзья высказывали разные варианты, вносили всевозможные предложения: одно заманчивее другого. Но когда начинали анализировать детали, обязательно находились слабые места, и все рушилось, как карточный домик. Два часа поиска правильного решения задачи, а результата, казалось, никакого.

Все, что думал предложить Буйкис,— предложил. Все, что хотел сказать Спрогис,— сказал. Молчал только начальник контрразведки. Он слушал внимательно, доброжелательно, но ни своим видом, ни словом, ни движением не давал повода для того, чтобы комиссары уловили оценку своим суждениям. Как старший товарищ, он дал возможность молодым чекистам проявить себя, показать, на что они способны. Умеют ли трезво оценивать обстановку, не проявляют ли горячности, а главное — недооценки си-

лы противника, его возможностей. Ничего не ускользало от его внимания. Каждое предложение либо одобрялось, либо отвергалось. Но все делалось в глубине души.

— В общем-то задача ясна,— осмелился на шутку Спрогис.— Дело за пустяком: хорошо выполнить ее.

— Хорош пустяк,— ответил в сердцах Ян Буйкис.

И тут начальник контрразведки не выдержал, заулыбался. Он тоже решил, что пора закруглять беседу. Ему все ясно. Сегодня, вот здесь, он убедился в самом важном: оперативное мышление молодых чекистов заслуживает всякой похвалы. Теперь он понял, почему Феликс Эдмундович поручил столь сложное задание этим, а не другим ребятам. И восхищался им: не каждому дано так тонко понимать, на что способны твои подчиненные, какие возможности таятся в них.

Поистине золотое качество руководителя!

Молодые чекисты ожидали, что скажет начальник контрразведки. А тот понимал: не похвала нужна комиссарам, а строгая критика их действий, правда, пока еще не вышедших за рамки словесных баталий.

Упреков не заслуживали ребята, но и хвалить их было еще рано. Одно дело слова, другое — результаты. И все же хотелось сказать: «Молодцы, ребята», но почему-то начал так:

— Теперь понимаете, почему Феликс Эдмундович сказал: «На месте будет виднее». Оперативная фантазия нужна. Без нее не обойдешься в нашем деле. Но строиться наши планы должны на реальной основе, с учетом конкретной обстановки, действительных фактов и явлений. А ведь все это там, в Питере. Одно могу сказать определенно: на Урицкого не рассчитывайте. У него людей не хватает. Знающих — тем более. В Москву многие переехали, в центральный аппарат. Сами знаете.

Другое дело, если совет потребуется, срочная помощь. Тогда обращайтесь. Обязательно даже. О вашем задании он поставлен в известность.

Тут же договорились: чекисты будут действовать под вымышленными фамилиями. Буйкис стал Шмидхеном, а Спрогис — Бредисом.

Чтобы вжиться в новые имена, с этой минуты друзья только ими и называли друг друга. Собственные, настоящие старались забыть. Не зря же говорят: привычка — вторая натура.

Выезд оперативной группы из Москвы назначили ориентировочно через три дня. Время дали не столько на сборы, сколько на то, чтобы помочь товарищам. Последние дни комиссары работают почти без отдыха. Операция за операцией, а то и по две одновременно

Билеты были в партер

Бредис лежал на койке с книгой. «Мимо острова Буяна, в царство славного Салтана» пролегал его мысленный путь, навстречу сказочным богатырям «в чешуе, как жар» и дядьке Черномору: всегда желанным героям любимой сказки Пушкина.

Немногие минуты отдыха, выпавшие на его долю, он использовал по-своему. Бредис считал, что пушкинские сказки снимают усталость, возвращают человеку бодрость. Как раз то, что нужно ему сейчас: через тридцать-сорок минут он уйдет в ночь, выполнять задание.

Мысли, витавшие возле белой лебеди, плывшей «поверх текучих вод», неожиданно оборвались:

— Чоми, чоми, новость-то какая! — выпалил запыхавшийся Шмидхен.

Он скорее влетел, нежели вошел в комнату и, как бывало в детстве, обратился к другу по-латышски («чоми» по-русски означает «парень»).

Бредис вмиг переключил внимание и уставился на Шмидхена.

— Какая новость?

— Да, чоми, да. Земляки приехали. Завтра в Драматическом «Вей, ветерок!» ставят. Пойдем?

— Обязательно даже, Ян. Начальство обещало отдых перед отъездом.

И, как бы опомнившись:

— Говоришь, земляки приехали?

По удивленным глазам Шмидхен понял, что заинтересовало друга.

— Я ведь не сказал, что приехали из Латвии, правда?

А как хотелось, чтобы земляки прибыли из родных краев. Узнать от них, что там, как там?

Но из Латвии приехать они не могли. Там хозяйничали немецкие оккупанты. Друзья помнили их по пятнадцатому году.

Перед глазами прошли тысячи несчастных, покинув-

ших насиженные места, земляков. Их, как братьев и сестер, приняли русские. Такие же люди труда, как и они. Поделились последним куском хлеба. И латыши-беженцы не сидят сложа руки. Они помогают Родине, как могут и чем могут. Те, кто завтра «Вей, ветерок!» ставят, тоже нужны народу. Очень нужны!

Шмидхен и Бредис любили «Вей, ветерок!» Райниса. В юности смотрели пьесу в Риге. Несколько раз ходили в театр. И все на нее.

Пьеса нравилась им за то, что написана по мотивам народных песен. В ней и тяжкая доля народа выплакана и лучшее будущее обещано. За него, за лучшее будущее, идет сегодня битва. Кровавая и бескровная. Она требует от каждого предельного напряжения сил.

Яну Райнису, своему великому тезке, друзья были обязаны тем, что его произведения открыли им глаза на правду жизни, показали, что счастье трудовых людей в их собственных руках.

Это ведь Райнис познакомил их и с гордым Буревестником, «черной молнии подобным». «Песня о Буревестнике» попала в их руки в переводе Райниса. Они не знали тогда, что горьковский Буревестник — это предвестник революции. Именно Райниса они считали своим Буревестником. Он был для них и правдой, и совестью.

Друзья вспомнили об этом сейчас, когда твердо решили еще раз посмотреть «Вей, ветерок!». За воспоминаниями незаметно подошло время уходить Бредису. Через три часа после него — уйдет Шмидхен. До завтра! До встречи в театре!

* * *

Шмидхен и Бредис в театр не пошли. Днем получили приказание: срочно выехать в Петроград. А вечером уже тряслись в поезде, который уносил их к месту назначения.

В кармане Шмидхена лежали билеты в Драматический театр. Не куда-нибудь — в партер.

После ночной операции шел домой, забежал в театральную кассу. Билетов не было. Купил с рук. И хотя переплатил, считал, что повезло.

А Бредис даже сказал:

— Счастливее тебя, Ян, нет никого на свете.

Интересно, что сейчас думает о нем друг?

Первый блин комом

Обстановка в Петрограде сложная. Главные очаги контрреволюции все еще находятся здесь, несмотря на то, что Советское правительство переехало в Москву.

Шмидхен и его товарищи с головой ушли в суетную жизнь города, находившегося на переднем крае революции. Выдавая себя за представителей московского контрреволюционного подполья, они бродят по улицам, посещают самые подозрительные клубы, танцуют с дамами полусвета, разыгрывают из себя «офицерские сорви-головы». Выступать в роли офицеров царской армии им было с руки. Оба имели звание подпоручика. И хотя чин этот не высокий, бывать в офицерском обществе им приходилось. Законы офицерской чести, манеру держаться, нравы и обычаи этой публики они усвоили хорошо. Это позволяло легко завязывать многочисленные знакомства.

Совсем не трудно было обнаружить единомышленников. На свалке революции их оказалось немало. На приманку, подброшенную чекистами, они набрасывались, как мухи на мед.

Сложнее было из довольно пестрого «войска», включавшего разного рода проходимцев и авантюристов, лиц, разочаровавшихся и неразобравшихся в сущности происходившего, найти идейных врагов революции, поднявших на нее руку по соображениям классовым. А главное тех, кто связал себя с иностранными государствами, кто задумал за тридцать сребреников продать им Родину.

Незаметно пробежали дни, подошли к концу отведенные две недели, а результата нет. Не только внедриться, но и «нащупать» контрреволюционную организацию не удалось. Это встревожило чекистов.

— Как явиться к Феликсу Эдмундовичу, что доложить?— опустив голову, спрашивал Бредиса Шмидхен.

— Ума не приложу,— печально отвечал друг.— У самого голова ходит кругом. Кажется, старались, а в награду получили пшик. Да еще какой!.. А ехать надо. Дзержинский дал срок, он и спросит. Если виноваты, то и взыщет.

— Ты никак сомневаешься, Ян, что придется держать ответ. Или по своей наивности ищешь козла отпущения,— пытался шутить Шмидхен, но лицо вместо улыбки искривила гримаса.

Накануне возвращения в Москву оба Яна не спали

всю ночь. Вспомнили каждый свой шаг, каждый поступок: с кем встречались за это время, где и как познакомились, что говорили о себе, чем интересовались сами. Какую это вызвало реакцию у собеседников.

— Где же мы недоработали, где дали осечку? Не использовали верную возможность обратить на себя внимание?— пытались понять друзья, но не находили ответа.

— Так здорово началась и так позорно закончилась,— продолжительно и глубоко зевнув, а потому заикаясь, почти пропел Бредис и сразу насторожил друга.

— Ты о чем, Ян? Что это у тебя здорово началось?

— Не началось, а началась, потому как карьера женского рода. Это, во-первых. Во-вторых, не у меня, а у нас. И провалилась тоже у нас.

— Какой же ты карьерист, Ян. Да разве можно сейчас думать об этом? Мы задание Дзержинского не выполнили, а ты о карьере какой-то печешься,— совсем было рассердился Шмидхен.

— Ты не пыли,— вскочив с койки, отпарировал Бредис.— Я говорю о карьере в хорошем смысле. Это, во-первых. Во-вторых, и ты не лишен чувства карьеризма, если говоришь, что сейчас не следует говорить об этом. Значит, и по твоему учению выходит, что в принципе об этом можно думать?

— Я тоже самый хороший смысл вкладываю в это слово,— примирительно бросил Шмидхен.

Друзья крепко переживали неудачу, поэтому были излишне придирчивы друг к другу. Никто из них о карьере и не помышлял. Но совершить что-то особенное, такое, о чем потом долго говорить и помнить будут, каждый из них хотел.

— Да, не хватает у нас еще опыта, не умеем использовать малейшую возможность с пользой для дела,— пришел к заключению Бредис.

— Согласен,— поддержал друга Шмидхен.— Я бы сказал, ненаходчивы мы, не изобретательны. Возможности, конечно, были. А вот фантазия наша не сработала. Мы упустили момент, растерялись, если хочешь. Не растеряться в самой сложной обстановке, найти выход и выход правильный, даже если имеется единственная возможность для этого,— вот чему нам нужно учиться, Ян. И учиться у Дзержинского.

Хочешь, расскажу тебе историю, которая приключилась

с Феликсом Эдмундовичем еще до революции, в Польше? Он там на подпольной работе был.

— А ты где ее вычитал?

— Мне Фоменко рассказал. Он всю революционную жизнь Дзержинского назубок знает.

Бредис даже приподнялся на койке.

— Давай, давай, Ян.— И шепотом:— Стыдно, я биографии Дзержинского совсем не знаю.

— Как уже сказал я, дело было в Польше. Дзержинский и еще один подпольщик сидели в буфете варшавского вокзала. Ожидали поезда на Лодзь. А чтобы их не выследили шпики, нарядились богачами. Сидят этакие буржуйские сынки и закусывают... Не перебивай, водка тоже была. С подпольщиками огромный чемоданище, до краев набитый листовками. Лодзинским рабочим предназначались. Туда и везли.

Сидят, значит, товарищи и знать не знают, что беда нависла. Но Дзержинский заметил все-таки. Заметил, что с их чемодана не сводит глаз жандарм. Стоит усатый как вкопанный и следит. По физиономии видно: учуял недоброе. Потом глазищи на них перевел. Дзержинский все видит, хотя вроде бы и не глядит на жандарма. Заволновался, конечно, Феликс Эдмундович. Сам понимаешь, нельзя же не выполнить задание партии.

Начинается посадка на поезд. В буфете уже нет никого, а усатик стоит, следит. Да так нагло. Дзержинский уже совсем забеспокоился, но и в таком состоянии не перестает думать, как выход найти. Подняться и пойти, как ни в чем не бывало, нельзя. Жандарм поднимет трам-тарарам — и тогда провал. Сколько так продолжалось — один Дзержинский знает. Только выход он нашел, да еще какой!

Бредису не терпелось. Он даже рот приоткрыл.

— Не томи, Ян. Почему замолчал?

— Дай передохнуть.

Шмидхен умышленно сделал паузу, чтобы Бредис почувствовал сложность обстановки, в которой неожиданно оказался Дзержинский.

— Какой выход, спрашиваешь? Слушай. Дзержинский уверенно поднялся, и на весь зал раздался его повелительный голос. Он подозвал жандарма, указал ему на шубу: подай, мол, а затем — на чемодан, а сам решительно направился к перрону. Все это произошло молниеносно. Жандарм опешил. Подумав, что связался с важными персона-

ми, приказы которых следует выполнять безоговорочно, он подхватил чемодан и рысцой за Дзержинским. Усадил Феликса Эдмундовича и его товарища в экспресс, внес чемодан, а когда уходил, приложил два пальца к козырьку фуражки. Феликс Эдмундович мило улыбался, а жандарму пришлось на ходу прыгать из вагона... Вот в какой обстановке нашел выход Феликс Эдмундович, а мы?

— Так то ж Дзержинский,— оправдывался Бредис.

Так и проговорили друзья до утра, а когда встали, чувствовали себя совершенно разбитыми. В голове неприятный шум, в мышцах неестественная тяжесть.

Предстоящая встреча со строгим экзаменатором не сулила ничего приятного.

Успеха вам, молодые орлята

Чем ближе подходили они к дому одиннадцать на Большой Лубянке, тем грустнее становилось на душе.

При встречах с друзьями — опускали глаза. Им казалось, что все уже знают об их неудаче и уж, конечно, не хвалят за такое. И поделом! Они бы тоже не сказали спасибо за такую работу своим товарищам.

С тягостным настроением два друга, два Яна, предстали перед Дзержинским.

Феликс Эдмундович, как всегда, встретил приветливо и сразу догадался, что комиссары не в настроении. Он внимательно выслушал сбивчивый рассказ Шмидхена, а затем дал слово Бредису.

— Говорите, говорите,— подбадривал он, совсем было растерявшегося чекиста. А когда тот закончил, на минуту задумался. Над переносицей появилось несколько маленьких морщинок.

Шмидхен воспользовался заминкой.

— Феликс Эдмундович, я прошу заменить меня другим, более опытным товарищем. Я ведь понимаю, нельзя так...

Его голос, прозвучавший виновато, неожиданно оборвался от внезапно нахлынувшей мысли.

«А не дезертирство ли это? Какой же я чекист, если первая трудность сломила, заставила капитулировать? Хорош пример для друга».

Ян застыл. Он ожидал приговора. Но что это?

На лицо Феликса Эдмундовича легла легкая улыбка.

— Более опытным, говорите? А где его взять? Мы все пришли в ЧК одновременно — один месяцем раньше, другой позже. Нет уж, вы эту работу продолжайте, получится. Двух недель не хватило, дадим сколько нужно. Дело сложное, я бы сказал, необычное...

Телефонный звонок прервал Дзержинского.

— Вас слушают,— сказал он спокойно в трубку.

Шмидхен, не сводивший глаза с лица председателя, видел, как оно посветлело, улыбка стала совсем заметной. Феликс Эдмундович, видимо, ждал этого звонка. Дружественный тон его голоса подтверждал это.

— Вы мне нужны. Смотрю протокол и ругаю вас. Вы не занесли в него то, о чем я просил.

В ответ из трубки послышался мягкий, тихий голос, но слов разобрать нельзя было. Проходит минута, другая. Дзержинский внимательно слушает, перевертывая листы мелкоисписанной бумаги. Судя по всему, перед ним протокол какого-то последнего заседания. Он ищет в нем то, что, по его мнению, отсутствовало. На одной из страниц глаза задержались, взгляд сосредоточился. Улыбка исчезла, лицо нахмурилось. Оно как бы выражает недовольство самим собой. Он говорит:

— Да, да, нашел, нашел.— А затем просто и искренне: Извините меня, я был неправ.

Шмидхен подумал: «Не это ли проявление присущего Дзержинскому удивительного чувства справедливости, о котором с гордостью не один раз рассказывали ему и Бредису старшие по работе товарищи». От сознания того, что человек этот — твой начальник, руководитель, на душе стало легко и спокойно.

Феликс Эдмундович вежливо попрощался, легко опустил трубку на рычаг и, после небольшой паузы, непринужденно, будто и не отрывался, не переходил к другому разговору, продолжил прерванную мысль.

— Две недели зря не потрачены. Они ушли на изучение оперативной обстановки. Поручить другому, значит начинать сначала, а на это время транжирить нельзя. Сами знаете. Вот поработаем год-два — и опыт появится. А сейчас каждому из нас необходима страстная увлеченность, горение, убежденность в своей правоте и способности решать самые трудные задачи. Нам нужно больше уверенности в самих себе. Люди с этой уверенностью, этой убеж-

денностью и энергией могут достичь многого. Правильно я говорю?

Дзержинский не только высказывал свое мнение, он как бы советовался с молодыми комиссарами. Это воодушевило их, прибавило сил, наполнило сердца гордостью за Дзержинского, который и сегодня преподнес хороший пример спокойствия и уверенности.

Феликс Эдмундович позвонил по телефону, пришел начальник контрразведки. Дзержинский коротко обрисовал положение дел и заметил:

— Товарищи должны продолжать работу. Дело им по плечу. А вас прошу дать товарищам конкретные советы с учетом того, что нам стало известно от Урицкого.

Весь вечер начальник контрразведки посвятил Шмидхену и Бредису, хотя его ожидала гора различных дел и даже весьма срочных. На телефонные звонки он лаконично отвечал: «Занят». Тем, кто понастойчивее,— терпеливо разъяснял: «Не могу. Зайдите после дненадцати или утром в любое время».

Он слушал молодых чекистов внимательно, иногда делал какие-то заметки в записной книжке.

Когда пришла очередь говорить ему (он сам определил этот момент), начал спокойно, деловито, как и подобает опытному руководителю. Все, что рассказали ему комиссары, было подвергнуто тщательному анализу. Одни действия он одобрил, другие — оставил на совести Шмидхена и Бредиса, третьи — отверг, как ошибочные, с его точки зрения. Всякий раз, когда речь шла о действиях, которые не получали одобрения, он старался на конкретных фактах доказать, что так делать или поступать нельзя было. И тут же просил, чтобы комиссары ответили, а как же все-таки нужно было действовать в сложившейся обстановке. К чести молодых комиссаров они быстро находили правильное решение.

В конце беседы начальник контрразведки сообщил, что, по данным петроградских товарищей, с отъездом Советского правительства в Москву в Петрограде активизировались бывшие царские офицеры. Они используют частные салоны для организации контрреволюционных сборищ и подготовки вооруженных акций. Поэтому Шмидхену и Бредису рекомендовалось обратить особое внимание на эту категорию противников Советской власти, установить места их сборищ, а затем, с учетом местных условий, по-

стараться проникнуть туда, где наиболее опасно.

— Только тут и искать представителей иностранных государств, готовящих против нас заговор,— подчеркнул начальник контрразведки.— В этой работе вам поможет товарищ Урицкий,— пояснил он.

Начальник контрразведки смотрел на чекистов и улыбался. Он знал этих ребят, верил им, радовался за них. Их благословлял Дзержинский на трудное дело, несмотря на временные неудачи, и не ошибался. Сейчас и он твердо знал: такие ребята не подведут.

Тут же начальник контрразведки продлил особые полномочия Шмидхена и Бредиса в Петрограде и про себя подумал: «Успеха вам, молодые орлята».

Началось с пустяка

И дела пошли успешнее. За одну неделю чекистам удалось проникнуть в контрреволюционную военно-монархическую организацию. Довольно крупную и опасную.

Нелегко дался первый успех. А началось с пустяка. Как-то чекисты заглянули в мастерскую художника-фотографа Карелина. Серьезной причины для этого не было. Шли по улице. Натолкнулись на витрину фотосалона. Невольно остановились. Вспомнили беседу с начальником контрразведки. Сопоставили: в городе Советская власть, а тут за стеклом полным-полно физиономий царских генералов и офицеров. Сытые, самодовольные, будто жизнь их и не кончалась. Как были, так и остались хозяевами. Факт с первого взгляда не разительный. В те дни представители так называемой открытой контрреволюции старались чем только можно напомнить о царском времени. Одни демонстративно напяливали на себя старые военные мундиры со всеми орденами напоказ и шествовали важно по улицам. Другие вытаскивали на свет божий пожелтевшие портреты последних российских монархов. Третьи до хрипоты утверждали, что лучше царского режима не придумаешь. А вот Карелин увлекся отжившими свой век персонажами. Безобидное ли это увлечение? Кстати, у него салон, чем не место для сборищ.

Чекисты решили взглянуть на Карелина.

Вошли в салон. С видом профессиональных ценителей стали рассматривать развешенные на стенах художественные фотографии. Работа искусная, ничего не скажешь. А

персонажи — те же, что и на витрине. Правда, между холеных вояк кое-где изображения женщин. Дамы достойны мужского окружения: томные глаза, гордые осанки и масса всевозможных драгоценностей у каждой: в прическах — редкостные броши, на шее — дорогие колье, на пальцах — массивные перстни. Весь вид их кричит о том, что люди эти привыкли к роскоши, прожигают жизнь в безделии.

— Вот к кому тянется Карелин,— сказали себе чекисты.— Не поможет ли он познакомиться с этими важными птицами.

В салоне, кроме них, находился какой-то пожилой человек с интеллигентным лицом и умными, глубоко сидящими в орбитах глазами. Самого Карелина не было, отлучился в соседнюю комнату. Поджидая хозяина, незнакомец непрерывно ходил, который уже раз отмеривая расстояние между окном и столиком. Его нервные движения, а главное — выражение лица, говорили о том, что человек чем-то расстроен.

Когда, наконец, появился Карелин, элегантный толстячок с усиками-бабочкой, незнакомец встретил его экспансивно: он в чем-то обвинял Карелина, что-то доказывал, активно жестикулируя.

Хозяин салона виновато оправдывался. С опаской поглядывая на двух незнакомцев, пытался успокоить не в меру разбушевавшегося клиента. Создалось впечатление, что он заискивает перед ним. Эту, может быть, только казавшуюся зависимость и решили использовать чекисты.

Два-три слова, сказанные Бредису Шмидхеном, и план действия принят: они попытаются переговорить с незнакомцем без свидетелей.

Незаметно чекисты покинули салон, чтобы встретить на улице незнакомца и под благовидным предлогом заговорить с ним. А когда тот вышел, все еще раздраженный и что-то бормотавший себе под нос, Шмидхен и Бредис были тут как тут. Один из них сочувственно заметил:

— Стоит ли так расстраиваться из-за какого-то пустяка?

Незнакомец, ожидавший малейшего повода, чтобы излить свою душу, казалось, обрадовался представившемуся случаю:

— Дорогие мои,— начал он тут же.— Был бы пустяк, разве я позволил бы так разговаривать с человеком? Даже таким, как Карелин. Я не так дурно воспитан.

Он оглядел новых знакомых снизу доверху, затем несколько секунд всматривался в их лица, думая про себя: в стране неразбериха, а они опрятны, я бы сказал — элегантны. Какая изысканность в обращении. А глаза? Каким внутренним благородством светятся они. Это — люди нашего круга, им можно довериться,— решил незнакомец и извиняюще произнес:

— Не осуждайте меня за дерзость, случайными свидетелями которой вы изволили быть. Я казню себя за то, что позволил разыграться чувствам. Но, поверьте, тут ведь трагедия. Честь семьи затронута. Карелин не человек, а скотина продажная. Сам продался Самсонову, служит ему верой и правдой и других тянет в болото.

Незнакомца душил нервный приступ. Он на глазах терял силы. Шмидхен и Бредис взяли его под руки и сразу почувствовали, насколько ослаб человек — почти повис на их руках.

Чекисты остановили извозчика, бережно усадили незнакомца и доставили по адресу, который он назвал.

За время недолгого пути незнакомец пришел в себя: быстрая езда навстречу ветру сделала свое дело. На бледных щеках появился румянец, губы тронула улыбка.

Важные признания Касаткина

— Не перевелись на Руси добрые люди,— сказал незнакомец и пригласил чекистов зайти в дом.

Внутренне он убедил себя, что встретил людей честных и благородных, далеких, как и он, от крайностей в политике, одним словом, единоверцев, с которыми можно откровенно поговорить обо всем, открыть им самое сокровенное.

— Милости прошу, милости прошу, господа,— говорил он, подымаясь по ступеням деревянного крыльца одноэтажного особняка, каких и тогда в Петрограде было не так уж много.— Сердцем почувствовал добрых людей. Душу хочу вам излить.

Чекисты не заставили долго упрашивать себя. Они поняли, что незнакомец знает о Карелине то, что им сейчас может пригодиться.

Через просторную прихожую вошли в небольшую комнату, по всем признакам служившую кабинетом. А через пять минут инженер Иван Иванович Касаткин, так на-

звал себя незнакомец, прочно сидел в глубоком старинном кресле и рассказывал о семейной трагедии, к которой, как утверждал он, самое прямое отношение имеет Карелин.

— До революции Карелин дружил с жандармским полковником Самсоновым. Друзья были — водой не разольешь. Поначалу я даже не понимал, что общего у этих людей. Один, Карелин, вроде бы некоторым образом с искусством связан, другой, Самсонов, казалось, был рожден, чтобы глумиться над людьми. И чем больше глумился, тем большее утешение получал. На совести Самсонова сотни загубленных жизней.

Что? Спрашиваете, какую власть сейчас поддерживает Самсонов? Сами понимаете, такой не может симпатизировать новой власти. Да что там говорить, он ненавидит ее, как может ненавидеть только Самсонов. Впрочем, «ненавидеть» и «служить» — разные понятия. Самсонов все может. Ради корысти и денег такой пойдет в услужение к самому дьяволу, потому как сам исчадие ада. Так вот, кому служит Карелин, не знаю, только он и сейчас связан с этим самым Самсоновым. Его салон — место тайных встреч, которые организует Самсонов.

Иван Иванович немного помолчал, подержался за голову, затем опустил ладони на колени и вздохнул так, как это делают маленькие дети после продолжительного плача. Он подошел к самому главному в своем рассказе, а выложить это самое главное — было не легко.

— Люди они взрослые, сами пускай отвечают за свои поступки и несут ответственность перед новой властью. Так нет, вы только послушайте! Они обманным путем втянули в свое темное дело моего сына, безусого юнца. И все Карелин. Обманул, стервец, самым бессовестным образом. Дал какое-то поручение. Мальчик по глупости выполнил. Не знал же он, что оно пагубно для него. Карелин воспользовался этим ловко. Сейчас держит в страхе ребенка, говорит: «Уйти в кусты — равносильно жизни лишиться».

Мальчик рассказывал мне об этом со слезами на глазах. Он выложил все до нитки, но, к сожалению, поздно, когда понял, что влип в историю, из которой выходят без головы.

Иван Иванович задыхался от волнения. Он просил дать ему разумный совет, подсказать, как поступить, кому заявить.

— Конечно, сделать нужно так,— говорил он, резко понизив голос, словно опасался, что его подслушивают,— чтобы спасти мальчика ну и, разумеется, не навлечь гнева этих негодяев на наш дом. Они все могут, и даже убить. Да, убить,— подчеркнул он.— А потом доказывай свою правоту. В обстановке, когда каждый чувствует себя хозяином, да еще угрожает оружием, трудно найти правду, сами понимаете, господа хорошие.

Чекисты расспросили Ивана Ивановича о его житье-бытье. Оказалось, он вдовец. Живет с сыном-гимназистом. В данный момент не работает (время-то какое неспокойное!). Имеются кое-какие сбережения. На них и живет. Накануне революции совсем уже собрался переехать к сестре в Тверь. Там поспокойнее, не так шумно, как в столице (он считал Петроград еще столицей). Да и для сына лучше. Сестра одна, и он без жены. События помешали: обрушились как снег на голову.

— Что делать, что делать?— качал головой Иван Иванович. — Как спасти мальчика? — вновь и вновь повторял он.

Случайно выяснилось (Иван Иванович не хотел признаваться в этом), что Карелин — двоюродный брат его покойной жены. Человек до фанатизма реакционный. А главное — бессовестный. Не обманет — не проживет.

— Сколько знаю его, столько врагами были,— оправдывался Касаткин.

Чекисты сочувственно отнеслись к тому, что услыхали. А потом посоветовали: Тверь под боком, туда и нужно отправиться немедленно. Вместе с сыном. Обязательно с ним. Главное сейчас: переждать. Когда все успокоится, станет на свое место, тогда виднее будет, как поступить, как судьбу свою определить...

Уже на крыльце, прощаясь с гостями, Касаткин виновато говорил:

— Не обессудьте, даже чаем попотчевать не могу. Весь дом, все хозяйство на мне, а я, что ни говорите, только мужчина. Кроме холодной воды да прошлогодних ржаных сухарей, ничего в доме нет из провианта. А за советы — низкий поклон вам, господа.

...Через два дня Иван Иванович с сыном Володей отправился в Тверь, а Шмидхен с Бредисом зачастили в салон Карелина. Чекисты понимали, что главное внимание они должны сейчас обратить на Самсонова — организато-

ра тайных сборищ. Но добраться до него можно только через Карелина — хозяина салона. Теперь-то они знали, что может ублажить этого человека, что насторожить, а что просто оттолкнуть. Касаткин многое рассказал им о человеке с усиками-бабочкой, и сейчас они строили отношения с ним со знанием дела. Ошибки исключались.

Когда Карелин узнал (разумеется, под большим секретом и в подходящий момент), что латыши из Москвы, приехали по заданию своей подпольной организации, он загорелся. А еще через день-два уже сам сугубо конфиденциально похвалялся, что представителям Москвы повезло: они напали на клад, каким всегда был и остается Карелин.

— Кто-кто, а Карелин знает, какую власть защищать, с какой бороться. Знает, кто друг ему, а кто враг. Кому верить можно, а кого грязной метлой гнать от себя. От природы шестое чувство ему дано. Оно и помогает курс определять безошибочный.

Вскоре, по рекомендации Карелина, чекистов свели с надежными людьми из военно-монархической организации, в которой состоял Самсонов. С ним чекистов не познакомили. Не сказали даже, какое положение занимает в ней Самсонов. Это доказывало, что жандармский полковник — птица важная, тщательно оберегаемая.

Чекисты проникают в банду

Новые «собратья» были хорошими конспираторами. У них действовала продуманная система проверки, включавшая элементы слежки. Главари — бывшие кадровые офицеры царской армии — умели мыслить строго логично, неплохо владели методом психологического воздействия. Не брезговали и такими приемами, как шантаж и угрозы.

Чтобы не подвергать всю организацию опасности в случае провала или предательства кого-нибудь из бандитов, они делились на десятки. Рядовые знали только своих десятников, да и то по кличкам. Десятники были связаны с командиром, власть которого распространялась на несколько десятков, а тот, в свою очередь, знал лишь своего непосредственного начальника. Вернее, его кличку. И так снизу доверху.

Такая своеобразная цепочка придавала живучесть организации: она не рассыпалась, если даже одно звено ее

выходило из строя. На это, по крайней мере, рассчитывали главари организации.

Обо всем этом чекисты узнали не сразу. Первые дни новые знакомые ничем себя не проявляли. Не спешили. Целую неделю чекистов не представляли главарям организации. Все это время проверяли: ходили по пятам, фиксировали каждый шаг, пытались поймать на слове, на противоречиях в суждении.

Чекисты тонко вели игру, не давали и малейшего повода для подозрений. Во всяком случае, они так считали. В то же время затянувшийся своеобразный карантин не мог не рождать беспокойства. Всякие мысли ползли в голову. Нелегко в логове врага внешне казаться «своими», а душой оставаться чекистами. Ох, как нелегко!

Шмидхен и Бредис, как правило, вели официальные беседы с доверенным лицом организации по кличке «Смуглый»: огромным детиной, недюжинной физической силы. О своем положении в организации он не распространялся. От других же они прослышали, что Смуглый адъютант главаря — Локона. «Человек сказочной храбрости,— утверждали те,— по пустяку может любого отправить на тот свет».

Однажды Смуглый заявил Шмидхену, что имеет сообщить нечто очень важное, и назначил встречу в грузинском подвальчике, который находился в районе Невского. Назвал время и предупредил, что любит точность. При этом он лихо задрал пиджак и положил ладонь на ножны кинжала, засаженного за пояс брюк.

— Думаю, мне не придется прибегать к помощи моего верного союзника,— угрожающе сказал Смуглый.

Чекисты знали: такими кинжалами вооружены все люди Локона, но никто из них так не бравировал оружием, как Смуглый.

Свидание в склепе

В назначенное время Шмидхен и Бредис поджидали Смуглого у двери подвальчика. Но тот опоздал на полчаса, доказав, что у него свое понятие точности. А может, специально так сделал, чтобы понаблюдать со стороны за новенькими.

Здесь чекисты бывали и раньше, но не подозревали, что имеется еще и потайная часть подвала, в которой, как

пояснил Смуглый, происходит все наиболее значительное.

Бандит повел чекистов по каким-то низким, узким и тесным лабиринтам. Сам шел с фонарем впереди. За ним — Шмидхен и Бредис. Шествие замыкал человек, которого чекисты никогда не видели. Смуглый только сказал им: «Свой парень».

Идти было страшно неудобно. И казалось поэтому, коридорчикам не будет конца. Чекисты с облегчением вздохнули, когда Смуглый остановился перед дверью и, чуть замешкавшись, открыл ее. Вошли в крохотную комнату. После трудного и таинственного пути она показалась каменным склепом, в который опустили людей, чтоб замуровать.

К потолку была подвешена керосиновая лампа. Под ней стоял небольшой прямоугольный стол и четыре стула, свидетельствовавшие о том, что все рассчитано на четыре персоны. Когда расселись (чекистов посадили на дальние от двери места), спинка каждого стула упиралась в свою стену, Смуглый налил из графина какой-то бесцветной жидкости, сначала себе, а затем другим. Она оказалась водкой низкого качества и почему-то очень теплой. Шмидхена потянуло на рвоту от первого глотка,— до того противной была водка,— но он смог взять себя в руки. Первую рюмку выпил, а три следующих выплеснул за шиворот. Слабая освещенность позволила выполнить трюк с блеском.

Захмелев, Смуглый вытащил кинжал и стал манипулировать им перед самым носом то одного, то другого чекиста. На что рассчитывал бандит, так и осталось загадкой. Убедившись, что его игра с кинжалом не производит никакого впечатления, ткнул его в ножны и объявил:

— Сам батька желает вас видеть. Когда? Об этом я сообщу за несколько часов до встречи. А вы в любую минуту должны быть готовы к ней.

Это настораживало чекистов. Встреча с главарем — это вроде бы и хорошо. Они давно ожидают ее. Но почему время встречи должно проясниться за несколько часов? Осторожность? Конечно, она не сбрасывалась со счетов такими опытными конспираторами. В то же время это могло говорить о том, что полным доверием Шмидхен и Бредис еще не пользуются.

А может быть, их заподозрили?

И надо же случиться такому. Два дня назад Шмидхен

зашел в Петроградскую ЧК. Дело не терпело, нужно было посоветоваться с товарищем Урицким по одному срочному вопросу, касавшемуся Карелина. Старался делать как можно лучше, а что получилось? Вышел из здания на улицу, только прошел два квартала и столкнулся со Смуглым. Правда, тот не заметил Шмидхена. А может быть, только вид сделал, что не заметил?

Теперь, когда Шмидхен обусловливал с адъютантом Локона детали встречи, он почти уверен был, что Смуглый проследил его, а сейчас рисуется, виду не подает. В душе небось злорадствует.

Чего только не передумал Шмидхен в эти минуты!

— Ехать придется в Торшино. Сорок верст от Питера,— лениво пояснил Смуглый. — Паровик мигом дотащит: и двух часов не пройдет. Итак, ждите сигнала.

Не ловушка ли это!

Вечером Шмидхен и Бредис организовали совет.

— Не ловушка ли? Если заподозрили, нам могут физическую расправу организовать. Вот будет обидно,— рассуждал Бредис.

— Какая обида может быть, если нас уже не будет,— поправил Шмидхен. И решительно:— Убить могли и в подвале. И все же на встречу поедет один из нас. Другой останется в городе, прикинется больным.

— Это идея, Ян! Тебе и в путь, дружище, как более мудрому. Я уже давно вынашиваю план: сделать тебя старшим. Надеюсь, не раздавишь своим авторитетом... Нет, нет. Сам знаешь, я не из трусливого десятка,— поспешил оправдаться Бредис, заметив лукавую улыбку на лице друга.— Если скажешь мне, поеду я и без...

— Ладно, ладно,— снисходительно оборвал Яна Шмидхен,— найдется и тебе работа, не менее опасная.

— Понял. Службу наблюдения я беру на себя. В случае чего, в один миг буду рядом. Вдвоем-то мы постоим за себя.

— Не за себя, Ян, за нашу советскую Родину.

— Так мы же ее солдаты.

— Это верно, но солдаты, когда нужно, умирают. Родина должна жить. Вечно. Вот так, Ян.

Тут же порешили: Шмидхен пойдет на встречу с Локоном, а Бредис организует наблюдение за конспиратив-

ной квартирой. В случае необходимости, придет на помощь.

И этот день наступил.

Шмидхен приехал в Торошино: живописный дачный поселок, в котором до этого не бывал.

Встреча проходила в небольшой, уютной квартирке. Ее координаты Смуглый дал заранее. Знал Шмидхен и пароль, являвшийся своеобразным пропуском для хозяйки. Услыхав известные ей слова приветствия, она гостеприимно распахнула дверь и, хотя впервые увидела Яна, всплеснула руками и стала приглашать в гостиную, как старого знакомого:

— Ах ты, святой отче, прислал гостя желанного. Заходь, заходь, милок. Рада видеть тебя, голубчик.

Фамильярность незнакомой женщины как-то передернула Шмидхена, но он не показал вида. Смело, с достоинством проследовал в гостиную.

Там его поджидали Локон и его правая рука Белый. Так они представились Шмидхену.

Физиономия Локона, круглая и красная, словно налитая кровью, с зелеными глазами кошки и картошкой вместо носа, казалась зловещей. «Исчадие ада»,— невольно вспомнил Шмидхен слова Касаткина и содрогнулся от отвращения. На фоне Локона Белый выгодно отличался. Поджарый и подтянутый, он походил на штабного офицера.

Локон забросал Яна вопросами: сколько насчитывает московская организация? Кто руководит ею? Поддерживается ли связь с подразделениями латышских стрелков?

Многие вопросы задавались и ранее.

Белый, до этого молчавший, сказал:

— Мы здорово рискуем, Батя. Пригласили на конспиративную квартиру, а кого — и сами не знаем. Кто даст гарантию, что перед нами не чекист.

— Господин полковник,— начал Шмидхен, делая вид, что он обескуражен заявлением Белого. — На ваши плечи взвалена большая ответственность. Это точно. Опасения ваши нам понятны. Только в нашем деле без риска нельзя. В жизни всякое бывает: кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. У нас же с вами случай, когда в выигрыше будут обе стороны...

Шмидхен замолчал: в этот момент Белый наклонился к Локону, желая, видимо, сказать что-то, но тот быстро отвел голову, словно от пчелы, норовившей ужалить. Лицо

главаря оставалось невозмутимым. Шмидхен откровенно контролировал его взгляд.

Выждав удобный момент, Шмидхен продолжал:

— Насильно мил не будешь. Нет веры нам, не обессудим. Пойдем искать других. Мы молоды, а молодые, как известно, ищут.

В ответ опять ни слова. Локон был неподвижен, будто изваяние из красного камня.

«Никак время остановилось»,— подумал Шмидхен. Молчание Локона угнетало его.

И словно гром в ясную погоду:

— Нам с вами не по пути, чекист Шмидхен. Мои люди воздадут вам должное.

Это свой приговор вынес главарь.

— Господа, в таком случае делать мне здесь нечего. Честь имею кланяться.

Браво щелкнув каблуками, Шмидхен направился к двери. У порога обернулся к «обидчикам»:

— Только насчет чекистов зря. Человека ведь и обидеть можно. Очень обидеть.

Сказал спокойно и скрылся за дверью.

— Вернуть!— скомандовал Локон.

Белый рванулся за ушедшим, а через минуту Шмидхен вновь стоял перед Локоном.

— Садитесь, господин Шмидхен,— примирительно бросил главарь.— Поговорим серьезно. Ваши сентенции не лишены смысла, а вашей выдержке позавидуешь даже.

Локон, рисуясь, медленно опустился на стул.

— Разводить сентименты, строить иллюзии — удел слюнтяев и трусов. Люди действия должны действовать, должны рисковать, если нужно. Мы готовы взять вас под свои знамена, господин Шмидхен.

Начался разговор, который вполне устраивал Шмидхена.

Именем закона

Ритм беседы неожиданно нарушил настойчивый стук в дверь. Ян не успел осмотреться, как в гостиную ворвались трое в кожаных тужурках и крагах. У каждого револьвер и палец на взводе.

— Именем закона прошу предъявить документы,— произнес один из них, видимо старший.

Шмидхен понял: петроградские чекисты выследили участников организации и «накрыли» их на конспиративной квартире. Мысленно он старался определить, как должен вести себя в создавшейся обстановке. Своих он не боялся. Он только искренне ругал их за то, что не вовремя появились. И думал, думал, как выйти из этой истории, как сохранить подходы к оставшимся на свободе членам организации, не утратить авторитет в их глазах, добытый в такой упорной борьбе, в непрерывных дуэлях с контрой.

То, что провал произошел по вине петроградских чекистов, не могло быть утешением. А где они были, почему накануне не поставили в известность Урицкого? В Москве ведь предупреждали, если совет потребуется, обращаться к нему. Что и говорить, переоценили себя, пренебрегли помощью старшего, более опытного товарища, вот и расплачиваться приходится за самоуверенность.

Тем временем действовавшие именем закона, проверяли документы. Воинский билет Шмидхена держали долго. Перелистали каждую страничку, придирчиво всматривались в каждую буковку. Настоящий допрос учинили: когда получил документ, где? Хотя в нем значилось все черным по белому. Почему получал в Юрьеве, а находишься в Петрограде? Нелепый вопрос. Каждому известно, что военный билет не определяет места жительства, а этот, с лицом узбека или таджика, почему-то решил задать его.

И действительно, почему? Почему все внимание сосредоточено на нем? У Локона и Белого просмотрели какие-то бумаги быстро, даже небрежно, для формы вроде бы, а на нем задержались. Да еще придирки эти.

Ах, вот почему! Шмидхен впился глазами в проверявшего. Ему показалось, нет, это точно, тот ухмыляется. Еле заметно, правда, но ухмылочка ехидненькая такая.

«Узнал»,— пронеслось в голове.

Шмидхен вспомнил. Точно такое лицо, со щелями вместо глаз, он видел в Петроградской ЧК, когда к Урицкому приходил. Шел по коридору и встретил. Может быть, и не обратил бы внимания, но тот замедлил шаг, отошел в сторону и проводил его взглядом. Шмидхен решил тогда: обознался человек, принял его за другого, и прошел, не остановился. Может, и нехорошо сделал. Спешил очень. А теперь вот где встретились!

Шмидхен страшно злился на этого непутевого чекиста.

Тем временем действовавшие именем закона проверяли документы.

И надо же так неумело действовать! Ну, узнал, ну, удивился, увидев в такой компании. Но зачем же вид показывать, да еще допрашивать с пристрастием. Чего доброго, возьмет да и спросит, что вы делали в ЧК, зачем приходили к товарищу Урицкому. Что делается! Свои бьют по своим прямой наводкой. Да еще с такой злостью.

Человек с знакомым лицом словно прочитал мысли Шмидхена и сообразил, наконец, что избрал неподходящее место для выяснения отношений Шмидхена с чекистами. Закрыл документ, положил в карман, отошел к своим.

Отлегло. Ян подумал даже, что зря ругал. Может, и хорошо сделал парень. Локон и Белый видели все. Для них и разыграл сотрудник Урицкого всю эту сцену. Пусть думают, что Шмидхен не чекист, а такая же контра, как и они. Нет, молодец все же парень. По-своему, конечно. Было куда лучше, если бы они вообще не приходили сюда.

Шмидхен внимательно наблюдал за действиями представителей власти. Старался подметить каждую деталь. Даже пустяк может оказаться полезным, когда нужно выпутываться из такой истории. А те стоят и совещаются. Делают так, чтобы не было слышно, о чем говорят. Может быть, поняли, что кашу заварили. Думают, как исправить ошибку. Только бы еще больше не наломали дров. Могут ведь извиниться и уйти. А я останусь в дураках. Локон и Белый ни за что не поймут такого шага. Накрыли чекисты конскквартиру, пальцем не тронули преступников, мило раскланялись и ушли. Все шишки полетят в него. Это точно.

Что это? Кажется, начинают обыск. Шмидхен следит, мысль работает с предельным напряжением.

Без видимых усилий представители власти обнаруживали и выкладывали на стол какую-то, как они заявляли, контрреволюционную литературу, несколько револьверов, список личного состава и другие вещественные доказательства преступной деятельности членов подпольной организации.

Особенно старался человек, похожий на узбека. Он как бы вперегонки играл, норовил выложить на стол всякой всячины больше других. Для удобства даже фуражку снял. И тут только Шмидхен убедился, что обознался, приняв его за человека Урицкого. У того человека голова

бритая до блеска, а у этого — шевелюра: густая и черная как смоль. И про себя подумал: важная деталь, она поможет правильно сориентироваться.

Шмидхен сразу заметил неестественность обыска. Ему-то, комиссару ЧК, хорошо известны повадки врага. Так легко он не разоблачает себя. Такие опытные конспираторы должны держать все эти «вещественные доказательства» в тайниках, а не на виду. Элементарная осторожность требует этого.

Мысль молниеносно превратилась в убеждение: не иначе, как разведка боем, генеральная проверка его, Шмидхена, надежности.

«Нет, голубчики, нас на мякине не проведешь. Вы хитры, а мы и того хитрее».

Ян раскусил уловку врага и теперь знал, как действовать.

Локон делал вид, что тяжело переносит провал. Его лицо выражало ужас. Шмидхен смотрел на судорожную пляску его скул, и порой ему даже казалось, что это не игра, а естественная реакция, наступившая у человека, испытывающего животный страх перед навалившейся опасностью.

«Ишь, подлюга, играет-то как, словно артист в театре».

Ему почему-то хотелось ударить Локона по физиономии, тем более, что как-то неожиданно она оказалась возле него. Локон воспользовался тем, что представители власти стояли спиной, приблизился к Яну и шепнул:

— Влипли. Виселицы не миновать.

Ян совершенно спокойно ответил:

— Умирать не боюсь. Дело наше верное. Жаль только, что мало сделал для Родины.

Сказал и не узнал Локона. Лицо его в один момент стало таким же, каким было во время беседы. Куда делись наигранные страх и беспомощность. Он выпрямился, подбоченился. Затем резко поднял руку кверху и также резко опустил со словами:

— Точка! Продолжать операцию нет смысла, господа офицеры. Шмидхен экзамен выдержал.

Поздно вечером Шмидхен возвратился в гостиницу. Товарища еще не было. По логике вещей он и должен прийти позже. А на душе все же неспокойно. Естественная тревога за друга: как он там, все ли в порядке.

Через два часа ввалился Бредис. Измученный, голод-

ный. Шесть часов пролежал на сеновале соседнего с конспиративной квартирой дома.

— Устроился шикарно, со всеми удобствами,— рассказывал он.— Было мягко. Сам понимаешь, на свежем сене. Обозрение — лучше не придумаешь. Окно ваше, Ян, я держал все время на прицеле. В отдельные моменты и ты попадал в фокус.

Выяснилось, что Бредис вначале тоже принял лжечекистов за настоящих и костил их в сердцах за то, что суют свой нос куда не следует.

Обидно было: ожидали беду от контры, а тут свои ее несли. Но потом, когда те вышли, сообразил. Чекисты не могли так поступить: ржали, аж за животы держались. Вспомнил, как входили: смело, как в отчий дом. Входную дверь своим ключом открыли. И понял, что комедию с проверкой играла контра.

— Почему на помощь не пришел? — пошутил Шмидхен.

— Не требовалось. Твой вид говорил об этом. Ты сел за стол напротив окна, как бы специально для меня. Я видел: если бы беда, такое спокойное лицо не могло быть.

Долго еще друзья делились впечатлениями. Было что вспомнить.

Такой день недели стоит.

Локон вывернут наизнанку

Проверка под дулом революера принесла и пользу. Локон открывал Шмидхену самые сокровенные тайны, подчеркивая, что верит ему, как себе. Он признался, что его люди ориентируются на заграницу, но связи с ней пока не имеют.

— Видно, сам господь послал нам тебя,— говорил он Яну.— У тебя латышские стрелки, а с ними мы добьемся своего. Мы поставим на колени большевичков. Мы продиктуем им условия. Заставим уважать славное русское офицерство.

Ян делал вид, что внимательно слушает, кивал головой в знак согласия, а в душе смеялся над Локоном. Каким жалким ничтожеством казался ему этот человек. А сколько апломба! Еще вчера в Лесном — пригороде Петрограда, где, как правило, проходили последующие встречи, он пытался припугнуть Яна.

— Ты теперь человек проверенный, это верно. Но жизнь сейчас такая, что и отцу родному полностью довериться нельзя. Смотри, не вздумай переметнуться к красным. На том свете найдем, в порошок изотрем, а удобрение отправим на погост. Запомни это.— Он поднес к носу Яна вороненое дуло пистолета.

«Эх, пигмей, пигмей,— думал про себя Шмидхен.— Если бы ты знал латышских стрелков, знал бы об их преданности Ленину, ты бы издох от злости».

Шмидхен искренне жалел, что не может сказать это Локону в глаза. А как хотелось.

И все-таки чекисты были довольны Локоном. Он верил им, как себе, и каждый день выбалтывал секрет за секретом; хотел доказать этим, что его организация — сила.

Они узнали, что локоновцы имеют свои склады, на которых хранится военное обмундирование и стрелковое оружие: винтовки, револьверы и боеприпасы к ним. Им стали известны адреса этих складов. После революции они не были учтены представителями Советской власти: штабс-капитану интендантской службы, ярому стороннику монархии, удалось утаить их обманным путем, а затем передать монархистам, объединившимся в организацию.

Узнали чекисты и о том, что друг Локона генерал Гурко сколотил в Архангельске организацию, тоже военно-монархического толка, и ждет удобного момента, чтобы выступить против Советской власти.

Шмидхен и Бредис вывернули Локона наизнанку. Сейчас они знали и то, что Локон был тем самым Самсоновым, на совести которого сотни загубленных жизней. В свое время об этом поведал им Касаткин. И вот пришел день подвести итог и решить, что делать с его организацией. Сомнений не было, она представляет большую опасность. В ее составе несколько сот человек, имеющих отличную военную выучку, до зубов вооруженных, действующих тайно. Но это не все. Последнее признание Локона дает основание полагать, что подобные организации сколочены и действуют в других городах. Он же назвал одну, возглавляемую Гурко. И одну ли еще может назвать? А что если они связаны организационно, координируются их действия, имеется единый план борьбы с Советской властью? Такой организацией необходимо заняться немедленно. Для них же она не представляет интереса, так как с иностранцами пока не

связана. Как сказал Локон: «Они ориентируются на заграницу, но связи с ней пока не имеют».

И комиссары передали организацию Локона товарищу Урицкому.

— Вот черти, под носом у моих чекистов поймали крупную контру,— шутил председатель Петроградской ЧК, добродушно улыбаясь. Оба Яна восприняли это, как первое поощрение, правда, выраженное особым способом.

Железная версия

На следующий день Шмидхен сидел в кабинете Урицкого. Вдвоем думали над тем, как покончить с организацией Локона.

По логике вещей, начинать нужно было с руководящего ядра. Комиссары добыли о нем достаточно сведений. Арест «головки» полностью должен нарушить связь, которая, замыкаясь на Локоне и Белом, соединяла воедино отдельные, изолированные друг от друга звенья организации. Отсутствие связи неизбежно парализует взаимодействие этих звеньев, что по существу будет означать конец организации, как единого боевого формирования. Но при этом сохранялись отдельные ее части, они могли действовать в масштабе сотни самостоятельно.

Напрашивалась вторая часть операции, она должна обезвредить каждого бандита в отдельности. Провести ее — тоже не казалось трудным. Ничего не стоило обложить конспиративные квартиры организации (сведения о них имелись), грузинский подвальчик, салон Карелина и другие места, где околачивались бандиты под разными предлогами, и по команде, в один день и час, неожиданно обрушиться на них и переловить. Гарантией успеха являлось то, что хорошо знали признаки, по которым легко можно было определить локоновцев. Один из них: у каждого бандита имелся кинжал типа финского ножа, он носил его, заткнув за поясной ремень.

С организацией Локона можно было покончить довольно быстро. Но чекисты не спешили выполнять этот план. Решили: не спускать с Локона глаз, чтобы не натворил беды, а тем временем попытаться с его же помощью выйти на другие организации, с которыми поддерживается контакт, или о существовании которых известно главарю. В частности, нужно срочно разобраться с организацией гене-

рала Гурко. Какие планы она вынашивает, как велика ее опасность. В случае необходимости — обезвредить.

Как лучше решить эту задачу? К Гурко будут направлены два чекиста с версией: прислал Локон, хочет договориться о совместных действиях. А чтобы версия походила на правду, в нее вкрапят факты, истории и примеры, ставшие известными Шмидхену от самого Локона. Например, Гурко можно напомнить о его предложении объединить усилия единомышленников, действующих в разных городах страны, сделанном сугубо конфиденциально на квартире Локона три месяца назад, когда по делам службы Гурко находился в Петрограде.

Можно напомнить ему и о программе действий его организации, которую он воспроизвел собственноручно и оставил Локону, как образец для других, аналогичных организаций.

Немало рассказал Локон об интимной стороне своей жизни, о событиях, хорошо известных и генералу Гурко. Оба в них участвовали, и чем-то запомнились они обоим на всю жизнь.

Если потребуются примеры по части амурных дел Гурко, чекисты недвусмысленно намекнут, что им известно, как при содействии Локона он успешно совмещал приятное с полезным во время последнего пребывания в Петрограде.

Железная будет версия. Все это Локон мог поведать только людям близким, в преданности которых не сомневается. Гурко не может не поверить ей. А раз так, значит, примет чекистов, будет их слушать, и сам что-то расскажет им.

Конечно, сразу не раскроется. Не такой он, генерал Гурко, чтобы легко попасться на удочку, собственную жизнь поставить под угрозу. Будет сомневаться, попытается поймать на слове, что-то проверять станет. Может предпринять и кое-что другое, чтобы убедиться, кто пришел к нему, с какой целью. И вот тут многое зависит от чекистов, от их личных качеств. Как они поведут себя, смогут ли убедить, заставить поверить в себя.

Кого послать? Этот далеко не простой вопрос тоже обсудили. Ребят Урицкий подобрал хороших. Провели с ними первый разговор, начали готовить к заданию.

В этой работе Шмидхен здорово помогал Урицкому. Но и молодому комиссару пошло впрок такое сотрудничество,

бок о бок со старшим опытным товарищем. Он присматривался, прислушивался. Сколько разумного, мудрого улавливал в его действиях, собирал, как золотые крупицы.

Это особенно было заметно, когда продумывалась версия. Урицкий дотошно расспросил Шмидхена о том, что известно Локону о Гурко, а потом еще долго допытывался:

— А может, еще что вспомните?

Шмидхен старался вспомнить, а Урицкий спокойно, по-товарищески, не поучая, а делясь опытом, советовал:

— Противника обмануть не просто. Он ведь тоже соображает и разбирается в таких вещах не хуже, а, может, в чем и лучше нас.

В нашей профессии золотое правило есть: где понаблюдать нужно — смотри в оба, где действовать необходимо — действуй быстро, не теряйся, а где подумать время есть — продумай все до мелочей.

Как пригодятся его советы в их работе, сложной и ответственной.

Только во второй половине дня, ближе к вечеру, освободился Шмидхен. Вышел на улицу, вздохнул полной грудью. Знал, его ждет друг, беспокоится. Обещал прийти пораньше, не вышло. Нужно торопиться.

А как хотелось пройтись по улице. Выбросить все из головы, ни о чем не думать. Просто так, идти и дышать воздухом, наслаждаться жизнью.

Томик Гете

В гостиницу Шмидхен пришел усталый. Только переступил порог... что это? Яну бросилась в глаза какая-то неестественность в движениях Бредиса. Да и в лице что-то необычное. Испуг? Нет. Больше похоже на растерянность. Видимо, не ожидал появления друга, а теперь пытается утаить от него какую-то штуковину. Когда Шмидхен вошел, Бредис быстро, по-воровски, опустил руки и сомкнул коленки так, чтобы не видно было, что зажато в пальцах. Но Шмидхена не проведешь. У него какое-то особое чутье, удивительная реакция на всякие перемены, особенно, если они свершаются неестественно. Тут он заметит мельчайшую деталь и по ней доберется до истины.

— Налицо элементы конспирации,— шутя бросил он Бредису.— И это от друга прятать-то. Вот и надейся на

такого. Не от контриков, от него получишь удар в спину и дух испустишь.

— Ну, ты уж слишком. Этак можно меня и в контру зачислить,— обиженно заключил Бредис и небрежно швырнул на стол то, что держал в руках.

— Слишком, слишком. Если ты будешь так работать против контрреволюционеров, в миг провалишься. Кто же так уши убирает?

Дружеский тон Шмидхена несколько успокоил не в меру обидившегося Бредиса.

Шмидхен подошел к столу.

— Гете, Иоганн Вольфганг, «Фауст»,— вполголоса прочитал он то, что увидел на обложке старенького, страшно потрепанного томика.— В поэзию ударился. С чего бы это?

— А с того, что она жить и бороться помогает. Читай.— Бредис моментально нашел страницу и ткнул пальцем в строки, отмеченные легонько карандашом.

...Жизни годы
Прошли не даром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.

— Какая силища в словах,— заметил воспрянувший вдруг Шмидхен.— Да такие строчки, как стяг, как клич, поднимающий солдат в атаку.

— Теперь понимаешь, почему Дзержинский любит Гете, зачитывается им?

Тут уже Шмидхену пришлось честно признаться, что этого он не знал. Думал почему-то, что у Феликса Эдмундовича времени на поэзию не остается.

— Какая серость, — от души донимал Бредис друга.— А я-то думал нет на свете того, чего бы не знал мой мудрый Ян.

— Ладно, ладно,— оправдывался Шмидхен.— Скажи лучше, где достал эту книгу?

То, что рассказал Бредис, и разозлило Шмидхена, и еще больше возвысило в его глазах друга.

Совершенно случайно Бредис столкнулся с бывшим политкаторжанином, прошедшим большую школу подпольной работы в условиях царизма. Бывалый человек, живая история. Он тепло отзывался о Дзержинском, с которым, по его словам, даже в одном этапе в ссылку направлялся. Так вот он рассказал, что Феликс Эдмундович не только

страстный революционер, но и человек высокой культуры, тонко понимает искусство, музыку. Очень любит Гете, помнит многие строки его произведений наизусть. Он уверял, что и сам Дзержинский писал стихи. Во время первого этапа в ссылку Феликс Эдмундович читал на привале у костра революционную поэму. Написал он ее по-польски, но так страстно читал, что до души каждого политкаторжанина, даже тех, кто не знал языка, доходила его поэтическая горячность. Человек этот заверил, что в числе сидевших у костра был и он, собственной персоной.

Бредис слушал бывшего политкаторжанина и старался запомнить каждое слово, малейшую деталь о Дзержинском. С недавнего времени он мечтал достать биографию Феликса Эдмундовича, а тут такая удача!

Послушал интересного человека Бредис и новая мечта запала в душу: где раздобыть хотя бы один томик Гете. Если его произведения наизусть знал Дзержинский, значит, он стоит того.

Бескорыстный почитатель лиры

Полдня бегал Бредис по тревожному городу. Обшарил все книжные лавки. Точнее обошел, так как обшарить при всем желании не мог. Закрыты на замок. Но у каждой потолкался и даже подержался за дверную ручку. Про себя зло ругал владельцев: буржуйчики проклятые. Сидят в своих уютненьких квартирах, как мыши в норах. Нет, чтобы проявлять заботу о духовном росте пролетариата.

У одного магазина натолкнулся на препротивного субъекта. Этакого богемствующего типа. Орангутанг благороднее выглядит. Смотреть на этого фрукта противно, а разговаривать — тем более. А все же пришлось. Инициатива принадлежала этому наглецу.

Этак залихватски подошел он к Бредису и, притворяясь почтительным, начал:

— Что, гражданин начальник, наколку высматриваешь? Наше благородие готово предложить персональное участие. Жертва революции, так сказать, в заработках потребу имеет. Как это там поется: «Цыпленок тоже хочет жить». Так вот, давай по рукам ударим. Ты — один, я — один, а вместе чем не кооперация?

Субъект протянул Бредису руку со словами:

— Только благороднее, мозоль не прищеми.

Бредис своей руки не подал, побрезговал. Больно уж противный тип.

Это не обескуражило незнакомца. Еще более нагло он продолжал:

— Страх как не переношу физической болезненности. Из этого принципа и к другим сочувствие имею. При нежелательных столкновениях предпочитаю умерщвлять противную сторону одним махом, чтобы не мучился бедняга. Вот где благородствие души человеческой и все прочее. Теперь видишь, с кем коммерцию можешь иметь? А ты нос воротишь. Словно он у тебя аппарат для насморка, а не флюгер для определения верного курса. Недопонимаешь, гражданин начальник, в какую эпоху жить приходится.

И заискивающе:

— Так, может, выложишь свой интерес?

— Да мне Гете нужен,— чтобы отвязаться от неприятного типа, ответил Ян.

— Один миг,— бросил бродяга и скрылся в подъезде дома, к которому примыкала лавка. Там, как оказалось, жил букинист — ее хозяин.

Яну не хотелось связываться с субъектом, но он почему-то остался на месте. Не хотел, а ждал.

Бродяга выскочил, как из кипятка, боясь, видимо, потерять покупателя, и протянул Яну совершенно истрепанную книжку.

— Для вас, гражданин начальник, старался раб божий Митюха, бескорыстный почитатель лиры; потому, как родственные у нас души.

Передал и кругленькую сумму назвал. А когда увидел большие глаза Яна,— названная цена его ошарашила,— спокойно пояснил:

— Вынь да положь. А не то, поступлю, как с противной стороной.

Ян не испугался. Нет. Он просто не хотел ввязываться в историю. Вынул из кармана кошелек с деньгами и сунул в грязную руку субъекта. Тот не открыл, не посмотрел даже. Профессиональная натренированность подсказала: этот не обманет.

Вот так и стал Бредис обладателем томика, который лежал сейчас на столе.

Шмидхен внимательно слушал историю, в деталях изложенную Бредисом. Ему не терпелось узнать, сколько содрал с друга тип.

— Такой подарочек — и от бродяги. Вот это самопожертвование.

— Хороша жертва. Я ему отвалил все, что ты ассигновал мне на неделю. До копеечки.

Шмидхен хотел обвинить друга в несерьезности, в расточительстве, но вовремя остановил себя, и как умел, спокойно спросил:

— Значит, ты не ел сегодня?

— Это пустяки. Впереди еще шесть дней поста.

— Ладно, дружище, беру тебя на свое иждивение. Лошадь на четырех ногах и та спотыкается. Неделю проживем на мои деньги. Голодновато будет, но перетерпим, не умрем. Пошли, Ян. Накормлю тебя.

Странный «очаг культуры»

Стояли погожие июльские дни. Такими природа редко балует город на Неве. Удивительное спокойствие воспетой Пушкиным реки контрастировало с тревожным настроением толпы. Набережная бурлила. И кого только здесь не было. От простых зевак до дельцов от политики. Они рыскали по городу, держа нос по ветру. Хватались за каждый слушок, каждую новость или просто шутку, немедленно пропускали через машину клеветы и выдавали нагора очередную сенсацию, вроде: большевики доживают последние дни, большевики открыли ворота немцам, агенты которых заполонили всю Сибирь. Все это инспирировалось врагами Советской республики с определенными целями: посеять панику, убить веру обывателя в силу новой власти, вызвать беспорядки, развязать руки контрреволюции.

В один из таких дней по набережной Невы прогуливались Шмидхен и Бредис. Собственно, прогуливались — не то слово. Трудились в поте лица. Их внимание напряжено до предела. Их мозг — словно фильтр, пропускающий все малозначительное, никчемное и улавливающий, анализирующий все, что заслуживает внимания ЧК, что может помочь достижению цели.

Сегодня маршрут их не был случайным. Одобрив их действия за истекшее время, Москва передала указание — понаблюдать за латышским клубом. Как сообщалось, есть основания думать, что его использует в недобрых целях одна из контрреволюционных организаций, связанная с иностранным государством.

Перебрасываясь редкими словами, незаметно дошли до латышского клуба. Обратили внимание на афишу, красовавшуюся на его фасаде. В ней сообщалось, что вечером (указывалось время) в клубе состоятся танцы под духовой оркестр, будет работать буфет.

По тому голодному времени буфет был невероятной роскошью для клуба. Это настораживало.

— Что же, воспользуемся рекламой, заглянем в «очаг культуры?» — обратился Шмидхен к своему товарищу. На том и порешили.

Вечером Шмидхен и Бредис, в новенькой военной форме, появились в латышском клубе. Молодые, веселые офицеры, умевшие с достоинством держать себя в обществе, легко «вписались» в незнакомую компанию. Первыми их помощниками стали молоденькие буфетчицы. Наметанным глазом они сразу опознали в чекистах «новеньких». Стали связывать с ними свои личные планы и расчеты. Охотно болтая со Шмидхеном и Бредисом, они наперебой рассказывали, как весело и беззаботно проводят здесь время моряки.

Не так уж трудно было узнать, что вечеринки в клубе бывают часто, что их завсегдатаи — военные моряки со сторожевого судна, стоявшего неподалеку на якоре. Наведываются сюда и важные лица из Адмиралтейства. А среди них вице-адмирал не то Беляев, не то Белов.

— А кто снабжает буфет продуктами? — спросил Шмидхен.

— Об этом заботится командир корабля. Он тоже здесь бывает, — доверительно сообщили собеседницы. И добавили: — Серьезный человек, почти не танцует, больше беседует.

От них же чекисты узнали многое другое, что укрепляло предположение: кто-то в недобрых целях использует эти вечера как своеобразный камуфляж.

В другой раз чекисты обратили внимание на группу военных. Хотя с ними были женщины, держались они как-то обособленно. Стоило заиграть оркестру, как их дамы тут же уходили танцевать, а они в это время начинали беседовать между собой.

Как потом выяснилось, на вечер пожаловал сам командир сторожевого судна вместе со своими помощниками.

Они-то и нужны были чекистам.

Но как подойти к ним?

3 Заказ 797

«Через даму шефа. Это не вызовет никаких подозрений»,—мелькнула мысль у Шмидхена. Он шепнул Бредису:

— Пригласи на танец даму шефа вечера.

Совет, естественно, был воспринят как приказ и через минуту-две молодцеватый, всегда подтянутый Бредис закружился с дамой командира в лихой польке.

Этого оказалось достаточно, чтобы попасть в поле зрения тех, кто их самих интересовал, а затем и познакомиться. Правда, морская публика не сразу признала. Поначалу дотошно допытывались: кто такие, откуда, с какой целью пожаловали в Питер.

Однажды латышей затащили в кают-компанию, окружили плотным кольцом и давай стращать всякими историями. Один расскажет, затем хором посмеются, другой закончит и опять хохот отчаянный. И так по кругу.

— Намедни к нам заявились чекистские комиссарики,— говорил один из них — здоровый и наглый.— Прикинулись ангелочками, а мы их, того, раскусили — и за борт. Русалкам на обед.

Шмидхен и Бредис поняли, что история с чекистскими комиссарами высосана из пальца с определенной целью, поэтому слушали и сами смеялись от души, а где к месту было — поддакивали. А когда под общее гигиканье раздались голоса: «А вы, часом, не одной веры с теми?», «Может, и вас спустить к Нептуну на проверку?» — разыграли обиженных.

Закончилось все мирной беседой и распитием двух бутылок «финь-шампани», которые предусмотрительно захватили с собой чекисты.

И все же, когда по шатким мосткам Шмидхен и Бредис перебирались на берег, они не были уверены, что лихие морячки не спустят их в море, не пошлют пулю вдогонку.

Много встреч осталось позади, и на каждой из них с избытком и серьезных, и, казалось бы, ничего не значащих разговоров. В зависимости от обстановки, собеседники Шмидхена и Бредиса старались казаться то внимательными, то безучастными, то любознательными, то безразличными, то оптимистами, то скептиками, то сговорчивыми, то излишне упрямыми.

Чекисты понимали: за всеми этими перевоплощениями смотрят пристальные глаза врага. Они наблюдают, они фиксируют, они дают информацию для последующего раз-

бора, анализа и выводов. Смысл этой игры один: прощупать, что за люди Шмидхен и Бредис, каковы их истинные планы, возможности.

Прежде всего чекисты старались не казаться излишне любопытными и заинтересованными. Излишняя заинтересованность рождает недоверие даже у наивных. Здесь же хитрые и расчетливые враги.

Нелегко и нескоро, но чекистам удалось все же заинтересовать новых «друзей». Так завоевывалось доверие, которое привело к контакту с представителями контрреволюционно настроенных чинов из Адмиралтейства и к «деловым» переговорам.

Их стали приглашать на важные совещания.

Есть верный след!

На втором конспиративном совещании в кают-компании присутствовал вице-адмирал: холеный и весьма важный. Крупное лицо, здоровый загар, с тем особенным оттенком, какой может быть только у людей, породнившихся с солеными морскими ветрами. Густая, слегка тронутая сединой шевелюра, большие, с властным огоньком глаза, энергичный подбородок, двухметровый рост и завидная выправка. Вел он себя солидно. Пустяковых вопросов не задавал, поймать на слове не пытался. Все это сделали до него.

— А скажите, господа, каковы мобилизационные возможности вашей организации? — спрашивал он не спеша, округляя каждое слово.— Будьте добры, господа, доложите о моральном состоянии латышских воинских частей.

На солидные вопросы солидно отвечал и Шмидхен. Он нарисовал в общем-то радужную для адмирала картину, но прибавил, что как бы блестяще ни обстояло дело в отдельных организациях, на успех рассчитывать нельзя. Ведь действуют они порознь, организационно не связаны между собой, нет единого руководства.

— Позвольте, господа,— вмешался вице-адмирал,— а кто это вам изволил сказать, что нет единого руководства. Мне-то, смею вас заверить, лучше известно, есть оно или его нет.

Так постепенно чекисты выяснили, что «морская публика» тоже еще не головка заговора, что потребуется еще

немало терпения, чтобы достичь цели. А как же хотелось достичь ее поскорее!

По ряду признаков — вчера опять обнаружили наблюдение за собой — чекисты видели, что их проверяют и пока не решаются свести с главными людьми. Понимая, что форсировать события нельзя, это смерти подобно, они терпеливо ждали.

И совсем непросто ждать в таких условиях. Беспокоят не только личные переживания, хотя они сильны и с ними приходится считаться (людей с «металлическими нервами» нет), но и другое: а что, если враги заподозрили и порвут связь.

Конечно, они не были застрахованы от худшего. Но только стоило им на мгновение допустить, что их «раскусили», что противник лишь из тактических соображений умалчивает об этом и продолжает играть (сколько такое будет продолжаться и выдержат ли они это нервное напряжение?), как мороз пробегал по коже, холодная испарина покрывала спину. Правда, такое состояние быстро проходило. Побеждал здравый рассудок. Чекисты брали себя в руки.

Когда оба Яна оставались наедине и была полная гарантия, что их не подслушивают, они обсуждали всегда один и тот же вопрос: «Все ли сделано для укрепления авторитета в глазах контрреволюционеров».

Они хорошо понимали, что без такого авторитета не добиться цели, ради которой приходится находиться здесь, в самом логове контрреволюционеров, и рисковать жизнью. В нем, в этом авторитете, секрет успеха. И, как бы для успокоения совести, восстанавливали в памяти все, что было для этого сделано: на каждом свидании называли «хозяевам» новые, и конечно же, выдуманные имена сочувствующих им офицеров, сообщали адреса явок, хвастались победами над чекистами. Здорово помогло знакомство с организацией Локона. Многое из того, что они сообщали о ней, их теперешние «друзья» проверяли и, конечно же, убеждались, что Шмидхен и Бредис говорят правду.

Большое впечатление произвело на них сообщение о нелегальных складах с оружием и обмундированием, которые контролировала организация Локона. Его проверили немедленно. Результаты — в пользу чекистов.

Постепенно Шмидхен и Бредис заставили поверить в себя. Через два месяца руководители контрреволюционной

организации заявили, что для пользы дела они должны познакомить Шмидхена с морским атташе английского посольства Кроми. Это была удача!

Кадровый разведчик Кроми находился в Петрограде не случайно. Его оставили для выявления контрреволюционных сил и организации их для борьбы с Советской властью. В целях маскировки, Кроми любил подчеркивать, что остался в Петрограде с благородной целью: помочь спасти русский флот от захвата или уничтожения немцами. Типичный прием разведчика, прошедшего выучку в пресловутой «Интеллидженс сервис».

Особый интерес военно-морской атташе проявлял к советским морякам, считая, видимо, что это его стихия, что здесь его скорее поймут, а значит, пойдут за ним. Только стоит клич бросить.

Ему удалось сколотить контрреволюционную организацию, в которую входили военные моряки, как правило, бывшие царские кадровые офицеры. Когда свершилась революция, по разным причинам, они лойяльно отнеслись к ней. А точнее, делали вид, что относятся лойяльно. Затем каждый из них стал искать возможности борьбы с Советской властью. Не открытой, нет. Внешне они предпочитали оставаться на службе революции, а в действительности скрытно, нелегально вели борьбу с ней. Были в этой организации и представители Адмиралтейства. Если не считать Кроми, фактического ее руководителя, они задавали тон. Один из руководителей организации, бывший контр-адмирал Белов, выходец из старого дворянского рода, потомственный моряк, ярый приверженец монархии, ни одной минуты не симпатизировал новой революционной власти. Он рассматривал ее как временное явление на пути к возврату монархии. А раз так, нечего лезть на рожон, ломать копья. Чего доброго можно и пулю в лоб получить. Лучше выждать, разобраться в обстановке и, если нужно, собрать силы русского офицерства исподволь и в один из удобных моментов бросить их на защиту Русской империи. Заурядная философия контрреволюционера.

Шли месяцы. Ничего похожего на возврат монархии не было. «Народная чернь», так называл Белов трудящиеся массы, укрепляла свои позиции. Каждый день приносил все новые и новые примеры, подтверждавшие это. И Белов забеспокоился. А с ним — и его единомышленники. Вместе стали соображать, как сделать их «работу на пользу отече-

ства» более эффективной. Когда представилась возможность действовать совместно с английским военно-морским атташе Кроми — схватились за нее, как за спасительную соломинку.

— В нашей справедливой борьбе все средства хороши. Вместе с англичанами одолеем большевиков, а там разберемся, кому оставаться в России, кому возвращаться в Англию,— утешал себя Белов.— Россия велика. На худой конец, хватит и нам, хватит и англичанам.

Кроми ценил организацию Белова. Считал, что такой человек, как Белов, все делает с толком, по-хозяйски. Просчета у него быть не может. Никаким чекистам не взять организацию Белова.

Кроми беспредельно верил Белову. Он делал большую ставку на него. Доложил о нем своему шефу. Тот заинтересовался. Требовал постоянно докладывать, в каком состоянии организация, какими силами располагает, какова надежность людей, как обстоит дело с вооружением, не следует ли подумать о создании своих складов с оружием и боеприпасами.

Именно поэтому Белов придал большое значение сообщению Шмидхена о том, что организация Локона имеет такие склады, и даже провел со Шмидхеном разговор по этому поводу. Закончился он тем, что Белов рекомендовал ему поразмыслить, как бы заполучить их под свой контроль.

Во время разговора Белов подумал: «Деловой парень этот Шмидхен». Ян только по виду вице-адмирала догадывался, что тот доволен им.

Все свидетельствовало о том, что дела у чекистов идут успешно, что они вышли наконец на крупного зверя. Теперь забота: как одолеть его.

Лицом к лицу с английскими разведчиками

Первая встреча Шмидхена и Бредиса с Кроми состоялась в здании гостиницы, которая тогда называлась «Французская». Чекистов представили как «надежных людей, на которых можно положиться».

Спокойный и внушительный Белов так и сказал:

— Люди лично нами проверены. Мы верим им, как себе. Они могут быть полезны в нашем деле. Очень полезны,— сделал акцент на последних словах вице-адмирал.— Обратите внимание, господин Кроми, они представляют ту

категорию, на которую в свое время вы ориентировали нас.

Шмидхен и Бредис были на седьмом небе от радости. Еще бы! Такую лестную характеристику им давал сам Белов, который, как они успели заметить, не отличался словоохотливостью, никогда не торопился с выводами и был чрезвычайно скуп на похвалу.

Внешнее состояние не выдавало их радости: лица спокойные, на них деловая сосредоточенность.

Одного чекисты так и не поняли. К какой это категории причислил их Белов. «Ну, да не все ли равно. Свои люди, сочтемся»,— подумал Шмидхен с иронией.

Здесь же Кроми познакомил чекистов с Сиднеем Рейли. И вот как это произошло.

Во время беседы Кроми неожиданно встал, извинился и вышел в другую комнату. Через три-четыре минуты возвратился с неизвестным, которого представил, как лейтенанта английской армии. О том, что это знаменитый английский контрразведчик, чекисты узнали позже, в Москве.

Как же Рейли попал в Россию?

Глава английского правительства Ллойд-Джордж не выражал восторга действиями своих людей в России. Он убедил себя в том, что настало время предпринять нечто дополнительное, что позволит подготовить падение Советского правительства до того, как союзники разработают окончательно план внешней интервенции. Было решено, в частности, немедленно послать достойное подкрепление Локкарту.

Кто же будет таким достойным помощником?

По этому вопросу Ллойд-Джордж имел весьма конфиденциальный разговор с шефом «Интеллидженс сервис» Каммингом. Тот, не задумываясь, назвал Сиднея Рейли, которому доверял беспредельно.

— Только этот человек может оказать Локкарту необходимую помощь в организации падения большевиков,— безапелляционно заявил Камминг.— Неоднократно проверен. Способен на невероятное!

Рекомендация была столь блестящей, что Ллойд-Джордж тут же дал свое согласие.

В самых секретных папках английской разведки, хранящихся в массивных сейфах за семью замками, появилась в соответствующей графе пометка: агент «ST-1». Это было кодовое имя Рейли, направлявшегося в Россию для активных действий.

И вот теперь Рейли перед Шмидхеном и Бредисом.

Манера держаться и разговаривать — высокомерно, надменно, свидетельствовала о том, что человек этот знает себе цену. Большие черные глаза, пухлые губы (нижняя чуть отвисла) делали его чем-то похожим на жителя южной России. Несколько позже, как бы случайно, Рейли в разговоре подчеркнул, что родился в Одессе и ряд лет жил там. Чувствовалось, что сделал он это не потому, что гордится своим русским происхождением, а чтобы расположить к себе новых знакомых: знайте, мол, я ваш земляк, можете раскрывать мне свои души.

На первой встрече разговор шел внешне спокойно. Белов дал рекомендации Шмидхену и Бредису. Рейли немного рассказал о себе. Кроми был немногословен. Он внимательно слушал сначала Белова, а потом Рейли и, казалось, не сводил глаз с чекистов. Наглый простреливающий взгляд английского разведчика был своеобразным испытанием для чекистов. Словно хотел он таким способом проверить, свои это люди или не свои. Прав Белов или ошибается.

Чекистам приходилось контролировать каждое свое движение, каждое слово. Неосторожный шаг, не к месту сказанная фраза могли насторожить противника. В то же время, повышенный самоконтроль мог лишить их поведение естественности, что тоже очень опасно, так как и в этом случае появляется повод для подозрения. Нужно было найти золотую середину, ее придерживаться. К этому стремились чекисты. До сего времени им удавалось. Но только они одни знали, что означало это внешнее спокойствие, эта естественность. Внутреннее состояние было далеко не таким. Его трудно охарактеризовать, дать правильное представление о нем. Мало сказать: чекисты испытывали огромное физическое и нервное напряжение. Они находились в состоянии акробата, стоящего на неустойчивой основе и балансирующего стержнем, с тяжелым грузом на концах. Малейшее смещение в любую сторону от центра тяжести и... равновесие нарушено, неизбежна беда. А может быть, и катастрофа.

В конце концов Кроми сдался, расслабился. Его взгляд стал обычным, человеческим, а глаза естественно перебегали с одного собеседника на другого. В зависимости от того, кто заслуживал внимания по ходу разговора.

В эти минуты Кроми, с его густыми бровями и бачками, был чем-то даже похож на Байрона.

Почувствовали облегчение и комиссары. Их спины вмиг стали влажными. Казалось, огромный груз перестал давить, позволил дышать легко, свободно. Еще одна дуэль закончилась в их пользу!

Перед уходом чекистов Кроми заявил, что хотел бы, чтобы Шмидхен выехал в Москву и представился его шефу — Локкарту.

— Мы отчитываемся перед ним. Он координирует всю нашу работу,— пояснил он.— Такие люди, как вы, ему сейчас очень нужны.

Кроми обусловил очередную встречу со Шмидхеном.

Когда чекисты вышли из гостиницы, на глаза попался ничем не примечательный и в то же время какой-то странный человек. Надвинутая на глаза фуражка закрывала лоб и обнажала на затылке клок густых каштановых волос. Таких субъектов немало кругом. И прошли бы чекисты мимо, и не обратили бы внимания, да вот какая-то мгновенная растерянность на лице незнакомца не пришлась по душе им. Шли и думали: с чего бы это?

— Не успел вовремя раствориться в толпе прохожих,— высказал свои подозрения Шмидхен.

— Думаешь, выдал себя, потому и скис? — уточнял Бредис.

И только на подходе к «Селекту» все стало ясным.

Верные своему долгу, чекисты вели контрнаблюдение, где позволяла делать это обстановка. В гостиницу они никогда не заходили одновременно. Один вперед уйдет, а другой поотстанет, как бы непреднамеренно, да понаблюдает со стороны: нет ли чего подозрительного. Так вот, вчера, когда наблюдение вел Бредис, он заметил, как один субъект проявил явный интерес к Шмидхену. Целый квартал следовал за ним, а когда тот скрылся в подъезде, постоял еще немного, подумал, затем вынул папиросу, закурил и, как ни в чем не бывало, стал маршировать по тротуару: туда-сюда, туда-сюда. Бредис подстроил так, что неожиданно столкнулся с филером у самого входа. Извинившись, попросил разрешения прикурить. И вот тогда-то он хорошо рассмотрел субъекта. У того тоже каштановые волосы, только не такой большой клок на затылке, как у сегодняшнего. А вот лоб у того был большой и бородавка посередине. Посажена, как нарочно.

Когда чекисты все это вспомнили да сопоставили, дружно рассмеялись. Как же можно увидеть большой лоб и бо-

родавку, если фуражка у человека нахлобучена. Потому-то и клок каштановых волос сегодня показался большим.

— Не ахти как густо с филерами у Рейли, если он «Бородавку» (так окрещен был субъект) использует без выходных дней,— решили чекисты, но вскоре вынуждены были внести поправку в свои выводы. У входа в гостиницу стоял «на часах» другой: в шляпе и с тростью. А сколько всех агентов у Рейли? Этого они не знали. Одно не вызывало сомнений: с них не спускают глаз.

Люди Рейли и не подозревали, что раскрыты комиссарами ЧК, что они организуют свою жизнь таким образом, чтобы у Кроми и Рейли укреплялось убеждение в их надежности, как сообщников.

Как-то Бредис даже сказал другу, что они похожи на артистов. Только те играют на сцене, а им приходится играть всюду: и в помещении, и на улице.

— Такова профессия, ничего не поделаешь,— согласился Шмидхен и добавил шутя:— Когда ликвидируем контрреволюцию, легче будет найти работу. Пойдем в театр.

Все говорило о том, что Кроми и Рейли поверили Шмидхену и Бредису. Теперь же, когда они поставили вопрос о встрече с Локкартом, у чекистов рассеялись и те незначительные сомнения, которые где-то в глубине души нет-нет да и давали знать о себе. Чекисты отлично играли свои трудные роли. Они не дали ни малейшего повода для подозрений английским разведчикам и их агентам. Это уже было хорошо, хотя конец дела был еще далеко.

В назначенный день, в той же гостинице «Французская» состоялась еще одна встреча Шмидхена с Кроми. На ней английский разведчик вел себя уже иначе. Старался быть предельно вежливым, внимательным. И даже заботливым. Он несколько раз спросил, как живут посланцы Москвы, не ощущают ли каких неудобств, не нуждаются ли в деньгах.

Ко всему тому, что говорили чекисты, он относился с доверием.

Рейли убедил его, что этим латышам можно верить, не подведут. А раз сам Сидней поверил в это, какие могут быть сомнения. Рейли работает чисто. Не зря же его называют «Вторым Лоуренсом», недаром же сам шеф «Интеллидженс сервис» рекомендовал его в помощь Локкарту.

Кроми пригласил Шмидхена в соседнюю комнату, где

был сервирован стол. Сели. Распили две бутылки сухого вина.

Шмидхен сидел и думал: сколько раз приходилось ему выпивать за одним столом с самыми отъявленными контрреволюционерами, прикидываясь их единомышленником. Разное бывало: и его угощали, как сейчас, и он угощал. Все зависело от обстановки. Но в любом случае одно правило действовало непреложно: не оказаться в плену у зеленого змия, не позволить ему взять верх над здравым рассудком. А как старался противник напоить их, чтобы развязать языки. Сколько раз считал, что ему удавалось это. Но всякий раз обманывал себя. Шмидхен и Бредис и здесь ловко одурачивали своих «друзей»: симулировали опьянение, но ни на секунду не теряли контроля над собой.

Сегодня Кроми не преследовал цель напоить Шмидхена и послушать, что он будет говорить под хлемем. Сегодня он принимал его, как проверенного человека, возлагал на него большие надежды, готовился дать важное поручение. Сегодня он был искренне вежлив и обходителен.

В самом конце беседы, как говорится на отход, англичанин передал Шмидхену закрытый пакет:

— Это рекомендательное письмо. Вручите его лично главе английской дипломатической миссии в Москве Локкарту. Ну, и устный привет от меня.

Кроми мило улыбнулся и пожал руку Шмидхену. И как бы вспомнив:

— По известным причинам адреса на конверте нет. Запомните, Хлебный переулок, 19.

Можно представить себе, с каким настроением Шмидхен возвращался в гостиницу. Ему хотелось скорее увидеть друга и сообщить о новой победе в поединке с опытными английскими разведчиками. Он спешил. Как тень за ним по пятам шел сам Сидней Рейли. «Доверяй и проверяй,— мысленно говорил он сам себе.— Это золотое правило меня еще никогда не подводило».

Неожиданный визит

Бредис сидел в гостинице и немножечко волновался. Так бывало с ним всегда, когда Шмидхен без него уходил на задание. Друга он знал, как себя. По-хорошему завидовал его железной выдержке и какой-то жизненной мудро-

сти. Если друг взялся за что-нибудь — обязательно выполнит. И еще как. А все же волновался.

«Знаю же, вернется Ян и, как обычно, скажет: «Все в порядке». А вот не выходит из головы: как он там, не требуется ли ему помощь?» За этими думами и застал Шмидхен товарища.

— Тебе не икалось? — спросил Бредис.

— А ты что, думал обо мне?

— Так уж и думал. Вроде бы у меня не было более серьезных дел, — не признавался Бредис. Он считал, сказать другу, что думал, очень думал, значит, расписаться в мужской слабости. А это не к лицу комиссару ЧК. Как это говорил Феликс Эдмундович? «У чекиста должны быть чистые руки, горячее сердце и холодная голова». Жаль, не сказано, какой должен быть характер. Да уж, конечно, не слабовольный.

— А вот мне почему-то кажется, ты думал обо мне, — сказал Шмидхен. — Я же думаю, когда тебя нет рядом.

— Ну думал, думал, — буркнул Бредис, решив, что думать о друге, да еще если он выполняет задание, обязательно нужно.

До позднего вечера просидели друзья. Шмидхену было о чем рассказать. Помимо всего предстояло обсудить план действий в Москве, куда они решили направиться на следующий день.

Рано утром в номер, где жили чекисты, неожиданно раздался стук в дверь. Стучали настойчиво. Казалось, тот, кто делал это, хотел немедленно проникнуть в комнату и застать ее хозяев врасплох.

Чекисты были готовы ко всяким неожиданностям. Шмидхен спокойно подошел к двери и повернул ключ.

На пороге стоял Сидней Рейли.

— Не возникло каких-либо затруднений с передачей письма Локкарту? Может быть, нужна моя помощь? — с подчеркнутой вежливостью спросил он.

Было ясно, столь неожиданный визит английского разведчика преследовал единственную цель: проверить, где находится письмо, не попало ли оно в чьи-то чужие руки.

Обстановка сложилась весьма деликатная. Нельзя действовать прямолинейно — показать письмо англичанину и сказать: «На, смотри, если не веришь».

Чекисты понимали — Рейли должен увидеть письмо своими глазами, тут же, но в их действиях и намека не

Англичанин передал Шмидхену закрытый пакет.

может быть на то, что все это подстроено специально для него. И Шмидхен нашел выход.

Разговаривая с Рейли о том, как Бредису удалось раздобыть два билета на ближайший поезд (дал взятку начальнику вокзала), он сначала осторожно, как бы незаметно, а затем все более явно стал осматривать внутренние карманы пиджака, висевшего на спинке стула. Когда Рейли заметил это, Шмидхен, как бы для себя, сказал:

— Кажется, положил сюда, а его почему-то нет.

А потом громко, уже для Рейли:

— Ах, да, вспомнил. На ночь я переложил пакет под подушку. Встал, взял из-под подушки письмо и на глазах англичанина опустил в боковой карман пиджака.

Лицо Рейли выражало удовлетворение. Он был доволен не столько «предусмотрительностью» Шмидхена, сколько собой. Ведь этих ребят передали на проверку ему. Его верные люди ходили за ними по пятам. Высматривали, вынюхивали, докладывали. Сколько раз он сам подключался к делу. Знал ведь: игра стоит свеч. Он дал высокую оценку их надежности. И, как всегда, сделал это с аптекарской, по его мнению, точностью.

«Вот, что значит опыт «Интеллидженс сервис». Вот, что значит разведка, с которой не может тягаться ни одна другая в мире,—восторженно думал он.—Так было. Так будет вечно. По крайней мере, пока существует Сидней Рейли, Второй Лоуренс».

Сидней Рейли покинул гостиницу в самом хорошем настроении. Не было причин для огорчений и у чекистов.

На пути в Москву

Поезд, который почему-то называли в народе «Максимом», с трудом преодолевая расстояние, направлялся в Москву. Несколько старых, видавших виды пассажирских вагонов, зажатых с обеих сторон красными коробками товарняка, покачивались так отчаянно, что только чудом, казалось, удерживаются на рельсах.

За окнами лениво проплывали телеграфные столбы, молодые перелески сменялись плотными массивами спелого леса.

Чекисты сидели у окна самого разбитого вагона и наблюдали за милым сердцу пейзажем. Как же он похож на земли их Латвии, как напоминает родные места!

«Вот только поезду резвости не хватает,— думал про себя Шмидхен.— А как нужна она сейчас, как нужна. Пулей, кажется, долететь бы до Москвы и доложить Дзержинскому об опасности».

Сколько горя обрушилось на его страну по вине врагов. Скольким она дала по рукам, а сколько еще наседает, опасных, обезумевших в своей животной злобе. Среди них много врагов тайных. Они прикрываются безобидными оболочками, на каждом перекрестке кричат, что искренние доброжелатели новой власти, а исподтишка ведут борьбу с ней. Лютую, смертельную.

Сейчас Шмидхен уже не сомневался: глава английской дипломатической миссии в Москве Локкарт — тоже относится к таким. Он не занимается чем положено заниматься ему по долгу службы, а готовит опасный заговор против Советского государства.

Не тянутся ли к нему нити и других заговоров, о которых говорил Дзержинский, когда давал задание? Ян задавал такой вопрос, но ответить на него не решался. Трудно ли впасть в ошибку? Да и не его это дело. Он с другом выполняет лишь поручение. Ну и что, если оно от самого Дзержинского? Тем более, торопиться с выводами нельзя. Феликс Эдмундович сколько раз говорил об этом.

Приедем, доложим все, как было. Выслушают нас, выслушают других, изучат все, сопоставят, проверят. И выводы сделают. Их мнение тоже учтут.

Поезд страшно громыхал колесами и останавливался на каждом полустанке. Всякий раз, когда трогал с места, паровоз изрыгал лавину черного дыма. На какое-то время он закрывал от взора и лес, и небо. И тогда казалось, стоит вагон на месте и лихо пляшет под стук колес. Это укачивало.

Полусонными глазами Шмидхен обвел сидящих в вагоне. Их трясет неимоверно. А они сидят, прижавшись друг к другу, да так плотно, что даже уснувшим не грозит опасность. Уснувшим? Зачем же их поставили в вертикальное положение и поддерживают, чтобы не упали. Из озорства? Людскими телами забиты все полки. Даже те, на которых положено быть багажу. Свернувшись калачиками, подложив под головы узлы и чемоданы, люди спят. А сколько не попало на поезд! Сколько осталось на перронах! Тем хуже. Ну и хорошо, что те не попали. Те ведь агенты Локкарта. Спешили к нему на подмогу. Не выйдет!

Мы раньше их приедем — и к Дзержинскому. Так мол и так...

Бредис разбудил Шмидхена, когда до Москвы оставались считанные километры.

Важный пакет — на Лубянке

Шмидхен и Бредис вышли из вагона и незаметно огляделись. Кажется, слежки нет. А что значит кажется? Где полная гарантия безопасности? Ее дать никто не мог. Осторожность всегда нужна в их работе. Особенно сейчас, когда пакет уже в руках, когда остался один пустяк до Лубянки. До Дзержинского.

И какой пакет везут они! На нем лишь два слова: «Господину Локкарту». Это для них, в их присутствии написал Кроми. А что внутри? Может быть, вскроет его Феликс Эдмундович и скажет: «Все ясно, товарищи. Собирайтесь. Пойдем арестовывать главарей заговора».

Как близко до Лубянки и как далеко. Не завалиться бы в самую последнюю минуту. Ох, как обидно будет.

А что, если противник специально вручил им это письмо? Берите, везите. А мы проследим. Доведем до ЧК и все станет на свои места. Сколько злорадства будет: «Эх, господа чекистики, кого обмануть задумали. Кроми, Рейли, Локкарта. Такого еще не бывало!»

Все передумаешь, когда нужно пройти по улицам дневного города, на виду у многих тысяч людей, передать важный, ох, какой важный документ Дзержинскому. Да так, чтобы агенты Локкарта не увидели, если даже они будут пытаться сделать это.

Тихими улочками и проходными дворами пошли чекисты. Незаметно от одного дома к другому, от одного двора к следующему. Не вместе. Гуськом. На расстоянии, подстраховывая друг друга.

Шумные и многолюдные улицы обходили стороной. Подальше от суеты, от людской массы, в которой легко может раствориться, остаться незамеченным любой агент Локкарта.

Кто знает? Может, сам Рейли пожаловал в Москву в том же поезде и сейчас где-то мечется, лязгает зубами от злости. Хоть и чекистики, а ушли от него, матерого волка.

* * *

В тот же день пакет, предназначавшийся для Локкарта, лежал на столе Дзержинского. Его содержимое тщательно изучалось.

Содержание письма Кроми убедило руководителей ВЧК в том, что операция по выходу на организаторов заговора развивается успешно. Правая рука Локкарта по Петрограду — Кроми поверил, что Шмидхен и Бредис являются представителями московской контрреволюционной организации латышей, и рекомендовал главе английской дипломатической миссии использовать их, как весьма надежных и безусловно полезных людей.

Он же советовал с помощью Шмидхена наладить связь с генералом Пулем, возглавившим войска союзников, высадившиеся на севере, и обсудить с ним условия перехода на его сторону подразделений латышей, действовавших на Северном участке фронта.

Дзержинский сосредоточился. Он еще раз пробежал это место письма.

— Яков Христофорович, нельзя ли использовать идею посылки латышей к Пулю в наших интересах?

— В качестве дополнения к основному плану?

— Разумеется. Пусть встретятся латыши с Пулем. А мы предусмотрим в линии поведения Шмидхена и Бредиса такие элементы, которые убедят Локкарта в разумности этого предложения. Давайте попробуем с помощью латышей заманить союзные войска в глухие, непроходимые леса.

Дзержинский сосредоточенно смотрел на Петерса.

— Повторим подвиг Ивана Сусанина,— догадался Петерс.

— Вот именно. Только полагаться на крепкие русские морозы мы не можем сейчас. Будем рассчитывать на доблестную Красную Армию. Она не подведет.

А сейчас — к Локкарту

10 августа 1918 года, в первой половине дня Шмидхен и Бредис стояли перед Юсуповским дворцом, старинным особняком, воздвигнутым еще во времена Ивана Грозного. По преданию, в одном из его подвалов разыгралась трагедия убийства Грозным его сына, запечатленная в знаменитой картине Репина.

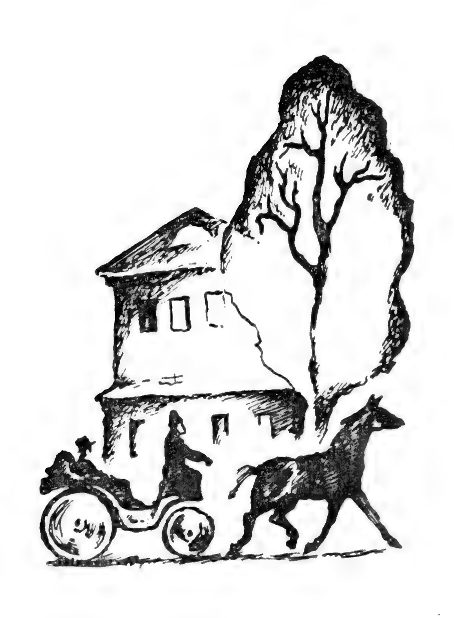
По Большому Харитоньевскому переулку они прошли

вдоль ажурной, коврового рисунка, ограды, остановились у калитки. От центрального входа, который хорошо просматривался между старыми липами, кучно высаженными перед зданием, их отделяли каких-нибудь пятьдесят метров. Здесь размещалось английское генеральное консульство, сотрудником которой официально значился Локкарт.

Как примет он их? Поверит ли легенде, в которую уверовали его подручные, Кроми и Рейли? Все продумать и взвесить нужно, прежде чем предстать перед Локкартом.

В последние дни десятки вопросов наплывали один за другим, подобно морскому прибою. Почему пришли сюда, а не по адресу, указанному Кроми? Об этом хитрый Локкарт спросит сразу же. Если не спросит, то наверняка подумает. А сколько вопросов будет о Кроми, о Рейли, о Петрограде и настроении его жителей, о латышах, наконец, о них самих. Кто, откуда, как встретились с Кроми, о чем беседы вели. На каждый нужно было найти ответ, подготовить себя к тому, чтобы повторить его, когда это нужно будет. Да так, чтобы у Локкарта не возникло и тени сомнения. И чем больше вопросов, тем лучше можно продумать свое поведение в стане врага, закалить себя для дуэли с ним.

Шмидхен и Бредис зорко следили за тем, что происходило вокруг. За несколько минут в здание консульства вошло до десятка человек, вышло примерно столько же. Не слишком ли много? И чекисты решили зайти в здание со стороны Красных ворот, с черного хода. Так будет лучше. Меньше свидетелей, больше шансов попасть к самому Локкарту сегодня же, немедленно.

Искусная ищейка

Немного истории

Лидеры английского правительства с явным раздражением встретили весть об Октябрьской революции.

В кабинете министров переполох. Как остановить большевиков: забота, оттеснившая на второй план все проблемы, которые еще вчера считались первостепенными.

В двадцатых числах декабря в здание английского правительства на Даунинг-стрит срочно прибыл сэр Роберт Гамильтон Брюс Локкарт: последний генеральный консул Англии в Москве.

В России он жил ряд лет, сносно изучил страну, в совершенстве — русский язык и даже великодушно разрешал русским называть себя Романом Романовичем.

Его вызвали по личному указанию Ллойд-Джорджа, премьер-министра, лютого врага Советской России.

В канцелярии военного министерства назначено экстренное совещание. На нем присутствуют достопочтенные господа министры Смутс, Карсон и Мильнер, знатоки русского вопроса Рекс Липер, полковник Бирн ну и, конечно же, Локкарт.

Предмет обсуждения: нужен достойный человек для посылки в большевистский Петроград с иключительно важной миссией. Какой? Спасать Россию. Большего не велено говорить даже здесь.

Лорды Карсон и Керзон наперебой доказывают, что Локкарт — самая подходящая кандидатура. С ними согласились.

На следующий день облюбованный кандидат снова на Даунинг-стрит, в резиденции премьер-министра его величества, Мильнер ведет его к самому Ллойд-Джорджу. Увидев перед собой довольно молодого человека, премьер удивлен. Отошел на несколько шагов, чтобы дальнозоркими глазами разглядеть как следует того, кому Англия готовилась отвести важную роль в борьбе с Советской Россией.

— Так это и есть господин Локкарт? Ваши доклады обнаруживали такую зрелость, что я ожидал увидеть почтенного господина с седой бородой. А вы вот какой.

Ллойд-Джордж не скупился на комплименты. Он понимал: Локкарту не лишне хорошее настроение.

В эту трудную годину сам господь бог не знает, что ждет его там, в России. Что касается его, то он, конечно же, не знает: он всего лишь премьер Англии.

Поддерживая Локкарта под руку, Ллойд-Джордж ввел его в зал, где только тридцать минут назад завершил очередное заседание кабинета. Вышел в коридор и тут его увидел Мильнер.

За премьером последовали все, кто был приглашен на совещание, в чью мудрость верил глава правительства.

Ллойд-Джордж выслушал мнение каждого. Затем попросил внимания к себе. С жаром говорил о хаосе в России, о гибнущей цивилизации. О том, что история не простит англичанам, если утвердится власть большевиков в Петрограде.

— Наш долг — предотвратить трагедию,— воскликнул премьер.— Помимо всего прочего, что надлежит сделать Англии незамедлительно, мы должны послать в Россию достойного представителя. И сделать это нужно тоже как можно скорее. Если хотите — немедленно.

Короткую речь закончил словами:

— К нашему счастью, время на поиски такого человека тратить не придется. Он есть у нас: Локкарт. Его место сегодня не в Лондоне, а в Петербурге.

В начале января 1918 года Локкарту объявили официально: он командируется в Россию во главе чрезвычайной делегации, направленной в целях поддержания неофициальных отношений с большевиками. Эта формулировка, исполненная в духе английской дипломатии, явно предназначалась для общественного мнения. Подлинная же миссия, возложенная на него, держалась в строжайшей тайне. В сущности его направляло в Россию не министерство иностранных дел. Как глава секретной миссии Ллойд-Джорджа, он получил подробный инструктаж в специальной службе военного ведомства. Здесь с ним беседовали долго, подробно, а главное — откровенно. У премьер-министра больше намекали, здесь все поставили на свое место.

Локкарту подтвердили, что в Петрограде он будет работать в английском посольстве. Нет, нет, не дипломатом. Это — для удобства. Главная цель миссии — выявить здоровые силы, которые можно использовать в борьбе с большевиками, войти в контакт с лидерами этих сил, всячески содействовать их консолидации, готовить к перевороту.

Действовать по обстановке, но в любом случае — энергично.

Для пользы дела советовали прибегнуть к испытанному приему: разыграть друга новой России, желающего ей добра и процветания. Заверили: подобная тактика отведет подозрения, развяжет руки, позволит установить желательные контакты в среде людей влиятельных и нужных. Подчеркнули: денег на приобретение связей — не жалеть.

Через день-два Локкарт тронулся в дорогу. Из Лондона его путь лежал через Эдинбург в Куинсферри. К морю подъехали в сумерки. Здесь Локкарта и его спутников встретили чиновники морского ведомства.

Когда опустилась темнота, к берегу пришвартовалась шлюпка. От нее отделился человек, казавшийся издали тенью. Вблизи тень оказалась офицером флота. Он сообщил, что пора грузиться.

Матросы резво подхватили багаж и по ступеням пристани направились в шлюпку. За ними — Локкарт со своими людьми.

В шесть утра они уже были на борту парохода «Ярмут». С наступлением рассвета стали пробираться в открытое море. Глядя на громады крейсеров британского флота, маячившие на рейде, Локкарт восхищался: «За такой стеной можно чувствовать себя спокойно. Вот только бы поближе ее. Ну, скажем, в Кронштадт».

Страна, в которую направлялся Локкарт, переживала тяжелые дни. Только-только родившись, голодная и разрушенная, она, прежде всего, заговорила о мире. И не просто заговорила, а повела решительную борьбу за прекращение войны с Германией и ее союзниками. С предложениями о мире Советская Россия обратилась к странам Антанты. Несколько раз терпеливо, но решительно вносила она на рассмотрение мирные предложения. Однако правящие круги Англии, Франции и США всякий раз отклоняли их.

У империалистов были свои планы. 15 ноября 1917 года на конференции, проходившей в Париже в сугубо конфиденциальной обстановке, они договорились об интервенции в Советскую Россию с целью свержения Советской власти. Такой сговор предопределил на долгое время политику этих стран в отношении новой России.

Знал ли об этом Локкарт?

В деталях — может быть, нет. В принципе — да! Его

миссия в Россию являлась одним из звеньев этой политики.

Так началась авантюра империалистических стран против Советской России. Страны, которой от роду не было и трех месяцев.

Бизнесмен не получился

Чем же покорил Ллойд-Джорджа тридцатилетний Роберт Брюс Локкарт? Какие его доклады удивили своей зрелостью старого, видавшего виды политика?

Перелистаем некоторые страницы автобиографической книги Локкарта, в то время еще не существовавшей. Она появилась в 1932 году под названием «Воспоминания английского агента» (русский перевод — «Буря над Россией»). Она поможет ответить на эти вопросы.

Локкарт родился в 1887 году в городе Анструтер, в шотландском графстве Файф. С детства питал страсть к романтике, легко поддавался воздействию всего того, в чем видел импульс для совершения некоего подвига. К двадцати годам достаточно поездил по Франции и Германии, но из этих вояжей, кроме изучения языков, вряд ли унес что-либо полезное, здоровое.

Уже к этому возрасту у него отчетливо проявилась нездоровая страсть к спиртному и женским юбкам. Бурные любовные истории, шумные попойки сопровождали Локкарта везде и всюду. Не раз женщины были причиной крушения его планов.

Когда в 1908 году с Малайского архипелага возвратился в Англию его дядя, крупный промышленник и владелец каучуковых плантаций, он пробудил у Локкарта интерес к восточной экзотике. Его потянули новые миры и приключения. А если говорить точно, воображение Локкарта было взбудоражено волшебными рассказами дяди о несметных богатствах Востока. Он вообразил, нет — уверовал, что достаточно шевельнуть пальцем в этих сказочных краях — и богатства посыплются в его карман, как из рога изобилия.

Локкарт решил пополнить ряды плантаторов и двинулся на Восток.

Вблизи Порт-Диксона молодой буржуа быстро приспособился к нравам и обычаям английских колонизаторов. И совсем скоро восхищение совершеннейшим климатом,

любование чарующей береговой линией Малаккского залива, легким плеском морской волны, сменились привязанностью к «стэнга» (виски с содовой водой) и джину, которых выпивалось немалое количество в соседнем Серембане.

Едкий запах тамильских кули стал нестерпим ему, его потянуло к малайцам высшего круга, питавшим глубочайшее презрение к труду. Их взгляды на жизнь, отвращение к людям труда пришлись по душе Локкарту.

Он жаждет власти, рвется к ней. Положение управляющего на плантациях дяди уже не устраивает его. Он требует и получает самостоятельную плантацию у подножья гор. Здесь Локкарт полновластный хозяин. Здесь он маленький царек. Это соответствует его духу, его призванию. Он пишет: «В этом смешанном обществе я олицетворял собой английское государство. Я являлся источником права. Возможно, что не все были довольны выносимыми мною решениями, но до меня лично жалобы на этот счет не доходили».

Доходили, но не интересовали. Туземцев он считал стадом и соответственно относился к ним.

Локкарт завязывает многочисленные знакомства среди местных правительственных чиновников, поддерживает близкую связь с султаном и его супругой.

Он закатывает торжества, на которых присутствует вся местная знать. Локкарт знает, кого приглашать. Тут и султан с супругой, и полицейский комиссар всего района — доказательство его, Локкарта, могущества.

Казалось, дело идет как нельзя лучше. Но и тут вмешалась женщина. На этот раз — малайская принцесса Амаи. Он соблазнил знатную красавицу, чем вызвал гнев ее мужа, а также местных властей — и духовных, и светских.

Скандал зашел так далеко, что даже полицейский комиссар, в свое время категорически советовавший Локкарту выбить из головы Амаи, чтобы избежать крупнейших неприятностей, сейчас не в силах был помочь.

Переход в магометанство как крайний шаг тоже не гарантировал спасения от самосуда. И Локкарту пришлось бежать. Дядюшка и два слуги-китайца укутали его в плед, втиснули в закрытый экипаж и, не дав попрощаться с принцессой, указали вознице на Порт-Диксон.

Молодой буржуа, у которого слишком рано проявился

дух повелителя, жажда к деньгам и авантюрам, вновь оказался под родительским кровом.

Бесшабашная жизнь сына не принесла спокойствия ни отцу, ни матери. Годы шли, а Локкарт не имел твердой профессии. Литературная деятельность, которой он было занялся, не оправдала надежд. Локкарту нужны были слава и деньги. Заурядное сочинительство не приносило ни того, ни другого.

За лаврами Лоуренса

Однажды отец призвал блудного сына и недвусмысленно дал понять, что его литературная деятельность может играть лишь роль костыля, но не в состоянии заменить две хорошие ноги. Лишь определенная профессия может быть залогом успешной карьеры сына. Поэтому нужно взяться за ум и поступить на государственную службу.

Сын рассудил по-своему. Устраиваться на государственную службу он не будет. Слишком много растрачено лет, а начинать с клерка в его возрасте бессмысленно.

Впрочем, на консульскую работу он, пожалуй, еще пошел бы.

Почему на консульскую? О, при его прекрасной памяти, знании языков и неудержимой энергии здесь он может далеко шагнуть. Ну и что, если придется интересоваться не экзотикой, а политикой, не лодками для прогулок, а дредноутами со всякими стреляющими штучками. Да мало ли чем еще придется интересоваться. Это и привлекает Локкарта. Здесь и можно показать, на что способен. Первые успехи Лоуренса, о котором он узнал от знакомых деда, не давали ему покоя, слепили глаза.

И Локкарта, с помощью одного из видных государственных деятелей — Джона Морлея, приятеля деда, определили в консульский отдел министерства иностранных дел.

Здесь он быстро постигает искусство служить. Вернее, выслуживаться. Ему льстило уже одно то, что его министерство носит явный отпечаток аристократической привилегированности по сравнению с другими «плебейскими» министерствами.

Как-то Локкарт выполнил одно поручение. Составленные им документы начальство быстро одобрило, удостоив похвалы их автора. «Я впервые нащупал пульс государст-

ва. Я почувствовал, что означает могущество и ощутил самого себя»,— пишет по этому поводу Локкарт.

Он рвался к власти и к славе. Ждал с нетерпением заграничного назначения, полагая, что вместе с ним начнется его восхождение. И дождался.

В конце 1911 года правительство России, в ответ на запрос английского правительства, сообщило, что оно согласно на назначение Локкарта вице-консулом в Москве. Вскоре после Нового года он выехал в Россию.

Два года терпеливо, усердно готовил себя к активному сотрудничеству со специальными службами, изучал обстановку, заводил многочисленные знакомства, втирался в доверие, принюхивался. А главное — ждал подходящего момента. Его принесла война, первая мировая.

Локкарт развернул кипучую деятельность. Работал, как говорится, на два фронта: и против врага — Германии и против союзника Англии — России.

В 1915 году один из его лучших агентов Михаил Ликиардопуло (кличка «Лики»), работник Художественного театра, под видом греческого торговца табаком, совершал рискованные поездки в Германию, добывал множество ценных сведений.

Того же Лики Локкарт широко использует в самой России. Ликиардопуло вводит английского разведчика в литературные, журналистские и художественные круги. «Это общение,— признается сам Локкарт,— при котором разговоры на политические темы входили в порядок дня, пробуждали его интерес к многим вопросам не только внешней политики, но и «тревожных течений в среде русского фабричного пролетариата».

Старания Локкарта не могли остаться незамеченными. В двадцать семь лет ему доверяют пост, который по его же словам, в скором времени стал одним из самых ответственных за границей.

Что это за пост? Локкарт предпочел не называть его. Но мы проследим за его дальнейшей деятельностью — и она приоткрывает завесу. Вскоре после таинственного назначения — впервые за три года пребывания в Москве — его приглашает в Петроград английский посол в России Бьюкенен. Раньше в этом не было необходимости. Локкарта не знали. Сейчас заметили.

Когда ввели в канцелярию, представили сотрудникам, он обратил внимание... на что бы вы думали? Дадим слово

ему: «Мое первое впечатление было таково, словно я попал в Бюро телеграфного агентства, наполненное воспитанниками шпионской школы».

Как говорится: «У кого что болит, тот о том и говорит». Какой иной угол зрения мог быть у человека, который прибыл, чтобы отчитаться перед послом в аналогичной деятельности?

В продолжении часовой беседы он докладывал послу о результатах своей «дипломатической» работы. Он говорил о том, что у русских недостаточны запасы военного снабжения, неустойчивый тыл, нарастает подпольная пропаганда против войны, растет недовольство всех слоев населения правительством. Приводил конкретные факты, называл имена. Из каких источников черпал Локкарт столь подробную и разностороннюю информацию разведывательного характера?

В какой-то степени он сам отвечает на этот вопрос.

«Мое скромное положение позволяло мне общаться с людьми, с которыми не могли встречаться ни сам посол, ни его ближайшие подчиненные. Я мог раздобывать сведения, которые представлялись для него чрезвычайно ценными...»

«Общаться с людьми...» Если говорить более точным языком, люди эти — агенты Локкарта. Говоря об одном из них — московском городском голове и бывшем товарище председателя Государственной думы Михаиле Челнокове,— Локкарт невольно разоблачил себя.

«Хоть он и был на двадцать с лишним лет старше меня,— мы стали с ним интимными друзьями». Чтобы слова «интимными друзьями» были правильно восприняты, нельзя не привести дословно подлинные признания Локкарта. Вчитайтесь в них, вдумайтесь в их смысл — и вывод напросится сам собой.

«От него я получал копии секретных резолюций московской Городской думы, руководимого Львовым Земского союза и Союза городов, одним из руководителей коего он был. Случалось ему снабжать меня и копиями секретных постановлений кадетской партии или даже документами, вроде письма Родзянки к председателю Совета министров, каковые я первый сообщал посольству — маленькие успехи, создававшие мне репутацию особенно искусной ищейки. Мои связи оказали мне возможность быть полезным даже военному министерству». Искусная ищей-

ка — в этом призвание Локкарта. Он добился того, к чему стремился. Искусная ищейка заставила обратить на себя внимание не только Бьюкенена, но и высокопоставленных лиц в самой Англии.

Проходят месяцы. Локкарт совершенствуется в профессии шпиона. Его квартира превращена в салон, двери которого открыты для знатных гостей. На устраиваемых вечерах волки пасутся вместе с мирными, но болтливыми овечками. Первых, как правило, представляют английские военные разведчики, вторых — лица, занимавшие известное должностное и общественное положение: комендант Кремля, губернатор, градоначальник, представители генералитета, не всегда певшие в унисон с правительством, богатые московские купцы, артисты, писатели, политические деятели.

По признанию Локкарта, это соприкосновение с разнообразнейшими слоями общества было чрезвычайно полезно для него, так как служило источником богатой информации.

На исходе 1915 года английский посол сообщил Локкарту, что министерство иностранных дел, в признание его заслуг, оставляет его во главе генерального консульства до окончания военных действий вместо отозванного Бейлея.

И вот здесь вовсю развернулся талант Локкарта-шпиона. Благо простора стало больше. Сам хозяин. Захотел и увеличил расходы на разведывательную деятельность. Да так, что и сам ахнул. «Мне приходилось расходовать на представительство значительно больше, чем Бейлею, а мое жалование и отпускавшиеся в мое распоряжение специальные суммы оставались неизменными».

Как говорится, перестарался: давал много, а получал мало. А ведь любил не только славу — и деньги. Много денег. Про себя подумывал: если так и дальше пойдет — брошу все к черту, уеду. Но не уезжал, понимал: если придет слава, будут и деньги. Нужно выждать, потерпеть. И работал. «В последние недели 1915 г. мне пришлось усиленно работать по политической части»,— признается Локкарт.

К этому времени относится приезд в Россию управляющего одним из отделений английской разведки Самуэля Хора. Он был прикомандирован к царю как советник, но службу нес возле Локкарта. Если учесть, что в военных

кругах его считали мало подготовленным для выполнения работы специальных органов, то можно предположить, что он приехал к Локкарту на стажировку. Какое доверие!

Вот какую характеристику дает Локкарт своему именитому ученику. «Он проник в самые разнообразные слои населения, собирал информацию из всевозможных источников и лучше всех остальных офицеров разведывательной службы умел отличать зерно истины от плевелов слухов».

Лучше других. Сколько же их было возле Локкарта. Ими он руководил, направлял, получал от них информацию. Но не таков Локкарт, чтобы удовлетворяться достигнутым. Ему все кажется мало, мало. И он втягивает в шпионскую деятельность свою жену, австралийку Тернер.

«...Моей жене удалось тогда раздобыть один довольно важный политический документ»,— откровенничает он. И как? Ценой того, что она сделалась любовницей одного чрезвычайно солидного и уважаемого французского профессора. Но это не смущает Локкарта. Он действует по принципу: в достижении цели все средства хороши.

В течение одного месяца — февраля — 1916 года Локкарта дважды вызывали в Петроград. Помните? За три первые года пребывания в Москве — лишь один раз. Как поднялись шансы!

А когда при английском посольстве в Петрограде возник отдел английской службы пропаганды — аппетит приходит во время еды — руководителем одного из подотделов, который должен был функционировать в Москве, назначили Локкарта. Своим главным помощником он тут же сделал уже известного нам Лики, юркого и расторопного агента.

Агентурная сеть Локкарта росла. В Лондон текла информация. Представлялись подробные доклады. Те самые, которые покорили Ллойд-Джорджа своею зрелостью.

И только очередная любовная история, грозившая закончиться скандалом, стала причиной отзыва Локкарта из Москвы накануне революции. Его отозвали, но сделали вид, что ничего не случилось. Просто генеральному консулу следует поправить пошатнувшееся здоровье, набраться сил.

Да, заслуги были очевидны. А главное, такой человек мог еще пригодиться. События назревали. Предвидение имело под собой почву.

Искусная ищейка действует

В революционном Петрограде Локкарт разместился в большой элегантной квартире на Дворцовой набережной, против Петропавловской крепости, недалеко от здания английского посольства. За организацию хозяйства взялся немедленно и основательно. Из расчета: надолго. Пользуясь тем, что русская буржуазия готова была передать свое имущество любому иностранцу, занимавшему официальный пост, он за бесценок приобрел великолепный погреб вин.

Начало неплохое. Но «специальная миссия» требовала показателей иного рода. Локкарт понимал это. Не терял ни одного дня, торопился. Пользуясь своими «официальными полномочиями», развернул бешеную деятельность. Входил в непосредственные контакты с государственными деятелями Советской России, народными комиссарами. Встречаясь, всматривался пристально, въедливо. С подлинным профессионализмом подмечал слабые стороны человека. Прикидывал, от кого нужно подальше, с кем поближе. Кто может быть полезен. И нашел: Троцкого.

Они встречались почти ежедневно. Глава особой миссии выуживал у Троцкого обширную информацию о ходе переговоров с немцами, о положении в стране и на фронтах.

Собственно, выуживал — не то слово. Троцкий охотно выбалтывал все, что знал, словно никакого секрета в этом не было.

Локкарт пользовался покровительством Троцкого. Пропуск английского разведчика был скреплен его личной подписью. Это обеспечивало Локкарту неограниченную свободу передвижения и посещения запретных мест.

Россия истекала кровью. Мир с Германией был единственным спасением. Его нужно было добыть любой ценой. Этот единственный спасительный путь указал Ленин. Его гений. Не щадя себя, Ленин боролся за мир.

В это же самое время Троцкий из кожи лез вон, чтобы сорвать заключение мира.

В Смольном Троцкий принял Локкарта. Поклялся, что его позиция в вопросе о мире останется непоколебимой. Раболепствуя перед Локкартом, он выведывал — нет ли изменений в политике Англии.

Английский дипломат-разведчик, получивший очеред-

ную порцию секретнейшей информации, спешит успокоить своего высокопоставленного партнера. Ссылаясь на официальные телеграммы английского правительства, лично им расшифрованые, Локкарт заверил:

— За помощью со стороны англичан дело несомненно не станет. Они окажут ее вопреки желанию руководителей новой России.

Английское правительство, не колеблясь, отождествило интервенцию с оказанием помощи.

Так две зловещие фигуры — Троцкий и Локкарт — в поте лица готовили удар в спину Советской республики.

Иностранцы активизируются

Локкарт ухватился за Троцкого, как за бесценный клад. В неменьшей степени Троцкий делал ставку на Локкарта. Всячески оберегал его и подкармливал. Старался держать возле себя, боялся: перейдет в другие руки. Разве можно потерять такого?

С переездом Советского правительства в Москву вынужден был покинуть Петроград и Локкарт. И сделал это под крылышком Троцкого. Они ехали в одном поезде. Троцкий считал за честь быть рядом с английским разведчиком. В специальном буфете закатывал в его честь обильные угощения. Щи на густом мясном наваре, телячьи отбивные с жареным картофелем. Огромные, словно свадебные, торты. Рекой лилось вино. Рядом ходили голодные дети. Они толпились под окнами вагона и жадно вдыхали запахи, которые кружили им головы. Им мерещился хлеб, как высшее благо, как мечта. Но что до голодных детей господам!

В Москве Локкарта и его достопочтеннейших коллег поджидали два автомобиля. Об этом позаботился Троцкий. Когда все расселись, выяснилось, что Троцкому не хватило места. Он раболепствующе согласился подождать на вокзале. Лишь бы хорошо было господину Локкарту.

Когда английский разведчик нежился в пахучей постели шикарного номера первоклассной гостиницы, Троцкий еще только заносил ногу в возвратившийся за ним автомобиль.

В новой столице деятельность Локкарта стала еще более бурной. Но именно здесь впервые он усомнился в Троцком, в его всесилии. Мысленно стал взвешивать шан-

сы: чего добьется с ним, чего — без него. Удастся ли Троцкому спровоцировать столкновение России с Германией? А ведь клялся, что удастся. Бил себя кулаком в грудь. Ужасный истерик и демагог все-таки этот Троцкий. Сколько давал заверений, что не допустит заключения мирного договора с Германией. А что на деле? Мирный договор Россия получила. Кретин, другого не скажешь. И все-таки... нельзя вовсе сбрасывать его со счетов. Ко всему прочему, он особа храбрая. Подумать только, Ленина не послушал, с директивой его не посчитался. Как глава мирной советской делегации, заявил немцам в Брест-Литовске: «Советы отказываются подписать мирный договор на условиях, предъявленных Германией. Советы прекращают войну с Германией и демобилизуют свою армию». Не каждый способен сделать вызов самому Ленину, а Троцкий сделал. Большевики расценили этот шаг, как предательство. Ну, что ж, такое предательство нам на руку.

Локкарт задумался. На фоне Ленина Троцкий производил впечатление блохи перед великаном. Англичанин давно пришел к такому выводу, но почему-то продолжал надеяться на Троцкого. Переоценил его возможности. Теперь ясно. Нужно менять тактическую линию. Обрушиться на Россию военной интервенцией. Поднять против Советов всех наших сторонников внутри страны. И... не пренебрегать услугами Троцкого. Чем черт не шутит. Такой человек способен на крайности. Это очень важно в нашем деле. Более тонко используем его слабую сторону: не имеющее границ тщеславие.

И Локкарт использовал. Когда в сговоре со своими американскими и французскими партнерами он решил направить в Сибирь группу разведчиков, Троцкий помог снабдил английского разведчика Гикса и американского разведчика капитана Вебстера рекомендательными письмами к местным Советам Сибири. Последним предлагалось оказывать предъявителям их всяческое содействие и ни в чем не стеснять свободы их передвижения.

В течение шести недель эти разведчики колесили по сибирским просторам и слали в свои посольства потоки телеграмм с разведывательными данными.

Локкарт, в свою очередь, облекал эти донесения в приемлемую для английского военного ведомства форму, лично шифровал их и переправлял в Лондон.

Во время этого вояжа была сделана первая попытка подкупить командный состав чешских войск, заручиться его согласием активно использовать чехословацкий корпус в борьбе с Советской властью.

В это же время Троцкий инициативно сделал некоторые предложения Локкарту. Пусть английское правительство присылает группу морских офицеров для участия в реорганизации русского флота и специалиста по вопросам железнодорожного движения. Открывались новые позиции для английских разведчиков.

Локкарт схватился за предложение Троцкого и немедленно шифровкой сообщил о нем в Лондон.

Несмотря на перебои в работе телеграфа, в Лондоне сделали все возможное, чтобы не томить Локкарта. В полученной шифровке говорилось: «Вашу телеграмму с изложением ходатайства Троцкого о назначении английских консультантов по техническому и флотскому вопросам получили. Эти сведения нам очень приятны. Если вам действительно удастся склонить Троцкого к противодействию германскому влиянию, вы заслужите благодарность не только вашего отечества, но и всего человечества».

Вот так, от имени всего человечества говорили из Лондона. Здесь рискнули воскресить мысль о мировом господстве, позабыв об уроках истории.

Планам этим, однако, не суждено было осуществиться. Флотские консультанты не приехали. Во главе железнодорожного транспорта Советской России не стал англичанин. Им дали от ворот поворот. Тем не менее, машина Локкарта набирала обороты. Локкарт все чаще встречается с французскими и американскими дипломатами.

В первой половине мая в Москву из Вологды пожаловал американский посол. Непрерывные встречи с Локкартом. Все свидетельствует о том, что вокруг этой фигуры началась подозрительная возня. Фигура становится одиозной. Возросла активность Бойса—начальника разведки при Локкарте. Служба разведки получает подкрепление. Лондон прислал Сиднея Рейли. Сам Локкарт считает его звездой английской контрразведки, прославившимся на весь мир как образцовый шпион. В Вологде активизировался французский посол Нуланс. Квартиру Локкарта атакуют уполномоченные от генералов Алексеева, Корнилова и Деникина. Только уйдет один, как в дверь стучится другой. Второй не успеет покинуть квартиру, как на крыльцо

поднимается третий. Каждый предлагает свои услуги. Исходят из одного: лучше что-нибудь, чем ничего.

Все эти встречи и переговоры держатся в глубокой тайне, но внешние, порой еле заметные признаки свидетельствуют о том, что Локкарт, его французские и американские друзья затевают нечто серьезное.

В это время чекисты, раскрывавшие многочисленные заговоры внутренней контрреволюции, стали замечать, что их участники вхожи в английское, американское и французское посольства. Нередко за массивными дверями внушительных особняков обрывается ниточка их преступной деятельности. Порог иностранного дипломатического представительства не переступить. За ним — территория чужого государства. Действует закон экстерриториальности.

В руках чекистов было достаточно косвенных доказательств того, что дипломатические представительства Англии, Франции и США являются штаб-квартирами контрреволюционных организаций. Но тогда чекисты еще не знали, что Локкарт стал средоточием внешней и внутренней контрреволюции, что он плетет паутину опасного заговора против Советской республики.

В глазах контрреволюции Локкарт становился силой и надеждой. Даже Керенский, этот лютый враг революции, еще вчера воображавший, что он всесильный глава государства русского, в эти дни решил искать спасение от гнева народного — у Локкарта.

Мало кто знает, как Керенскому удалось уйти от суда истории. Когда Керенский потерпел политическое банкротство и был сметен Октябрьской революцией, он не понес наказания за свои тяжкие преступления. Переодетый в женское платье, он бежал из столицы на машине американского посольства под американским флагом в район Северного фронта. Здесь надеялся поднять армию против революции. Не вышло. Потребовалось всего несколько дней, чтобы ликвидировать мятеж Керенского — Краснова.

После того как отряды Красной гвардии заняли Гатчину, Керенский бежал на Дон к атаману Каледину. Солидный опыт по части побегов. А тут, оказавшись инкогнито в Москве, Керенский почувствовал, что возмездие неотвратимо. Как спасти свою шкуру? Тут он и вспомнил всемогущего Локкарта, доброго Романа Романовича. Не-

медленно к нему. Но по дороге могут узнать, схватить. Нет, сам Керенский не пойдет, рисковать не будет. К Локкарту, по слезной просьбе Керенского, идет эсер Фабрикант. Но и тому жаль своей преступной головы. Закадычный друг бывшего главы Временного правительства тоже достаточно скомпрометировал себя. По совету Керенского, он подчистую сбривает традиционные усы и бороду, так знакомые Локкарту, и предстает перед ним в «оголенном виде».

— Я вас не знаю,— категорически заявляет англичанин, думая, что его провоцируют.

— Милый Роман Романович, посмотрите внимательней,— умоляет Фабрикант, прикрывая рукой рот и подбородок, так неузнаваемо изменившиеся.

По верхней части лица Локкарт узнает Фабриканта, извиняется и просит подробно рассказать об Александре Федоровиче, «этом русском великомученике».

Услыхав, что Керенский каждую минуту может быть схвачен большевиками и расстрелян, что Роман Романович — единственный человек, который способен творить чудеса,— никто другой спасти Александра Федоровича уже не может,— Локкарт воскликнул:

— Я охотно сделаю все, чтобы спасти жизнь несчастному Керенскому.

Просьба Фабриканта льстила ему, щекотала болезненное самолюбие... «Разве это не случай проверить, чего стоит Роман Романович?» — думал Локкарт.

Он величественно взял принесенный Фабрикантом чистый сербский паспорт, заполнил его, визировал, приложил служебную печать и передал со словами:

— Мои самые лучшие пожелания Александру Федоровичу. Будем надеяться, что его государственная мудрость еще пригодится несчастной России.

В тот же вечер, переодевшись сербским солдатом, Керенский вместе с партией сербских солдат, выезжавших на родину, укатил в Мурманск, а затем — за границу.

Так, с помощью Локкарта, бежал государственный преступник, который должен был держать ответ за свои злодеяния перед революционным судом истории.

А Локкарт тем временем думал: «Кто знает, может быть, завтра Керенский возвратится в Москву премьерминистром России. Это и есть политика дальнего прицела».

Заговор послов

Вечером 25 мая военный атташе французского посольства генерал Лавернь сообщил Локкарту, что Френсис и Нуланс принимают его предложение о необходимости выработать единую линию действия против Советской России. Американский и французский послы просили передать, что, по их мнению, самым удобным местом для переговоров по этому вопросу является Вологда.

Локкарту ничего не оставалось делать, как забыть о самолюбии и направиться к тем, кого считал младшими партнерами по операции, подготовка которой шла полным ходом.

Локкарт немедля выехал в Вологду. Первый визит нанес Нулансу. В этом был свой расчет. Нуланс — человек сложный. С одной стороны, это олицетворенная вежливость. С другой — профессиональный политик эгоистического, рассудочного свойства. С ним разговаривать, а значит, и договариваться, труднее.

Другое дело Френсис. Его познания в области русской политики равняются нулю. Милейший Френсис не в состоянии отличить левого социалиста-революционера от картошки. Он и не старается, как этот Нуланс, казаться умнее, чем есть. Нет, что и говорить, с этим восьмидесятилетним банкиром из Сан-Луи, впервые выехавшим за границу, с этим старым ребенком я договорюсь скорее.

Французский посол встретил любезно, подчеркнув, однако, что время не ждет. Тут же обменялись мнениями о масштабах и сроках военной интервенции против России.

— Для того чтобы удержать германские войска в России, французский генеральный штаб считает необходимым предпринять диверсию на востоке,— заявил решительно Нуланс. Такая категоричность француза несколько обескуражила Локкарта. «Не претендует ли он на роль первой скрипки в делах России?» — подумал он. Локкарта крайне раздражал этот чванливый Нуланс. Он всегда может сказать что-то неожиданное, а главное — неприятное.

Нуланс подчеркнул далее, что пришел к твердому убеждению, что нужно действовать солидарно. Разногласия между союзниками являются главной причиной того, что события на фронте и в России развиваются не так, как бы хотелось.

«Тоже мне, Колумб, желчно подумал Локкарт.— Я дав-

но настаиваю на этом. А сейчас Нуланс повторяет зады, и выдает все за свое открытие».

Локкарт никогда не был противником интервенции. Он только не хотел торопиться, надеялся на Троцкого. Теперь же, когда во весь голос заговорил Нуланс, когда поколеблена вера в Троцкого, ему ли возражать?

Единство взглядов было достигнуто сравнительно легко. Локкарт не стал высказывать своего особого мнения по вопросу об интервенции, тем более подчеркивать, что господин Нуланс не оригинален. Зачем раздражать самолюбивого француза? Хорошо уже то, что он горячо поддерживает его план.

Сейчас можно и к Френсису. «Старый ребенок», удобно обосновавшийся в здании местного клуба, встретил своих партнеров с распростертыми объятиями. Обменялись мнениями, поужинали и стали играть в покер. Покер был и традицией и уловкой. В случае чего, всегда можно сказать: собрались поиграть в карты.

Сегодня, как и всегда, Френсис играл профессионально и начисто обыграл своих партнеров. Разошлись после полуночи. Основное совещание решили провести в полдень этого же дня.

Исход покера не вызвал политических разногласий.

* * *

Когда солнце достигло зенита, в тихом провинциальном городке России началось совещание дипломатов трех великих государств: Англии, Франции и США.

Председательствовал, как старейший, Френсис. В сущности, заседание вел Нуланс, а хозяином положения был Локкарт, который здесь выполнял по существу роль английского посла. Собрались, чтобы разработать план удушения Советского государства.

Сообщение об обстановке внутри страны, в которой они находились как дипломатические представители и не имели никакого права вмешиваться в ее внутренние дела, сделал Локкарт. Говорил не столько со знанием дела, сколько с претензией на это. Спесиво, самодовольно.

— С января я держу в своих руках пульс России,— безаппеляционно заявил он.— Политические агенты генералов Алексеева, Корнилова и Деникина поддерживают со мной постоянный контакт и обеспечивают обширной информацией о положении в стране. Они благодарны союз-

Заговор послов.

никам за оружие и деньги, но тем не менее не смогут справиться с большевиками без нашего активного вмешательства. Да, да, господа. Это так. Смею вас заверить, никто не знает большевиков так хорошо, как знаю я. Большевики не уличный сброд, который можно рассеять несколькими картечными залпами. Мы совершим ошибку, если не будем учитывать это при разработке операции. Именно поэтому, господа, союзники будут только в выигрыше, если операция получит согласие большевиков. Нам нужно правдами и неправдами добиться этого согласия — тогда мы предотвратим ненужное кровопролитие с нашей стороны. В то же время, когда союзные войска будут в Москве, мы продиктуем свою волю Советам. Как говорят русские: «И волки сыты и овцы целы».

Нуланс не сдержался:

— В крайнем случае мы должны высадить войска в Архангельске и против воли большевиков.

Ему не возразили. Локкарт счел нужным уточнить:

— В любом из двух вариантов наш десант должен быть внушительным. Отсутствие мощного импульса со стороны союзников может привести к тому, что различные части русских армий, с которыми мы поддерживаем дружеские отношения и на которые истратили слишком много денег, могут рассориться между собой. Этого допустить нельзя. Это ослабило бы наши позиции в эпицентре революции.

В интересах общего дела каждый из нас должен привести в действие все возможные рычаги. Если говорить обо мне, я времени не терял. Помимо контакта с дружественными армиями, я увеличил контакты с русскими организациями, которые действуют нелегально и могут представлять внушительную силу. Я уже начал финансировать новые организации.

Локкарт задел самолюбие Нуланса и Френсиса, вызвал их на откровенность. Никто из них не хотел ударить лицом в грязь, расписаться в том, что их заслуг в затеваемой операции меньше, чем у англичан.

«Выскочка»,— подумал Нуланс и, внешне сохраняя достоинство, заявил:

— Французские офицеры, прикомандированные к чешским частям, заверили полковника Вертомона, что союзники могут рассчитывать на активное использование чешских легионов, растянувшихся от Вологды до Сибири.

И с апломбом:

— Их выступление против Советов подготовлено и может начаться под руководством французских офицеров в любой удобный для нас момент.

Соперничая с Локкартом, Нуланс продолжал:

— Не лишне напомнить, господа, что штаб-квартира французской секретной службы до отказа набита бомбами и динамитом. Это позволяет приступить к широким диверсиям.

Френсис тоже не захотел оставаться на положении бедного родственника. Он поспешил доложить о вкладе американцев в общее дело.

— Я прошу, господа, иметь в виду, что мы рассматриваем деятельность штаба союзников в Мурманске, как важный шаг на пути развития интервенции. Именно поэтому нашим военным специалистам даны категорические указания — на месте тщательно изучить обстановку и условия, в которых будет осуществляться операция. Нет надобности, господа, доказывать важность рекогносцировки в подобных случаях. Кроме того, по моей просьбе наше правительство прекратило поставки продовольствия в Россию. Пароходы с продовольствием придут на помощь голодающим россиянам, как только будет покончено с большевиками. Как видите, господа, гуманности нам не занимать.

* * *

Вот так в Вологде на совещании дипломатических представителей трех империалистических государств разрабатывался план создания мощного антибольшевистского фронта в европейской части России. Этот план предусматривал использование чешского поволжского фронта, опирающегося на армии Алексеева и Деникина на юге, а на севере — на войска союзников, которые к этому времени высадились там.

Предполагалось, что в то время, когда начнется продвижение войск с юга через Царицын на Самару, союзники займут Вологду и Вятку.

Таковы лишь некоторые детали этого предательского плана. Его исполнители ожидали указаний своих правительств, по прямому заданию которых они работали, благословение которых имели.

Через сутки после совещания Локкарт возвратился в Москву. Не успел переступить порог своей резиденции, как

ему сообщили, что между чехами и большевиками произошли серьезные столкновения.

Как и предусматривалось планом операции, французские офицеры спровоцировали нападение чехов на местные органы Советской власти.

Локкарт улыбался. Здорово придумано. Теперь союзники получили юридическое право на интервенцию. Раз большевики не могут сами навести порядок в своей стране, это сделаем мы. Кто возьмется оспаривать ответственность союзников за исход войны с Германией, равно как и то, что хаос в России укрепляет позиции противника? Железная аргументация. Что могут возразить русские на это?

Ответ из Лондона на события в России пришел незамедлительно. Собственно говоря, посылая подробный отчет по вопросам, интересовавшим Ллойд-Джорджа, Локкарт наперед знал, какой ответ он получит. Ему нужна была официальная бумага, которой он будет прикрывать свои действия. Она пришла. С нею он поспешил в Народный комиссариат иностранных дел, где по поручению своего правительства сделал заявление, в котором в угрожающем тоне говорилось, что «всякая попытка разоружить чехов или воспрепятствовать их отъезду, будет рассматриваться как враждебный, инспирированный Германией акт, с вытекающими из этого последствиями».

Это заявление означало еще один шаг на пути к интервенции.

Локкарт торжествовал. Дела шли как нельзя лучше. В минуты кажущихся успехов он вспоминал встречи с премьером, его похвальные отзывы. Если раньше он относился к ним как к обычному явлению, то с течением времени значимость их все возрастала в его воображении. Здесь, в России, оказавшись свидетелем величайших событий, не только наблюдая за ними, но и пытаясь активно влиять на них в плане, выгодном для Англии, Локкарт сначала подумал, а затем все больше и больше стал убеждать себя в том, что он не простой смертный. И в самом деле, почему столь ответственное поручение дано ему? В Англии много достойных джентльменов, а выбор пал на него, Локкарта.

Видимо, я просто недооценивал себя. Не знал, что способен на великое. Ллойд-Джордж увидел во мне это качество.

Так постепенно Локкарт внушил себе, что он человек

необычный, что самому богу угодно было сотворить его для великого подвига в борьбе с большевиками. Он мечтал о лаврах победителя.

Такой человек опасен. Фанатизм толкает на любые крайности.

* * *

Хитрый политик, матерый волк Локкарт держал нос по ветру. Конечно же, он не держал пульс России в своих руках, как хвалился перед своими партнерами, он был много лучше их информирован о событиях, происходивших внутри страны. Весь его аппарат, состоящий из опытных разведчиков во главе с командором Бойсом, работал в поте лица. Каждый знал свое место, каждый отвечал за конкретный участок. Добытое всеми стекалось в руки Локкарта. Он обрабатывал, зашифровывал и направлял в Лондон.

Гикс был посредником между Локкартом и контрреволюционными организациями, с которыми поддерживалась тесная связь. В их числе — организации Савинкова. Локкарт ценил эсеров как искренних врагов большевиков, рассчитывал на их активную поддержку. Если раньше и были какие-либо сомнения относительно Савинкова, они рассеялись после того, как Локкарт узнал мнение о нем своего кумира — Уинстона Черчилля. Военный министр и министр авиации Англии весьма похвально отзывался о Савинкове, восхищался им. Считал его человеком волевым и решительным, способным пойти на величайший риск во имя личного прославления. Черчилль отводил Савинкову важное место в планах союзников.

Связь с французским и американским посольствами обеспечивал Робинс. Капитан Хилл, подчинявшийся непосредственно начальнику разведки Военного министерства, был приставлен к Троцкому и получал от него сведения, необходимые союзниками. Формально Хилл выполнял у Троцкого функции советника по авиационным делам, что являлось хорошим прикрытием для Хилла-разведчика. В Петрограде активно действовал капитан Кроми. Он регулярно информировал Локкарта о том, как идут дела в Питере, какие силы можно поставить в случае необходимости. Подсчитывалось все точно, по-хозяйски: человек к человеку, винтовка к винтовке.

Под руками неизменно находился Сидней Рейли. Он

подключался к самым ответственным мероприятиям. Даже Локкарт преклонялся перед звездой английской контрразведки, не растрачивал его силы по пустякам.

Знакомый прием

Положение в Москве было крайне острым. Назревал взрыв. Его готовили эсеры, вынашивавшие фантастический план низвержения большевиков и новой войны с Германией.

Четвертого июля открылся Всероссийский съезд Советов. Локкарт воспользовался приглашением и пожаловал в Большой театр на заседание съезда. Множество вопросов интересовало его. Прочно ли Советское правительство, не появились ли у большевиков разногласия? Не пойдут ли на уступки эсерам? Не изменилось ли отношение к Брестскому мирному договору? Локкарт хотел знать последнее слово по всем этим вопросам, потому и ходил в Большой театр.

Шестого июля стояла нестерпимая жара. Было душно. Партер заполнен до отказа. Места в ложе бенуара, справа от сцены, заняли Локкарт, генерал Лавернь, Ромей и другие представители союзнических миссий. Локкарт сосредоточен. На сцене, в президиуме, среди других увидел Спиридонову. Ее нервное бледно-серое лицо с горящими глазами сохраняло зловещее спокойствие. Ничем не выдавала она своего волнения. А ведь партия левых эсеров уже приняла решение убить германского посла Мирбаха и тем самым спровоцировать войну с Германией.

К шести часам вечера в ложу Локкарта принесли последние известия: театр оцеплен войсками, все выходы заняты. На улицах происходят вооруженные столкновения.

Локкарт нервничает. И нужно же было брать с собой опасные бумаги. Считал, что будет надежнее, а что получилось?

Тревожность обстановки вскоре передалась в зал заседания съезда Советов. Возбуждение Локкарта и его партнеров возросло. Оно доходит до предела, когда в фойе первого яруса взорвалась ручная граната, случайно оброненная неловким солдатом, а в ложу доходит слух, что при выходе из театра все подвергаются личному обыску.

«Вот ситуация,— мысленно рассуждал английский

разведчик.— Кто мог ожидать неприятностей здесь? Обыскивать парламентариев, хозяев страны? Непостижимо! Такое возможно только в России. Тут самому себе перестанешь скоро верить».

Локкарт явно нервничал, когда в ложе бенуара появился Рейли. Спокойный, невозмутимый.

Локкарт твердо верил в то, что Сидней может прийти на помощь в трудную минуту, может появиться совершенно неожиданно, как из-под земли, вот как сейчас. Но... эта безмятежность, это невероятное спокойствие. Оно действовало устрашающе на Локкарта. Он-то знал: чем реальнее опасность, тем невозмутимее Рейли.

Несколько слов, брошенных соотечественником, немного успокоили Локкарта, придали уверенность его действиям.

Вмиг приходит решение, отдается команда. Локкарт, Рейли и французский разведчик Лавернь торопливо выворачивают свои карманы, проверяют их содержимое. Одни компрометирующие бумаги они разрывают на мелкие кусочки и засовывают под обшивку кресла. Другие, еще более опасные, глотают.

Со стороны эта картина казалась очень смешной: холеные джентльмены, словно обуянные страшным голодом, решили наполнить свои желудки... бумагой.

И только опытный чекист, наблюдавший из укромного места, понимал: шпионы заметают следы, ликвидируют улики, чтобы не быть пойманными с поличным. Знакомый прием!

Даже после того, как шпионские материалы были уничтожены, лихорадочное напряжение не покидало иностранцев. Они не осмелились покинуть театр. Оставались на своих местах. Ждали, чем все это закончится. У страха глаза велики.

Только в семь часов вечера представитель Советского правительства подошел к ним и великодушно предложил услуги. Вывел до смерти перепуганных «дипломатов». От него они узнали, что эсеры убили Мирбаха, чтобы спровоцировать Германию на войну.

В душе Локкарт торжествовал. Он поддерживал связь с левыми эсерами и всегда считал их верными помощниками в своем деле.

Прямых контактов с эсерами Локкарт избегал. Это входило в обязанности Рейли. Только вчера Локкарт напом-

нил Рейли, чтобы тот усилил финансовую помощь организациям Савинкова. Пусть больше громят и убивают. Таково желание самого Черчилля.

Провокационные выстрелы

К особняку германского посольства подкатил черный «паккард». Из него вышли двое. Смуглый брюнет с бородой и усами, одетый в черную пиджачную пару, и рыжеватый, худощавый человек в коричневом костюме и цветной косоворотке. У обоих в руках портфели.

Брюнет велел шоферу держать автомобиль в полной готовности.

— Если услышишь выстрелы, шума не поднимай. А главное — стой как вкопанный.

Двое решительно вошли в калитку ограды и направились к главному входу особняка.

Камердинер Мирбаха Герман Прибенс выслушал пришедших, просмотрел их документы и доложил послу.

Через несколько минут в зале посольства, за мраморным столом, по одну сторону сидели Мирбах, доктор Рицлер и переводчик, а по другую — двое пришедших.

Незнакомец с бородой разложил перед собой какие-то бумаги и, делая важный вид, сказал:

— Мне достоверно известно, что чекисты арестовали родственника посла, австрийского офицера Роберта Мирбаха. Не думаю, что граф останется безучастным к его судьбе.

— Здесь какое-то недоразумение,— недоуменно ответил Мирбах.— Названный вами человек никогда не был моим родственником. Если, разумеется, не судить по фамилии.

— Ваше сиятельство,— вмешался Рицлер,— мне кажется, мы можем кончить этот неуместный разговор, а ваше сиятельство дадут письменный ответ через Министерство иностранных дел.

Мирбах закивал головой, дав понять, что он принимает предложение.

— Может быть, господину германскому послу желательно иметь доказательства того, что сообщил мой коллега? — вмешался молчавший до этого рыжеватый человек.— Они имеются.

Он извлек револьвер и в упор выстрелил в Мирбаха.

Брюнет воспринял это как сигнал.

Со словами: «Да, да, я сейчас их покажу» — он засунул руку в портфель, лежавший на коленях, извлек револьвер, и в упор выстрелил в Мирбаха, Рицлера и переводчика. Клубы белого дыма наполнили комнату. Двое свалились камнем и тем спасли себе жизнь. Смертельно раненный в голову Мирбах, почему-то держась за живот, пытался сделать шаг в сторону убийцы. Его тщетную попытку оборвала разорвавшаяся с оглушительным шумом бомба. Казалось, вздрогнул старинный массивный особняк. Посыпались со звоном стекла. Убийцы друг за дружкой нырнули в выбитое окно, через ограду и — в черный «паккард». Просвистевшие им вдогонку пули только слегка царапнули человека с бородой.

Дрожащая рука насмерть перепуганного лейтенанта Миллера не позволила ему вести прицельный огонь по бегущим.

* * *

Попов ждал возвращения Блюмкина. Его бледное лицо в эти минуты казалось вылепленным из гипса. На фоне неестественной белизны крохотные усики походили на бутафорские. Как всегда в матросской форме, в растегнутом бушлате, он метался по комнате и скрипел зубами: старая привычка, от которой никак не мог отделаться любимец Марии Спиридоновой. По случаю и без случая, она ставила Попова в пример, как эталон храбрости и преданности.

Он метал громы и молнии в адрес Свердлова, который настоял-таки на своем: охрана Большого театра, где заседал съезд Советов, поручена не его отряду, а латышским стрелкам.

— Мне выразили недоверие, хотя в глаза этого никто не сказал,— бесился Попов.— Это может осложнить дело. Латышей не подкупишь. Одного-двух еще можно, а целый отряд? Ни за что!

В четвертом часу дня во двор особняка Морозова, что в Трехсвятительском переулке, ворвался тот же «паккард». Из него выскочил человек с бородой и трясущимися губами. Он сообщил, что Мирбах убит. И тут же схватился за голову.

— В немецком посольстве мы оставили свои удостове-

рения. Наши фамилии станут известны. Нас будут разыскивать. Может быть, уже разыскивают...

Но никто уже не обращал внимания на истерическое поведение человека с бородой.

* * *

В Трехсвятительском переулке размещался штаб левого эсера Попова, занимавшего должность командира вооруженного отряда ВЧК. Попов находился в тайном сговоре с англичанами, а связь поддерживал непосредственно с Рейли. Он снабдил английского разведчика подложным документом на имя Релинского, работника ВЧК. Этот мандат позволял Рейли появляться в запретных для иностранцев местах и собирать секретную информацию.

Локкарт знал от Рейли, что эсеры готовят восстание. Не был известен только день мятежа: эсеры сыграли в конспирацию, решив, что и друзьям не положено знать об этом дне. Даже Попов, отличавшийся болтливостью, держал на этот раз язык за зубами.

Поповцы, предупрежденные головкой левых эсеров, ждали сигнала, а получив его, начали мятеж. Они выдвинули в прилегающие районы свои караулы и патрулей, которые разоружали и обстреливали отдельные группы красноармейцев. Тех, кто пытался уйти от патрулей, расстреливали на месте. Главари мятежа прилагали лихорадочные усилия к тому, чтобы склонить к выступлению против Советской власти другие воинские подразделения, пуская в ход ложь, прибегая к насилию. Обманным путем мятежники заняли Центральный телеграф и некоторые правительственные здания.

Над городом перекатывалось эхо артиллерийской канонады, гул взрывов потрясал воздух. Одураченные Поповым и его сообщниками бойцы отряда в полном смысле открыли в городе вооруженные действия.

По решению Совета Народных Комиссаров, в течение ночи в столицу были подтянуты войска, и с мятежом покончено.

А что же было обнаружено на месте убийства Мирбаха? Когда представители следственных органов прибыли к месту происшествия, они обнаружили сильно поврежденную комнату, в которой было совершено убийство. Всюду валялись куски штукатурки и лепных украшений. В по-

лу — отверстие от разорвавшейся бомбы. Недалеко от него — лужа крови.

Под одним из столов обнаружили бомбу — круглую, шарообразную, гладкую. С обломанным капсулем. На другом столе лежал черный портфель. В портфеле — такая же, как и под столом, только целехонькая, бомба. Обе английского образца.

В прихожей подобрали удостоверение, оброненное убийцами. Оно было напечатано на ведомственном бланке и имело подпись Дзержинского и Ксенофонтова — председателя и секретаря ВЧК.

Вот его содержание: «Всероссийская чрезвычайная комиссия уполномочивает ее члена Якова Блюмкина и представителя Революционного трибунала Николая Андреева войти в переговоры с господином германским послом по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к господину послу».

Когда Дзержинский, извещенный Лениным о происшедшем, прибыл в германское посольство, его встретил лейтенант Мюллер.

— Что вы скажете, господин Дзержинский? — с укоризной спросил он и протянул обнаруженное удостоверение с его подписью.

Дзержинский внимательно осмотрел документ. Через минуту последовал спокойный и уверенный ответ:

— Документ фальшивый. Подписи, разумеется, тоже. Это дело рук врагов Советской России.

Планы и действительность

В двадцатых числах июля представитель Советского правительства прибыл в Вологду — новую резиденцию послов-заговорщиков и сообщил, что послы могут возвращаться в столицу, где им и положено находиться.

Послы отказались. Накануне высадки вооруженных сил союзников в Архангельске они расценили закономерный шаг Советского правительства по-своему: Москва прослышала о новых планах интервенции и хочет заполучить в лице послов ценных заложников.

Как говорится: «На воре шапка горит». А с огнем шутки плохи. Раз сомнение закралось, нужно объяснить свой отказ так, чтобы рассеять у Москвы всякие подозрения и

тем самым исключить контрмеры с ее стороны. По крайней мере до высадки десанта.

Послы заявили, что в столицу они переезжать не будут, но их отказ отнюдь не означает разрыва дипломатических отношений. Союзники по-прежнему заинтересованы в укреплении связей с Советской страной.

За словами последовали «дела». 22 июля в Москву прибыла официальная английская экономическая делегация во главе с сэром Виллиамом Клерком. Она рассыпалась в заверениях: англичане приехали с мирными и добрыми намерениями. Английское правительство считает за высшее благо установление нормальных торговых отношений между двумя странами. В это же самое время на английских военных базах шла лихорадочная подготовка новых отрядов боевых кораблей. Они заполнялись оружием, боеприпасами и отборными солдатами. Интервенты, уже топтавшие советскую землю в Мурманске, по-воровски растекались в направлении Кеми и Сорок. Заняв 5 июля Кемь, они нацелились на Онегу. Операция шла полным ходом.

Через день после того, как английская торговая делегация покинула русскую столицу, послы союзнических государств бежали из Вологды в ставку Пуля. В оставленном письменном объяснении те же заверения: их отъезд не означает разрыва дипломатических отношений.

Разве будешь скупиться на заверения, когда нужно выиграть несколько дней!

* * *

— Быть или не быть удаче? — мучительно спрашивал себя Локкарт, сидя у себя дома.— Когда же наконец мы выйдем на твердую дорогу? Не слишком ли затянулся поиск ее? Дни идут. Большевики медленно, но уверенно укрепляют свои позиции, а у нас пока сплошные неудачи. Троцкий мало чем помог. Демагог проклятый. Спиридонова тоже не оправдала надежд — ее люди пошумели, постреляли и бесславно сложили оружие. Даже с Дзержинским не могли покончить. Он сам пришел в штаб Попова, а у них коленки задрожали. Тоже мне герои. Единственным результатом этой оперы-буфф явилось усиление власти большевиков.

Локкарт схватил колоду игральных карт. Стал раскладывать пасьянс. Карты показывали удачу.

Он вспомнил армады английских военных кораблей, которыми восхищался, стоя на борту «Ярмута», отплывавшего в Россию. «Как они нужны сегодня здесь, в России,— подумал Локкарт. — Ну ничего, до развязки осталось недолго».

* * *

Второго августа вооруженные силы союзников высадились в Архангельске. Обманным путем — до этого официально заявлялось, что дальше Мурманска войска не пойдут — они захватили город и создали там из своих ставленников так называемое «Верховное управление Северной областью».

Трудящиеся Москвы на новое вероломство бывших союзников ответили мощной демонстрацией. Они требовали от Англии, Франции и США не вмешиваться в их внутренние дела, советовали непрошеным гостям убираться восвояси, пока не переполнилась чаша народного гнева.

Трудовой народ требовал от Советского правительства решительными действиями ответить на интервенцию.

Локкарт наблюдал за этой внушительной демонстрацией и пытался прикинуть, чем все это может закончиться.

Высадка войск и радовала и пугала его.

— Если кулак будет мощным, бояться этих крикунов нечего. Ну, а если...

Английский разведчик даже подумать боялся, что может быть, если союзники не проявят решительности и не навалятся на Россию всей своей военной мощью.

На следующий день Локкарт примчался в Юсуповский дворец, в котором размещалось английское консульство.

— Сколько наших войск высадилось в Архангельске? — допытывался он у Вардлея, генерального консула.— По моим данным, полученным, правда, не из официальных источников, сто тысяч. Вы можете подтвердить эту цифру?

Вардлей ничего вразумительного ответить не мог. Никакие данные к нему не поступали. Чтобы сохранить в строжайшей тайне начало операции, в Англии решили не посвящать даже Вардлея в святая святых.

Неосведомленность генерального консула раздражала Локкарта. В то же время неопределенность не лишала надежды, давала простор фантазии. В течение двадцати четырех часов он надеялся, что вмешательство союзников обязательно приведет к блестящим результатам. Локкарт

предвкушал эту победу. Он даже позволил себе помечтать.

— Что станут делать союзники в завоеванной Москве? Как сможет держаться буржуазное правительство России без нашей постоянной поддержки?

Локкарт почти уверен был, что оккупация Москвы союзниками затянется на бесконечное время. Он желал этого. История рассудила по-своему.

10 августа советские газеты оповестили о крупной победе советских войск в Архангельске над бывшими союзниками.

Локкарта бросило в холодный пот. Он тяжело опустился в кресло. Газета выпала из рук.

— Что это, бахвальство большевиков, неудачная попытка поддержать энтузиазм народа?

Но нервы не выдержали. Он побежал в Наркомат иностранных дел, добился приема у заместителя наркома Карахана. Впился в его глаза. Старался прочитать его мысли. Спокойное лицо Карахана привело англичанина в смятение. Он не видел в нем безнадежности. Спокойствие советского дипломата, несомненно подлинное, злило и пугало его.

В состоянии страшного напряжения Локкарт ждал, что же скажет Карахан. И услышал:

— Дело не так плохо, мистер Локкарт. Союзникам удалось доставить на берег всего несколько сот человек.

Англичанин вздрогнул. На мгновение он забыл, что сидит перед Караханом и потерял способность владеть собой, однако усилием воли взял себя в руки:

— Мы совершили непростительную глупость. Эта невероятная ошибка может сравниться лишь с худшими из наших промахов, допущенных в Крымскую кампанию,— вслух сказал он, а про себя подумал:

«Эта абракадабра уведет его в сторону от правды. Пусть думает, что я осуждаю интервенцию. От этого дела союзников не станут хуже, а я буду ходить в друзьях новой России».

Вежливо раскланявшись, англичанин покинул Карахана.

Локкарт шел и думал:

— Не я ли доказывал необходимость мощного импульса со стороны союзников? Это лейтмотив плана интервенции. Без него успеха не видать, как своих ушей.

Что это, игнорирование или непонимание? А может,

излишняя самоуверенность какого-то влиятельного лица. Желание показать, что он лучше Локкарта знает Россию.

А что, если это оппозиция? Если кто-то стал на пути? Тогда хуже. Тогда нужно знать, кто этот господин, каково его положение, чтобы правильно определить свою линию. Через минуту сомнения не казались такими страшными. В конце концов, не все ли равно? Не таков Локкарт, чтобы легко сдаваться. Он еще покажет на что способен. Последствия? Победителей не судят!

С новой энергией взялся он за организацию заговора против Советского государства. У него уже был готов план действия.

При мизерных силах союзников, высадившихся на Севере, ставку будем делать на внутреннюю контрреволюцию. С помощью Савинкова подготовим в ряде городов вооруженные выступления. Дадим нашим людям установку выводить из строя железнодорожные мосты. Это внесет еще большую дезорганизацию. Будем взрывать электростанции, срывать снабжение городов продовольствием. Трудностей станет больше, недовольных — тоже. А они верные союзники в борьбе с большевиками.

Некоторое время назад Локкарт обратил внимание на то, что латышские стрелки играют довольно значительную роль в революции. Латыши храбро сражаются на фронтах. Латышским частям поручена охрана Кремля и других правительственных учреждений.

«А что, если подкупить влиятельных латышских офицеров и с их помощью восстановить латышских стрелков против Советов?» — подумал Локкарт. Он уже дал задание Кроми приблизить к себе латышей, живущих в Петрограде, изучить их, более надежных привлечь на свою сторону. Недурно. Латышам можно пообещать самостоятельную Латвию, а их руки использовать для завоевания всей России. Даже здорово! Ай да Локкарт!

И вдруг лицо его омрачилось. Он вновь возвратился к мысли о том, что кто-то может стать на его пути. Ему даже померещился облик выдуманного соперника. И было бы все ничего, если бы призрак не был похож на Рейли.

Так вот, кто стоит на его пути, кто, подобно ему, мечтает о лаврах Наполеона! Локкарт знал, что Рейли глубоко симпатичен корсиканец, покоривший Францию и замахнувшийся на всю Европу. Он вспомнил, как однажды в беседе с ним Рейли сказал:

— Наполеон поставил на колени почти всю Европу, так почему же нам не сделать того же с Москвой?

Локкарт не придал тогда значения этим словам. Не подумал, что в них намек на личные претензии. Только теперь почувствовал их зловещий характер.

— О боже праведный,— Локкарт вознес глаза к небу,— помоги мне в моих делах. Дай силы доказать, что я имею все основания называться великим сыном Англии.

Вечером Локкарт опять сидел за пасьянсом. Бог богом, а карты картами. Сбудется или не сбудется? Кажется, все в порядке.

Матерые шпионы и футбольный мяч

Каждый день Локкарт и его люди встречались с французскими и американскими дипломатами. Обсуждали детали заговора, распределяли обязанности. Для отвода глаз с французами играли в бридж, с американцами — в покер.

Надежным убежищем заговорщикам служило американское генеральное консульство. Когда собирались все вместе, во дворе консульства нередко организовывались футбольные баталии. Генерал Лавернь неизменно выходил на игру в своеобразном спортивном одеянии: рейтузах, военных сапогах и подтяжках.

Самым заядлым форвардом был Локкарт.

— Великое дело футбол,— говорил он.— Снимает нервное напряжение.

И про себя добавлял: «И помогает обмануть чекистов. Пусть думают, что Локкарт гоняет мячик. Ему не до заговоров».

Уже первые шаги показали, что затеянная во главе с Локкартом авантюра послов требует больших денежных затрат. Имелась официальная установка правительств: денег не жалеть. Денег будет столько, сколько потребует операция. И тем не менее возникла заминка технического порядка: где брать наличные деньги, да еще в рублях? Банки все закрыты. Предприимчивый Локкарт и здесь нашел выход. Крупная русская буржуазия еще сохраняла в своих руках огромные суммы. Она согласна была переводить их в лондонские банки. Локкарт довольно легко договорился с одной из английских фирм в Москве: она установила курс и выдавала переводы на Лондон. Добываемые таким путем русские рубли стекались в английское по-

сольство, а затем поступали в распоряжение Гикса — доверенного Локкарта. Все, до копейки, шло на финансирование дела, ради которого Локкарта направили в Россию.

Вызов принят

Гладко выбритый, элегантно одетый Локкарт сидел в своем служебном кабинете, погруженный в глубокие раздумья. Не о том, как помочь установить добрые отношения с новой Россией были его думы. О том, как удушить ее, не дав стать твердо на ноги. Стук в дверь оборвал ход мыслей. Двое неизвестных, сопровождаемые огромным детиной из охраны миссии, вошли в кабинет, вежливо раскланялись и заявили, что должны передать мистеру Локкарту письмо и лично переговорить с ним.

Локкарт пришедших принял. Один из них, бледный молодой человек небольшого роста, назвался Шмидхеном. Другой — повыше, со смуглым лицом и острым подбородком — Бредисом. Шмидхен заявил, что они сегодня прибыли из Петрограда и привезли письмо от Кроми.

— Мы латыши,— сказал он.— По долгу служения Родине были в Петрограде. Счастливый случай свел нас с вашим коллегой. Он воспользовался оказией.

Локкарт с опаской взял протянутое Шмидхеном письмо, повертел в руках, прищурился, как бы изучая почерк, которым были выведены литеры. Затем извинился, пояснив, что должен оставить господ на несколько минут одних, и вышел в другую комнату. Здесь он вскрыл пакет. Глаза забегали по строчкам. Да, почерк знаком. Несомненно, рука Кроми. Но... англичанин закусил губу. Сосредоточился. «Что почерк. Его не так трудно подделать. Знаю этих чекистов. Они мастера на все руки»,— подумал он.

Как профессиональный разведчик стал изучать текст, старался найти то, что могло быть известно только ему и Кроми. Нашел:

«Вот ссылка на сообщения, переданные мною Кроми через посредство шведского генерального консула. Чекисты, конечно же, не могут знать об этом».

А вот типичная для такого бравого офицера, как Кроми, фраза о том, что он готовится покинуть Россию и собирается при этом сильно хлопнуть за собой дверью. Ну и, конечно же, его, Кроми, правописание. Орфографии

Кроми никто не сумеет подделать. Подобно Фридриху Великому и принцу Карлу Эдуарду, он не ладит с этой наукой.

В заключительной части письма сообщалось, что Шмидхен рекомендуется Локкарту как человек, услуги которого могут быть чрезвычайно полезны.

Сомнений не оставалось. Письмо прислал Кроми.

«Ну и молодец этот Кроми. Поделился с ним своими впечатлениями о латышах, он понял с полуслова. Мои планы тут же претворяет в конкретные дела».

На минуту задумался. «Разве это умаляет мое достоинство? Нисколько. Главное — идея. Трудно подать ее. Воплотить — значительно легче. Для этого и существует аппарат. Правда, в нем могут быть разные люди. Нет, что и говорить, счастье, когда у тебя имеются такие помощники, как Кроми».

Внутренне довольный, Локкарт вышел к латышам. Ни одна черточка на лице не выдавала его состояния.

— Я слушаю вас, господа.

— Главная наша цель — передать вам пакет,— спокойно начал Шмидхен.— Что касается остального, то господин Кроми заверил нас, что вы будете поставлены в известность им самим.

«Завидная осторожность», — подумал Локкарт и сказал:

— Да, да, это так. Я хотел просить, господа, чтобы вы зашли ко мне завтра. В это же время. Вам не будет затруднительно?

Латыши дали согласие. Откланялись и ушли.

Вечером Локкарт встретился с генералом Лавернем и французским генеральным консулом Гренаром. В обстановке, которая гарантировала полную секретность беседы, они обсудили вопрос, возникший в связи с посланием Кроми и визитом латышей.

Все сошлись на том, что ситуация складывается весьма благоприятно для союзников. Иметь двух надежных латышей, поддерживающих прочную связь с латышскими стрелками, пользующихся у них симпатией и влиянием,— это и есть то, на что они делают крупную ставку. План предусматривал: с помощью Шмидхена и Бредиса они подкупят латышских офицеров и их руками арестуют Советское правительство. С большевистской властью будет покончено.

В такой ответственной операции надежность участников играет первостепенную роль. Поэтому они обсудили все «за» и «против» и в конце концов пришли к выводу, что латыши искренни и на них можно положиться, им можно доверять.

— Кроми сообщает, что люди им изучены достаточно хорошо. Даже Сидней Рейли, который никому и никогда не верил на все сто процентов, заявил, что девяносто девять шансов из ста за использование Шмидхена и Бредиса в операции,— доложил Локкарт.

— И все-таки,— продолжал он многозначительно,— если даже один шанс против нас, мы должны быть предельно осторожны. Семь раз отмерь, один — отрежь. Так говорят сами русские.

Здесь же решили поручить Сиднею Рейли, который вот-вот должен прибыть в Москву, держать латышей под неослабным контролем. При появлении малейших симптомов их работы, как двойников, немедленно отстранить от участия в операции. Но так, чтобы они и не почувствовали, что их подозревают. Детали «отклонения» новых союзников решили обсудить сразу же по получении первого тревожного сигнала от Рейли.

На следующий день Локкарт ожидал латышей, чтобы учинить им экзамен и, если результаты не вызовут сомнений, сообщить, что он готов воспользоваться их услугами.

Итак, вызов принят. Началась дуэль молодых советских контрразведчиков с матерыми профессионалами во главе с Локкартом.

Впереди тонкая психологическая борьба, требующая мобилизации всех духовных и физических сил. Борьба невидимая, но требующая предельного напряжения нервов.

Кто же победит в ней?

Крушение наследников Лоуренса

Три визита Локкарту

Шмидхен и Бредис пришли к Локкарту на следующий день, как договорились. Сейчас англичанин держался увереннее, свободнее. Выражение лица — самое приветливое. И все же, по еле заметной настороженности, мимолетной сосредоточенности, проявлявшимся неожиданно и так же неожиданно исчезавшим в минуты, когда никаких причин для такого состояния не было, чекисты видели: не так уж спокоен Локкарт.

Хозяин усадил гостей неподалеку от себя. Сегодня, как и вчера, он доказал, что владеет русским языком достаточно хорошо.

— Как отдыхали?— спросил он, и тут же неожиданно ответил вопросом:— Нормально?

Латыши заулыбались и закивали головами, показывая, что нормально.

Локкарт признался, что он бесконечно рад письму Кроми.

— Очень уж толковый у меня помощник. Работать с таким одно удовольствие, а письма его — наслаждение.

Самыми безобидными и в то же время неожиданными вопросами Локкарт старался проверить латышей. Нет-нет да и слетит с его уст:

— А как выглядит Кроми сейчас?

— Как чувствует себя?

— Каким вином он угощал вас?

Кроми пил только сухие вина. Ими же угощал гостей. Чекисты знали это, как знали многое другое. Не зря же они наблюдали и запоминали каждую деталь, каждую мелочь в поведении Кроми, подмечали особенности и привычки. А сколько времени после каждой встречи с ним они обсуждали и анализировали ход поединка. Знали: все пригодится.

И как тут не вспомнить слова Суворова: «Тяжело в учении — легко в бою».

Сегодня чекисты чувствовали себя отлично. Импровизировать не приходилось. Шмидхен и Бредис легко могли описать внешность Кроми, рассказать о его самочувствии и даже о таком, что могло быть известно только близкому, а то и доверенному человеку. Локкарт тонко улавливал это

важное для себя обстоятельство и все-таки действия свои подчинял логике профессионального разведчика. Ему не терпелось узнать о латышах все, как говорится, из первоисточника. В Петрограде латышей проверили Кроми и Рейли. В Москве проверит он. Слишком ответственна акция, чтобы рисковать, чтобы упустить возможность проверить лишний раз.

Англичанин спросил, имеют ли латыши клички, как это положено делать настоящим конспираторам. А когда узнал, что «Шмидхен» и «Бредис» и есть клички, одобрил предусмотрительность, так необходимую в их работе.

Из письма Кроми Локкарт знал, кем являются его собеседники, как относятся к англичанам, к новому режиму, но пожелал лично побеседовать с латышами по всем этим вопросам.

Шмидхен и Бредис с готовностью рассказывали о себе. Они подпоручики царской армии, поддерживают связь с довольно влиятельными командирами латышских стрелков, часть которых изменила свое отношение к Советской власти, разочаровалась в ее идеалах и при первой возможности готова переориентироваться на союзников. Они дали понять, что разделяют взгляды этой части латышских офицеров.

Ответы латышей нравились Локкарту, к нему постепенно приходило убеждение, что Кроми подобрал надежных помощников, которым можно поручить важные роли в самой сложной операции.

И все-таки Локкарт спросил, почему вчера латыши пришли в консульство, а не на квартиру, как велел Кроми.

— Мы долго думали об этом,— после небольшой паузы, принялся разъяснять Шмидхен.— И решили, что на первую встречу сюда идти надо. Безопаснее. Сюда идут всякие люди и больше по служебным да по деловым вопросам. Домой, как правило, идут друзья и близкие. Для постороннего глаза мы не хотели быть такими.

Локкарт улыбался. Он и не пытался скрывать своего хорошего настроения. А вопрос задал скорее для формы. Для себя он еще вчера сделал важный вывод. Когда латыши ушли, он несколько раз перечитал письмо Кроми. Там ясно написано, что латыши придут на квартиру, а они пришли сюда, в консульство. Значит, письмо у чекистов не было, значит, латыши не связаны с ними.

«Прекрасная возможность проверить Шмидхена и Бредиса»,— думал про себя Локкарт.

Он чувствовал себя уверенно, по-настоящему был спокоен. Не так, как в начале беседы: что-то тревожило его. А что? И сам не знал.

Англичанин явно симпатизировал собеседникам. Они ему нравились. Особенно Шмидхен: неторопливый, рассудительный. Его бледное лицо, уставшие глаза вызывали своеобразное сочувствие у английского разведчика. «Ну, что ж,— думал Локкарт,— уставшим от войны и разочаровавшимся в Советской власти латышам можно пообещать самостоятельную, независимую Латвию. Что значит маленький, омываемый Балтийским морем кусочек территории по сравнению с безбрежными просторами России? На такую жертву, пожалуй, можно пойти во имя достижения главной цели.

Впрочем, что это я расщедрился. Иметь в виду, пожалуй, можно и это, но не нам же первым ставить вопрос. Может, латыши и не додумаются до этого, согласятся на меньшее, а я уже авансы отпускаю».

Локкарт встряхнул головой, словно желал тут же избавиться от нахлынувших мыслей.

Прожженный политикан и профессиональный разведчик проявлял предельную осторожность. О своих планах он не заикнулся и на второй встрече, а Шмидхену и Бредису велел прийти в третий раз.

Чекисты понимали: они находятся в поле зрения агентов Локкарта, за ними ведется неустанное наблюдение. Так оно и было. Англичане активно использовали в этих целях Сиднея Рейли, который прибыл в Москву вслед за Шмидхеном и Бредисом. Рейли и его помощники следовали за чекистами по улицам, фиксировали каждый их шаг, по возможности наводили справки о людях, вступавших в контакт с ними. В конце дня материалы наблюдения подвергались тщательной обработке, а затем обсуждались в присутствии Локкарта. Шли споры, имелись расхождения в оценке отдельных фактов, выдвигались самые противоречивые версии, но в самом главном разногласий не было. После жарких дебатов все сходились на том, что латыши искренни, что нужно разумно и быстро использовать их отличные возможности.

Рейли особенно настаивал на этом. После работы, проведенной по изучению латышей в Петрограде, он считал

московскую проверку комедией, которая не делает чести Локкарту. Но о своем ущемленном профессиональном самолюбии предпочитал не распространяться. Оберегал престиж.

Более откровенным Локкарт стал во время третьей встречи. Поначалу англичанин старался внушить латышам, что в России все созрело для взрыва. Большого и кровопролитного.

— Предотвратить его нельзя,— уверял он.— Можно думать только о том, как уменьшить его разрушительные последствия. Этим и озабочены союзники. Как истинные гуманисты, они готовы сделать все возможное для уменьшения размеров кровопролития.

На этом лицемерие закончилось. Локкарт, не маскируясь, стал формулировать задачи. Посредством подкупов, провокаций и шантажа заговорщики намерены поднять против Советской власти латышские части, охраняющие Кремль и другие правительственные объекты, а затем с их помощью, а также при поддержке контрреволюционных организаций и офицерских кадров бывшей царской армии свергнуть Советское правительство.

— Ваша главная и самая первая задача,— инструктировал он Шмидхена и Бредиса, — арестовать и убить Ленина... Да, да. Именно убить. Ибо, если Ленину удастся освободиться из-под ареста, за ним пойдет народ и наше дело будет провалено.

Чудовищность этих слов, сказанных обыденным спокойным тоном, словно о чем-то незначительном, обожгла Шмидхена и Бредиса. Они удвоили внимание. Нужно было все расслышать все запомнить до мельчайших подробностей, а затем незамедлительно доложить Дзержинскому.

А Локкарт продолжал:

— На эти цели мне ассигновано десять миллионов рублей. Но сумма пусть не смущает. Денег будет столько, сколько потребуется.

Нужные документы получены

На одной из встреч Шмидхен, как и предусматривал план, одобренный Дзержинским, высказался за то, чтобы Локкарт вошел в прямой контакт с генералом Пулем, находившимся в Архангельске, и обсудил с ним условия пе-

рехода на сторону войск союзников группы латышских стрелков, действовавших на Архангельском фронте.

Чтобы завязать с Пулем игру, Шмидхен, по замыслу ВЧК, лично должен был встретиться с ним. Но добиваться непосредственно встречи Шмидхена и Бредиса с Пулем было рискованно, это могло вызвать подозрение у Локкарта. Поэтому чекисты и здесь прибегли к хитрости. Они были уверены, что Локкарт не примет предложения, так как с Пулем он контакта не поддерживал и никаких возможностей для установления с ним связи не имел. В то же время они надеялись, что это предложение заинтересует его, и он снабдит Шмидхена документом, который даст право на беспрепятственное продвижение по территории, занятой войсками Пуля, и будет своеобразным паролем для встречи с ним.

Так и получилось. Посоветовавшись с Гренаром и Лавернем, Локкарт на очередной встрече сообщил, что готов обеспечить латышей документами и порекомендовал в пропуске Шмидхена указать настоящую фамилию. Это позволит пользоваться и военным билетом для подтверждения личности в тех случаях, когда потребует обстановка,— пояснил он.

Локкарт вручил латышам документы на трех человек.

Шмидхен, бегло читавший по-английски, пробежал по строчкам. «Британская миссия, Москва, 17 августа, 1918.

Всем британским властям в России. Предъявитель сего, лейтенант Ян Буйкис из латышских стрелков, имеет важное поручение от Британской штаб-квартиры в России. Обеспечивайте ему свободный проход и оказывайте всемерное содействие. Р. Р. Локкарт, британский агент в Москве».

Чтобы английские офицеры лучше ориентировались, с кем имеют дело, Локкарт предложил указать в документе «лейтенант Буйкис», что, примерно, соответствует русскому «подпоручик Буйкис».

Итак, нужные бумаги оказались в руках чекистов. Они давали возможность встретиться с Пулем в целях проведения мероприятий по уничтожению северной группы войск интервентов, но воспользоваться ими не пришлось. Сложившаяся обстановка внесла свои коррективы. Но об этом позже.

Эдуард Петрович Берзин.

В игру включается Берзин

О замыслах заговорщиков немедленно докладывалось Дзержинскому. Сведения, добытые чекистами, подтверждали возникшее к тому времени предположение, что главный штаб контрреволюции находится в английском консульстве. Нужно было проделать большую работу, чтобы собрать неопровержимые доказательства преступной деятельности дипломатов союзных государств, а некоторых из них поймать с поличным. Только после этого приступить к ликвидации заговора.

В процессе операции, когда стало известно, что Локкарт просит Шмидхена свести его, как он сказал «с одним из латышских офицеров преторианской гвардии Советского правительства», у Феликса Эдмундовича родился план познакомить англичанина с командиром одной из латышских частей, который бы мог заинтересовать Локкарта, а по своим контрразведывательным данным справиться с выполнением сложного задания. Этому командиру предстояло сыграть роль недовольного Советской властью человека, принять предложение заговорщиков, выведать детали их планов. Ему следовало не только вовремя докладывать о них, но и правильно себя вести в самых сложных ситуациях, которые могли возникнуть в ходе непосредственного общения с опытным противником.

Дзержинский обратился к Петерсу с просьбой подобрать такого человека. Выбор пал на Эдуарда Петровича Берзина, командира латышского особого легкого артиллерийского дивизиона, которому была в то время поручена охрана Кремля. Петерс охарактеризовал его как кристально честного и до конца преданного делу революции офицера.

Берзин произвел благоприятное впечатление на Феликса Эдмундовича. Его скромность, внутренняя собранность, способность свободно разбираться в событиях того времени и давать правильную оценку каждому факту, наконец, умение с достоинством держать себя, располагали к этому человеку.

Чекисты не скрывали от Берзина, что дело, которое они хотят ему поручить, сложное и потребует от него большого мужества и напряжения сил. Но это не поколебало его готовности взяться за выполнение задания.

Берзин не был чекистом (он стал им позже и одним

из первых награжден почетным знаком ВЧК—ОГПУ). Его участие в мероприятиях по делу Локкарта служит примером того, как ВЧК смело опиралась на поддержку советских людей и с их помощью успешно решала сложные задачи.

14 августа на частной квартире Локкарта, в доме 19 по Хлебному переулку, состоялось свидание англичанина с Берзиным. Его привел Шмидхен. За первой встречей последовали вторая, третья...

Локкарт знал, что имеет дело с командиром одного из латышских полков, имеющего отношение к охране Советского правительства, возлагал на этого человека большие надежды, но был осторожен. Лишь на третьем свидании решился на «деловой» разговор. В этот день, как обычно, он был изысканно вежлив, внешне спокоен.

Причин для беспокойства, кажется, нет, рассуждал англичанин. Шмидхен достаточно изучен. Неоднократно проверен. Сомнений в его преданности — никаких. Подкупает не только порядочность латыша как человека, но и завидная осторожность. Как конспиратор — безупречен. В психологии людей разбирается тонко: способен заглянуть в душу любого и распознать, не окрашена ли в красный цвет. Сколько живу, столько не переношу этого цвета!

Рассуждения английского разведчика предопределили характер встречи: разговаривали спокойно, ровно, как старые знакомые.

Локкарт осведомился у Берзина о настроении латышских частей. Спросил, можно ли рассчитывать на них при перевороте.

Ему явно импонировал этот человек: большого роста и крепкого сложения, с волевым лицом и умными глазами. Густая клинышком борода вписывалась в его облик и делала его лицо более красивым, мужественным.

Люди такого покроя вызывали зависть у Локкарта. Он всегда считал таких, как Берзин, рожденными для военной службы и успеха у женщин.

— Господин Берзин,— обратился Локкарт к гостю,— нам нужно, чтобы латышские части восстали против Советского правительства и низвергли его. Это, разумеется, конечная цель. Она не придет по мановению волшебной палочки. Наша с вами задача: сделать так, чтобы стрелки сами пришли к выводу, что им не по пути с русскими большевиками, что нужно...

И после небольшой паузы:

— Догадываетесь?

Берзин еще не успел ничего ответить, он только слушал, а Локкарт продолжал:

— Вот, вот. Повернуть оружие против них.

— Задача не простая,— сейчас же вмешался Берзин.— Рядовой — не офицер. Ему полюбились большевики. Он хочет мира, ему земля нужна.

— А кто сказал, что с большевиками легко бороться?— не унимался Локкарт.— Очень трудно. Их идеология хуже заразы. Она прочно засела в головы этих, как они говорят, эксплуатируемых классов.

Локкарт на секунду задумался.

— Трудно, но возможно. Учтите, с каждым днем будет сложнее. Времени терять нельзя. Оно — союзник большевиков и наш враг.

И поучительно:

— Пусть офицеры задерживают выдачу солдатам продуктов. Они и так на голодном пайке, а если придется подтянуть ремень еще и еще, он может оказаться петлей. Когда петля неизбежно затягивается, далеко не каждый будет безропотно ожидать логического конца. Многие постараются снять петлю со своей шеи и набросить на шею другого.

Офицеры, разумеется, должны помочь стрелкам как можно скорее понять эту истину и выход подсказать. На одну идейность полагаться нельзя. Нужно заинтересовать людей деньгами. Их будет столько, сколько потребуется. Запомните, на деньги не скупитесь.

Берзин был немногословен. Больше слушал, меньше говорил. Сразу показал, что слов на ветер бросать не привык.

— Дать обещание — его ведь выполнить нужно,— спокойно сказал он. — Я сегодня еще не представляю, как надлежит действовать, чтобы был эффект и не было провала.

Ход суждений латыша подкупал Локкарта. Про себя он думал: «Берзин одного с Кроми покроя. Манера солидно подходить к делу выгодно отличает Кроми от многих других офицеров разведки. Этот такой же».

Под конец беседы англичанин справился, какие желания у Берзина и его единомышленников-латышей.

Берзин понял, на что намек. Покупая, Локкарт боялся

переплатить, и сейчас хотел знать, что потребуют от союзников латыши за свое участие в заговоре, кроме денег.

Показывать, что латыши движимы выгодой, а не идеей, нельзя. Это оттолкнет англичанина. Чувства своих соотечественников Берзин выразил так.

— Латыши активно и искренне поддерживали большевистскую революцию, но сейчас разочаровались в ее идеалах, не хотят воевать. У них теперь одно желание — вернуться на родину. До тех пор, пока германские войска побеждали, это не представлялось возможным. Теперь же, когда налицо все признаки того, что союзники выигрывают войну и решающее слово по вопросу о судьбе Латвии будет принадлежать им, а не немцам, они хотели бы договориться с союзниками. У них нет желания сражаться на Архангельском фронте против генерала Пуля. Они готовы перейти на его сторону во имя скорейшего возвращения в свободную и независимую Латвию.

«Молодец Эдуард Петрович,— подумал про себя сидевший тут же Шмидхен.— Кстати сказано о Пуле. Это еще больше убедит Локкарта в том, что нас нужно послать в Архангельск... Ну и что, если документы в кармане? А кто даст гарантию, что Локкарт не отменит свое же решение? Нет, что и говорить, молодец Берзин. Знает, что и как сказать».

На этом третье свидание Локкарта с Берзиным закончилось. На следующий день, вечером, они встретились вновь.

И опять на квартиру Локкарта Берзин пришел вместе с Шмидхеном. Так велел англичанин.

В это посещение Локкарт познакомил Берзина с французским генеральным консулом Гренаром и Сиднеем Рейли, который назвался Константином.

Операция входила в решающую фазу. Рисковать нельзя было. Даже незначительный просчет мог вызвать серьезные осложнения. Этим и объяснялось присутствие Гренара и Рейли.

Француз по-русски говорил скверно, функции переводчика выполняли англичане.

Обращаясь к Берзину, Гренар начал так, словно давно знал собеседника: Локкарт дал блестящую характеристику.

— Судя по вашему вчерашнему разговору с господином Локкартом, вас очень интересует судьба Латвии. Если союзникам удастся отобрать ее у немцев, мы обещаем вам

в виде вознаграждения за ваше содействие самоопределение Латвии.

Локкарт добавил:

— В полном смысле слова, господин Берзин.

Эдуард Петрович одобрительно кивал головой.

Справившись о численности латышских стрелков в Москве, Локкарт спросил:

— Можно ли сделать так, чтобы на фронт латышей больше не направляли?

Легким наклоном головы Берзин дал понять, что задача по плечу и он принимает ее к исполнению.

От имени союзников Локкарт спросил, сколько, по мнению Берзина, потребуется денег на подкуп командиров латышских частей.

Берзин сделал вид, что денежный вопрос его интересует мало, но затем, как бы между прочим, заметил:

— Миллионов пять может понадобиться.

Названная сумма не встретила никаких возражений. Локкарт только пояснил:

— Два миллиона вы получите от Рейли буквально через пару дней, а через недели три — остальные. Считайте, что названная вами сумма условная. Она может быть увеличена при первой же необходимости.

Невидимая дуэль продолжается

Чекисты знали наверняка: Локкарт будет проверять Берзина, как человека нового, не изученного. Таков закон любого профессионального разведчика, хорошо усвоенный комиссарами Чека, не спускавшими глаз с англичанина с того дня, как появились подозрения, что «дипломат» занимается не тем, чем положено заниматься ему по долгу службы. Но одних подозрений мало. Нужны доказательства. Они-то и добывались каждодневно. Чекисты собирали их по крупицам, Локкарт ведь ловчил, искусно маскировался.

Чекистам тоже приходилось прибегать к хитрости. Шла невидимая схватка между советскими контрразведчиками, не проходившими никаких наук, не кончавшими никаких специальных школ, и прославленными буржуазными разведчиками-профессионалами. В этой невидимой дуэли в тайне оставались замыслы, средства, которыми пользовались борющиеся стороны, методы, к которым прибегали.

Видимым оставалось лишь то, что выгодно было показать противнику, что могло ввести его в заблуждение, заставить поверить в то, чего в действительности не было, либо что имело совершенно иной смысл и содержание.

Торжеством чекистского мастерства было то, что опытный Локкарт и его не менее опытные партнеры поверили Шмидхену, Бредису и Берзину. Успешно сработали не только люди, но и легенды, под прикрытием которых они действовали. Рассказы чекистов о себе включали много правдивого, но еще больше вымышленного. Последнее было главным, так как оно привлекало внимание противника, играло решающую роль в определении его отношения к этим людям. Искусство чекистов состояло не только в том, что они мастерски играли свои роли, но еще и в том, что они постоянно следили, чтобы вовремя, по мере необходимости, подбрасывать противнику очередную порцию обмана, который принимался за чистую монету, убеждал его в том, что он действует правильно, что выиграна еще одна схватка, а чекисты оставлены с носом.

Шмидхен и Берзин периодически встречались с Локкартом как его «сообщники». По логике, где-то на стороне, они должны были встречаться и друг с другом, так как Шмидхен в какой-то степени должен был контролировать действия Берзина, направлять их. Этого требовал Локкарт, считавший Шмидхена вполне подготовленным помощником.

И Шмидхен периодически встречался с Берзиным. Местами «конспиративных» встреч служили, обычно, Оленьи пруды и территория аттракционов парка «Сокольники». Как правило, Локкарт наперед знал, когда и где произойдет очередная встреча. При желании он всегда мог проконтролировать ее, что и пытался делать.

Чтобы показать себя хорошим конспиратором, Шмидхен брал лодку, садился в нее вместе с Берзиным, и делал несколько кругов вокруг живописного островка. Окружающая природа располагала к непринужденным беседам на самые различные темы. Латыши вспоминали места, где родились, где провели детство. Шмидхен тепло рассказывал о родном Акнисте, Берзин — о близком сердцу Видземе. Но о чем бы ни говорили земляки, они обязательно договаривались, как лучше скоординировать свои действия, как успешнее выполнить задание Дзержинского.

Нередко Шмидхен видел, как Рейли, маскируясь среди

зелени и людей, прогуливавшихся по аллеям, наблюдает за ними. Он понимал: соседство это не случайно. Оно подтверждало, что с Локкартом «надо держать ухо востро».

* * *

17 августа, и тоже вечером, Берзин имел первое деловое свидание с Константином (он уже знал, что имеет дело с Рейли). Встретились в кафе «Трамбле» на Цветном бульваре.

Сидели за столиком, пили кофе с ромом. Вели беседу, как добрые, давнишние знакомые. Рейли улыбался, активно жестикулировал, делая вид, что рассказывает веселую историю. Как бы в подтверждение, добродушно улыбался Берзин, изредка поглаживая бороду.

В это же самое время английский разведчик цинично излагал план уничтожения Советского правительства.

— Два латышских полка мы направим в Вологду. Это мы сделаем с вашей помощью. Они перейдут на сторону союзников и помогут им захватить север страны. Операцией будет руководить генерал Пуль. К нему для переговоров направляются Шмидхен и еще двое. Необходимые документы они уже имеют.

Берзин согласно кивал головой, а про себя думал: «Как бы не так, господин Константин».

А Рейли тем временем продолжал:

— На оставшиеся в Москве латышские части будет возложена самая трудная, но и самая почетная задача. Им будет оказана честь арестовать Советское правительство во главе с Лениным. Операция ареста должна пройти неожиданно и занять считанные минуты. Понимая, сколь сложна задача, союзники стараются найти оптимальный вариант ее решения. Нам представляется, что сделать это лучше во время предстоящего в конце августа заседания ВЦИКа. Там будет Ленин, там будут другие красные вожди, которых мы должны изолировать. Как говорится, одним махом решим сложную задачу.

Слова эти отозвались болью в сердце Берзина, вызвали неодолимое желание тут же, немедленно покончить с Рейли. Схватить его могучими руками и прикончить, как бешеную собаку. Но Берзин сдержал себя. Он только старался запомнить все, что говорил Рейли, и говорил так, словно обсуждал с ним меню ужина.

— Думаю, для вас, хозяев Кремля, это не является

проблемой. А если помощь потребуется, она будет, я позаботился об этом. В числе наших агентов есть люди, способные оказать ее.

«Что за люди? О какой помощи идет речь? Это так важно выяснить,— пронеслось в голове Берзина,— выяснить тут же. Другой такой возможности может и не быть».

Он сказал:

— Один неосторожный шаг любого участника операции может перечеркнуть усилия всех. За действия каждого в боевой цепочке ответственны ни чьи-нибудь — наши головы, господин Рейли. Вот вы говорите «люди есть». Кто они? Можно ли их использовать в этой операции? Я подчеркиваю: в этой операции. Выдержат ли они такую ношу?

Английский разведчик энергично кивал головой и пытался сказать что-то, но по вине Берзина включиться в разговор ему не удавалось. В эти минуты Берзин держал инициативу в своих руках и как бы дирижировал ходом действия. Он видел, нет, был уверен, что Рейли не может сегодня уйти от ответов на поставленные вопросы. Его волновало другое: не слишком ли прямо поставлены вопросы. А что, если они породили у Рейли сомнение? Еще хуже — подозрение?

«А как по-другому ставить их?» — успокаивал он себя. Вопросы огромнейшей важности. Играть в кошку и мышку в подобных случаях нельзя. Другое дело, надо подумать, как выбить сомнения у Рейли, если они возникли у него. Да, да. Вот это и нужно сказать. Непременно.

Голос Берзина прозвучал решительно, но спокойно:

— Впрочем, нет. Никакой помощи нам не потребуется. Об этом и говорить не следует. Каждый лишний тут может скорее повредить, нежели помочь. Обойдемся своими силами.

Сказал и превратился в слух. Что скажет Рейли?

— Отлично, отлично, господин Берзин. В этой операции мы исключительно полагаемся на вашу монополию. Когда я говорил о возможностях наших агентов, имелась в виду не помощь людьми, а помощь, если можно сказать так, техническая. У нас действительно есть человек, который, в своем роде, может оказать ее. Ну, скажем, он мог бы выписать пропуск в Кремль. Вы подбираете людей, а человек этот обеспечивает их пропусками.

Разумеется, пропуска действительны тогда, когда они

Берзин и Рейли встретились в кафе «Трамбле» на Цветном бульваре.

заверены ответственным лицом. Это обеспечиваете вы, господин Берзин.

Все стало на свои места, и теперь уже Берзин дал возможность наговориться Рейли.

— Мы отдаем себе отчет,— развивал свои планы Рейли,— арест Ленина может привести к беспорядкам. Они должны быть ликвидированы в самом зародыше. Для этого мы призовем всех бывших офицеров царской армии. Лучшее русское офицерство ждет сигнала к действиям. Они наведут порядок. Самым доверенным людям мы поручим конвоирование большевистских вождей. Перебазируем их в Архангельск. Так будет надежней!

Под большим секретом англичанин сообщил, что союзники поддерживают контакт с патриархом Тихоном. Святой отец заверил, что на другой день после государственного переворота во всех церквах состоятся богослужения. Духовенство, служители высших санов разъяснят прихожанам значение свершившегося, представят действия союзников как великую освободительную миссию, а участие белогвардейцев — как великий патриотический подвиг. Итак, пусть священные звуки благовеста воодушевляют вас на ратный подвиг.

На этой встрече Сидней Рейли передал Берзину пакет, в котором оказались деньги — 700 тысяч рублей. Первый взнос из обещанной суммы.

По совету Рейли Берзин подобрал и снял квартиру (разумеется, с помощью и с согласия чекистов), которая использовалась для конспиративных встреч. Она размещалась в доме № 4 по тихому Грибоедовскому переулку. Небольшая меблированная квартирка, в особнячке, с двумя изолированными друг от друга входами. По мнению англичан — лучше не придумаешь.

Здесь 19 августа состоялась третья встреча Берзина с Рейли. Она носила деловой характер. Поначалу Рейли пытался выступать в роли хозяина. На предыдущей встрече он вручил первую часть обещанных денег и теперь считал, что имеет право диктовать. Не советоваться и советовать, а предлагать, если не приказывать.

Ему показалось, что у Берзина неограниченные возможности для их дела. Он развернул перед ним целую программу действий, которые должны предшествовать основной цели. Так сказать, подготовительный этап.

Среди того, что Сидней Рейли считал необходимым сде-

лать, были и поручения чисто шпионского характера. Вначале Рейли пытался выяснить, известно ли Берзину, что между станциями Черкизово и Рогожино установлено девять батарей пятидюймовых и две батареи восьмидюймовых орудий английской конструкции. А когда получил отрицательный ответ, пояснил:

— Это нужно обязательно проверить. Если данные найдут подтверждение, хорошенько присмотритесь, в каком они состоянии. Сами понимаете, боеспособность зависит не только от количества стволов, но и от того, что стоят они, на что способны.

Рейли далее сказал, что, по его данным, на станции Миткино Казанской железной дороги на запасном пути, заканчивающемся тупиком, стоят несколько вагонов, груженных золотом и кредитными билетами. Их охраняет внушительная команда латышей, насчитывающая семьсот штыков. Нужно проверить, так ли это?

— Однако главное не в этом,— пояснил Рейли.— Продумайте и будьте готовы осуществить меры, которые помешают угнать вагоны в случае переворота. Золото должно остаться в руках союзников. Оно пригодится. История доказала цену золота. Благородный металл способен творить чудеса.— И у самого уха Берзина: — За него можно купить любое правительство.

В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что англичане считают полезным, чтобы Берзин отправился в Петроград, установил там связи с местными латышами и выяснил их боеспособность.

— Бывшая русская столица должна сыграть не последнюю роль в назревающих событиях,— пояснил он.— Было бы неплохо, чтобы новое правительство России впервые дало о себе знать из этого города.

— Он заслуживает того,— буркнул Берзин.— Славные у него традиции.

— Вот именно,— согласился Рейли, не поняв намека собеседника. И продолжал: — Мудрость господина Берзина делает беседу не только приятной, но и чрезвычайно полезной. Легко разговаривать с человеком, понимающим с полуслова.

Берзин спокойно заметил:

— Воинский долг обязывает быть предельно внимательным к тому, что выдвигают союзники. Детально понятая задача — гарантия успеха.

— Похвальная рассудительность, господин Берзин,— поддакивал англичанин.— Вашими устами говорит истый патриот, по-настоящему любящий свою родину, искренне желающий добра России.

Как бы опомнившись, что беседа приобретает излишне сентиментальную направленность, Рейли вновь перешел на тон хозяина.

— Да, господин Берзин, вы должны найти среди латышей Петрограда лиц, которые способны организовать печатание и распространение прокламаций в латышских частях. Их текст должен способствовать тем благородным задачам, которые мы с вами взяли на себя. Взяли добровольно, движимые лучшими порывами души и преисполненные желанием довести до конца начатое дело.

А когда Рейли уходил (он всегда входил через парадную дверь, а выходил через черную, считая, что законы конспирации требуют этого), пожелал Берзину успехов в его глубоко гуманном порыве.

— День выезда в Петроград я согласую с Локкартом и сообщу вам дополнительно,— бросил он, закрывая за собой дверь.

21 августа вновь встретились здесь же Рейли и Берзин.

— Как идет работа, господин Берзин?— сразу пошел в атаку Рейли.

— Не ошибусь, если скажу: успешно,— сохраняя деловую сосредоточенность, ответил Берзин. Он докладывал англичанину то, что было согласовано с чекистами. А точнее, разработано совместно.

Всякий раз, когда Рейли покидал конспиративную квартиру, Берзин спешил на свидание с чекистами. Все делалось так, чтобы агенты Локкарта не могли выведать действительный характер этих свиданий. Место и время встречи обусловливались заранее.

На непредвиденный случай обусловливался «аварийный» вариант встречи: в другом месте и в более позднее время. Как правило, встречи проводились в домах, расположенных на пути сложного пересечения маленьких улочек, запасных ходов и проходных дворов. Чекисты, хорошо знавшие прилегающие к дому лабиринты ходов и выходов, могли легко уйти от возможного наблюдения и прибыть к месту явки в любое удобное время. Это надежно гарантировало тайну встреч.

Часто Берзин встречался с людьми, интересовавшими

Локкарта и Рейли. Некоторые из таких встреч сознательно организовывались в местах, удобных для наблюдения со стороны, так сказать, на глазах у английских агентов.

— Пусть наблюдают,— шутили в таких случаях чекисты,— для них же стараемся.

На контролируемых встречах присутствовали надежные, преданные делу революции люди, охотно и добровольно помогавшие чекистам. Под благовидными предлогами к участию в них привлекались такие люди, которым Локкарт доверял. Часто роль таких представителей Локкарта выполняли Шмидхен и Бредис. Это был идеальный вариант. Они наблюдали, а затем подробно «информировали» англичан. Можно себе представить, как это было важно, если учесть, что чекисты заранее готовили такие встречи и все, что происходило на них не было случайным.

У Локкарта создавалось впечатление, что Берзин добросовестно работает на англичан и поведение его не вызывало никаких подозрений.

Ставка англичан на Берзина, его участившиеся встречи с Рейли требовали повышенного внимания к нему со стороны чекистов, своевременного оказания необходимой помощи. И такая помощь Эдуарду Петровичу оказывалась. По заданию Локкарта с ним часто встречался Шмидхен. Поэтому всегда, когда возникала необходимость конфиденциального свидания, Эдуард Петрович мог встретиться с Яном Яновичем в безопасном месте и получить совет по любому вопросу.

Кроме того, с Берзиным работала группа чекистов, принимавших его после каждой встречи с иностранцами.

Выслушав сообщение Берзина об очередной встрече с Рейли, чекисты всякий раз разрабатывали новое задание, определяли линию поведения Берзина. Во всем этом он сам принимал горячее участие. Его мнение учитывалось, его предложения, как правило, принимались. Одним словом, идя на встречу с Рейли, Берзин был спокоен, он знал, что чекисты одобрили его действия, дали разумные советы, которые были для него законом. Эти советы касались главного, основного, так сказать, стратегии. Что касается тактики, ему оставлялась большая свобода для импровизации. Дзержинский всегда исходил из того, что нельзя дать рецепт, годный на все случаи жизни.

То, что сегодня докладывал Берзин Рейли, конечно же, было согласовано с чекистами.

Берзин заверил англичанина, что он уже виделся с делопроизводителем первого латышского стрелкового полка Даугулет и передал ему 400 тысяч рублей на проведение агитационной работы.

Назвав фамилию надежного человека, помогавшего чекистам, Берзин понимал, что его служебное положение вызовет недоумение у Рейли, и был подготовлен к этому.

— Почему делопроизводителю?— удивился Рейли.— Разве делопроизводители командуют солдатами?

— Вопрос резонный,— ничуть не смущаясь, ответил Берзин.— Дело в том, что этот человек прибыл по поручению командира одной части, по фамилии Берге, с которым я уже имел разговор и довольно успешный. Он предан мне. В этом нет никакого сомнения. Прислал делопроизводителя сознательно. Чтобы очевидец убедился, как высок авторитет Берге. После нашей встречи делопроизводитель будет моим верным помощником. Он, как колоколец, разнесет по всей округе, каким уважением пользуется Берге. Не забывайте, история знает случаи, когда большие дела делались руками мелких сошек.

Рейли превратился весь в слух. Сегодня его вновь покорил Берзин. Железной логикой. Ясностью ума.

— На днях приезжает командир пятого стрелкового полка, которому для тех же целей нужно будет вручить как минимум такую же сумму, какую получил Берге, а то и больше.

Рейли одобрительно кивал головой. Он заверил, что на следующей встрече вручит Берзину очередную сумму денег. И слово свое сдержал. 27 августа на столе конспиративной квартиры лежал пакет, а в нем — 300 тысяч рублей. Они были взяты из суммы, хранившейся, как НЗ, на квартире артистки МХАТ Дагмары Грамматиковой — одной из любовниц Рейли.

— Акция стоит того, чтобы посягнуть на неприкосновенные запасы,— успокаивал себя Рейли, когда отсчитывал хрустящие денежные знаки сотенного достоинства.

В этот день разговор получился коротким. Рейли начал с обычного вопроса о самочувствии.

— Самочувствие есть производное от здоровья, — решил пофилософствовать Эдуард Петрович. — Когда здоровье отменное, на функцию грешно жаловаться.

Рейли с завистью окинул взглядом могучую фигуру Берзина, хотя не считал и себя обиженным в этом плане.

— Браво, Эдуард Петрович, браво. В наше неспокойное время сохранять отменное самочувствие могут только люди, уверенные в торжестве своего дела. Не так ли?

— И отдающие всего себя достижению этого торжества,— продолжал мысль собеседника Берзин.

— Ловлю на слове, Эдуард Петрович,— оборвал его английский разведчик.— Мы предлагаем вам немедленно выехать в Петроград. С особым поручением.

Слова Рейли резанули Берзина своей неожиданностью. На какое-то мгновение он растерялся даже. Что ответить: принять предложение, отказаться от него?

На этот раз выручил сам Рейли. Вероятно, он не ожидал отказа и поэтому, после непродолжительной паузы, решил выложить все, что было запланировано наперед. Он назидательно подчеркнул, что события назревают не по дням, а по часам, что наступает минута, когда нужно приводить в боевую готовность части всего механизма, что только использование всех возможностей может дать желаемый результат, что в плане союзников Петроград играет немаловажную роль, что в столь ответственный час туда нужно направить весьма надежного человека.

— Таково мнение не только мое, а и Локкарта,— заключил Рейли.

На общие рассуждения ушло полторы-две минуты. Их вполне хватило Берзину, чтобы оценить обстановку и прийти к твердому убеждению, что предложение следует принять тут же и без всяких оговорок.

— Сочту за честь,— сказал он. Его густой басок прозвучал спокойно и внушительно.

Рейли назвал адрес, куда Берзин должен явиться, сообщил имя хозяйки и фамилию господина, которого надлежало спросить.

— О сути поручения узнаете на месте,— бросил англичанин, закрывая за собой дверь.

Новое звено в цепи заговора

— Говорите Массино? Эту фамилию вы запомнили точно? — уже второй раз переспрашивали чекисты Берзина. Им все не верилось. Ведь в этом случае новая ниточка оказывалась в их руках.

— Совершенно точно. Ошибка исключается,— спокойно и уверенно отвечал Берзин.— Отлично даже помню, до ме-

лочей. Мне нужно сказать Елене Михайловне — хозяйке квартиры, что я хотел бы видеть господина Массино.

И тут же высказал свои предположения:

— Думаю, что такого господина реально не существует. Слова: «Хочу видеть господина Массино» — своеобразный пропуск для Елены Михайловны. Услышит она их и поймет, что пришел свой человек, которому можно доверять.

Чекисты соглашались. Это был пароль. Но они знали и другое. За кличкой Массино скрывается реальный человек. И не кто-нибудь, а Сидней Рейли. Это и возбудило их интерес. Еще бы! Появлялась надежда заполучить нечто новое о заговорщиках.

Впервые они узнали о Массино в начале июля. И вот при каких (довольно запутанных) обстоятельствах.

Ведя наблюдение за Рейли, чекисты пришли в Большой театр, где проходил пятый Всероссийский съезд Советов. Чекисты обратили внимание на то, что Рейли привязался к одной довольно миловидной девушке. Судя по всему, она имела какие-то официальные поручения по линии секретариата съезда. Девушка сидела за столиком в фойе с какими-то списками. К ней обращались люди, она искала что-то по бумагам, делала какие-то отметки, что-то отвечала.

Неоднократно подходил к ней и Рейли. Чекисты довольно легко и быстро выяснили тогда, что девушка эта — Ольга Старжевская, машинистка-секретарь распорядительного отдела ВЦИКа. По долгу службы имеет прямое отношение к оформлению кремлевских пропусков. Последнее настораживало. Интерес к Рейли повышался. Если час-два назад в его поведении усматривалась простая любовная интрижка, на которые он был мастер, то сейчас оно требовало иной оценки. Рейли ловко располагал к себе женщин, нередко использовал их доверчивость как разведчик. Похоже было на то, что именно с этой целью он забрасывал удочку, а Старжевская клюнула на приманку. Всякий раз, когда подходил англичанин, она встречала его очаровательной улыбкой, а когда отходил — провожала глазами, полными сожаления.

— Не забыли моего имени? — спросил Рейли, отходя от Старжевской последний в этот вечер раз.

— На память не обижаюсь, Константин Павлович Массино, — кокетливо бросила вдогонку девушка.

— Вот те на! Наблюдали за Рейли, а этот оказывается

Массино,— недоумевали чекисты. Вели наблюдение не за тем, за кем нужно, да еще огород городили, разные там догадки строили. Может, и человек порядочный этот самый Массино, может, натурально полюбил Старжевскую.

— А что, если это двойник Рейли? — высказал предположение один из чекистов.

— Как ни богата природа на разновидности, а каждый человек имеет несколько своих повторений,— поддержал его второй.

— А может, зря все это, просто ослышались мы?— усомнился третий.

Старший чекистской группы ухватился за эту мысль и решил проверить: может, и впрямь ослышались. Сделал это с помощью небольшой хитрости. Один из чекистов подошел к Старжевской и как можно вежливее спросил, не напомнит ли она фамилию человека в черном костюме, который только сейчас отошел от нее.

— Лицо так знакомо, а вот фамилию вышибло из головы,— как бы переживая, заключил чекист.

— Массино,— скороговоркой ответила Старжевская.

Вечером на оперативном совещании старший чекистской группы доложил, что его люди не спускали глаз с Рейли, но потом выяснилось, что наблюдали они не за ним, а за неким Массино.

— ЧП, да и только,— сокрушался старший.

Когда же скрупулезно проанализировали сводку наблюдения, сравнили имевшиеся фотоснимки Рейли с внешностью того, за кем наблюдали, сличили приметы обоих — все прояснилось. Рейли действует не только под кличкой «Константин». Он имеет еще одну кличку — «Массино». Это — девичья фамилия его второй жены.

Данные, добытые в этот день, позволили сделать очень важное предположение. Десять дней назад Рейли цинично поставил Берзину задачу: арестовать Советское правительство во главе с Лениным. Помощь латышам обещал, говорил о каком-то их человеке, который может пропуск в Кремль выписать. Не рассчитывал ли он в данном случае на Старжевскую?

Неожиданно Старжевская оказалась одним из звеньев в цепи заговора, который готовил Локкарт, хотя не было оснований считать, что она понимает, что втянута в преступную деятельность.

Все это еще и еще раз проанализировали чекисты сей-

час, когда Берзин давал в их руки новую, очень важную ниточку, тянувшуюся от преступников. Открывалась возможность раскрыть еще одно гнездо заговорщиков, о котором до этого чекисты не знали. Действует оно в Петрограде, куда направлялся Берзин и где Шмидхен подготовил хорошие позиции, позволявшие работать уверенно.

Перед отъездом в Петроград Берзин сообщил, что 25 августа ему пришлось присутствовать на одном тайном совещании заговорщиков, которое состоялось у американского генерального консула. Помимо Локкарта и американца Пуля (однофамилец английского генерала, действовавшего на севере России), на нем присутствовали французский генеральный консул Гренар и несколько английских, французских и американских офицеров. В числе сотрудников французской дипломатической миссии был Ренэ Маршан, хороший приятель, если не друг полковника Вертомона, игравшего в заговоре активную роль.

На совещании обсуждался вопрос об организации взрыва моста через реку Волхов, а также об оставлении в России проверенных людей для руководства шпионской сетью и организацией на тот случай, если дипломатам стран Антанты Советское правительство предложит покинуть Россию в связи с военной интервенцией. Были распределены «сферы деятельности». На Рейли возлагалось руководство подрывной деятельностью в Красной Армии, а также работа по разрушению транспорта. Поджоги складов, взрывы правительственных зданий — на французского военного атташе полковника Вертомона. Во главе разветвленной шпионской сети союзники оставляли американского резидента Коломатиано, одного из главных подручных Локкарта.

К этому времени чекисты наносили чувствительные удары по различным звеньям заговора.

Сильным ударом являлось раскрытие савинковского «Союза защиты родины и свободы», поднявшего контрреволюционные мятежи в Ярославле, Муроме и Рыбинске и готовившего их во многих других городах центральной России, а также подавление мятежа левых эсеров в Москве.

Забегая вперед, скажем: через некоторое время французские газеты опубликовали признания Савинкова. Он похвалялся, что в результате организованного им ярославского восстания город был разрушен наполовину. Из пока-

заний арестованных по ярославскому делу видно, что белогвардейцы мыслили начать также восстания еще в двадцати четырех городах.

Позже в одном из парижских ресторанов Савинков откровенно признался чекисту Мухину, выступавшему под видом участника якобы действующей в России антисоветской организации «ЛД» («Либеральные демократы»), что деятельность его «Союза защиты родины и свободы» щедро финансируется английской и французской разведками.

С их ведома и благословения действовали погромщики Савинкова.

Савинков получал деньги из рук Рейли, которого знал лично. Рейли, как и Локкарт, учитывал, что Черчилль высоко отзывается о возможностях Бориса Савинкова. Для Рейли, также боготворившего Черчилля, этого было достаточно, чтобы верить Савинкову, надеяться на него. И денег для него Рейли не жалел. Выделял столько, что даже Локкарт, сам делавший не последнюю ставку на Савинкова, стал спрашивать:

— Не слишком ли мы щедры по отношению к Борису Викторовичу?

Ответ был всегда один:

— Мы можем ошибаться. Уинстон Черчилль — нет.

Визитная карточка Рейли

С Московского вокзала Берзин трамваем направился к Елене Михайловне. Быстро нашел Торговую улицу, а на ней дом 10. Вошел во второй подъезд и предстал перед швейцаром. Коридорный страж официально и строго спросил, окая:

— Кто из жильцов изволит интересовать господина?

А когда узнал, сразу сделался добрее, официальность слетела, как маска.

— Елена Михайловна, мил человек, пребывает на службе. В родные пенаты возвратиться обещала к четырем часам,— прозвучал довольно приятный басок.

Швейцар любезно передал Берзину ключи и объяснил, как попасть в квартиру:

— На втором этаже справа и будут ее аппартаменты. Хозяйка наказывала, чтобы вы считали себя, как дома, мил человек. Одним словом, располагайтесь поудобнее.

Берзин вошел в квартиру, сел у окна, задумался.

До прихода Елены Михайловны оставалось более четырех часов. Что делать? Побродить по улице или сидеть и терпеливо дожидаться? Размышляя, как поступить, поглаживал бороду и рассматривал все, что попадалось на глаза.

Глядя на окружавшую его обстановку — мебель, книги, картины, безделушки, он, как обычно в таких случаях, пытался создать образ человека, которого никогда не видел, но с которым предстояло встретиться. Хозяйка представилась ему женщиной образованной и начитанной, почитающей чистоту и порядок. Обилие предметов рукоделия давало основание считать, что она давно рассталась со светским образом жизни и предпочла ему одиночество, если не затворничество.

Одновременно пытался обдумать и определить свое поведение. Каким оно должно быть в данной обстановке. Он никак не ожидал, что окажется на явочной квартире один. Случайность это или специально подстроенная ситуация?

Действительно, почему оказался столь любезным швейцар? Ключи отдал сразу, без колебания. Сам предложил. Вроде бы знал, что явлюсь собственной персоной. Нет, этот, пожалуй, не знал. А вот Елена Михайловна, та все знала. И когда приеду, и когда буду у нее.

«Значит, нужно проявлять благоразумие»,— решительно сказал себе Берзин, минуту назад хотевший было воспользоваться одиночеством и порыться в столах Елены Михайловны. «Чем черт не шутит,— думал он,— может быть, самое главное, самое важное и находится тут, в этих комнатах, в этих ящиках. Да, заманчиво, но и столь же рискованно. Кто даст гарантию, что не следят за каждым моим движением, что не разложили все так, чтобы потом проверить, проявлял гость любопытство или нет».

На этот разговор с самим собой ушло еще полчаса. Берзин твердо решил, что самым правильным будет пойти по адресам, которые дал ему Шмидхен. «Там живут латыши. Преданные Советской власти ребята — надежная опора чекистов в Петрограде. Душу отведу с ними. Если и следят за мной, подумают, что выполняю их поручения».

Только собрался уходить, увидел на полу конверт, случайно оброненный хозяйкой. Другого не подумаешь: лежал на виду у порога. Специально оставить не могли. Каждый в таком случае должен поднять и положить на стол. И как это он раньше не заметил его?

Берзин конверт поднял. Прочитал на нем: «Елене Михайловне Боюжавской».

Был пакет незапечатанным. Без всякого риска Берзин извлек из него какую-то бумажку: визитной карточкой оказалась. На одной стороне ее золотое тиснение: «Сидней Георгиевич Рейли», на другой — надпись от руки: «Шереметьевский переулок, дом 3, квартира 85».

Берзин текст запомнил. И только тогда, когда сидел у своих и знал наверняка, что глаза агента Рейли не следят за ним, занес адрес в записную книжку.

Квартиру Елены Михайловны Берзин оставил в 12 часов. Когда шел по городу, возле Большого Драматического театра неожиданно увидел Сиднея Рейли. Тот ехал на извозчике. В плаще защитного цвета и в темных очках. Никогда ранее он не ходил в них.

Сомнений не оставалось. Рейли сам пожаловал в Петроград, чтобы лично проследить за Берзиным. Не специально, конечно. Были у него здесь дела и поважнее.

Глава английской миссии нервничает

В пятницу 30 августа, вскоре после десяти утра, на Дворцовой площади в Петрограде правый эсер Каннегиссер убил председателя Петроградской Чека Урицкого. Убийца стрелял в упор. Разрядив револьвер, он вскочил на велосипед и пытался скрыться. Возле английского клуба, куда пытался спрятаться Каннегиссер, он был схвачен представителями власти.

В 7 часов 30 минут вечера того же дня эсерка Фанни Каплан подняла руку на вождя революции Ленина.

После окончания митинга на бывшем заводе Михельсона, когда Владимир Ильич, сопровождаемый большой группой рабочих, пытался сесть в автомобиль, террористка выстрелила в него отравленными пулями. Одна пуля попала в легкое, повыше сердца, другая прошла навылет через плечо близ сонной артерии.

Через полчаса после предательских выстрелов Каплан, Локкарт уже знал, что Ленин тяжело ранен. Свершилось то, что должно было быть венцом его деяний. Заговорщики готовили убийство вождя революции руками латышей. Делали это целенаправленно и педантично, взвешивая и учитывая каждую деталь, а здесь поспешили «отличиться»

эсеры. В душе Локкарт ругал их. Как всегда торопятся и, как правило, проваливают все, за что берутся.

Заговорщики настаивали на том, чтобы Ленина убить после ареста правительства. Это означало бы конец Советской власти. К этому стремился Локкарт, этого от него ожидали в Лондоне.

А тут выстрелы Каплан. Не испортят ли они дело, не сорвут ли планы? Локкарт нервничал. Его трясло, как в лихорадке. Боялся, чего доброго арестуют и его. Не разберутся и арестуют. И нужно же случиться такому, когда до цели оставался один шаг, одно усилие.

Дома у Локкарта была в это время любовница. До нее ли? Он и Гикс заперлись в кабинете. Они боялись говорить полным голосом. Они шептались до самой полуночи. Метались, как загнанные звери, гадая, что будет с ними. Не пожалуют ли чекисты? Может быть, идут уже?

— Надеяться, что нас не тронут, никак нельзя,— дрожащими губами шептал Локкарт. Гикс, как мог, утешал:

— Господь милосерден, может быть, обойдется, пронесет стороной.

Как разведчик, Локкарт понимал, что в руках чекистов могли быть если не прямые, то косвенные улики их преступной деятельности. Покушение на Ленина могло обратить косвенные улики в прямые доказательства. Он дрожал, как щенок на морозе. В эти минуты он пекся лишь о своей шкуре, о своей судьбе. В час ночи Локкарт на цыпочках, стараясь не смотреть на дверь, за которой поджидала очередная подруга сердца, перешел в свою спальню и свалился в кровать.

Не спалось. Он шептал молитву. Умоляя всевышнего обрушить справедливую кару на тех, кто, очертя голову, лезет в огонь, пламя которого способно испепелить всех без остатка. Разве об этом мечтал он, Локкарт?

— Ну и помощники! От таких лучше подальше. Пусть сами отвечают за свою торопливость. А я ничего не знаю. Попробуйте докажите, что это не так.

Тяжелый сон пришел далеко за полночь.

Арест Локкарта

Обстановка в стране накалилась до предела. Разгул белого террора потребовал принять срочные и решительные меры.

Феликс Эдмундович, выполняя волю партии, распорядился нанести одновременно удары по заговорщикам в Москве и Петрограде. К этому времени еще не все нити заговора находились в руках чекистов. Предстояла кропотливая и трудоемкая работа. Нужно было выявить все звенья заговорщиков, разыскать всех их агентов, полностью задокументировать преступную деятельность, но события заставили форсировать действия по ликвидации заговора.

Чекисты получили сведения, что в последний день августа в Петрограде назначена тайная встреча Сиднея Рейли с вожаками белогвардейского подполья, организованного Кроми. Контрреволюция готовилась к решительному наступлению. По личному указанию Ленина в Петроград направился Дзержинский, чтобы возглавить операцию по поимке опасных преступников.

Руководить операцией в Москве председатель ВЧК поручил своему заместителю Петерсу.

Утром 31 августа Яков Христофорович начал готовить оперативную группу. Собрал людей, чтобы объяснить обстановку, поставить задачу.

— Несколько дней назад,— сказал Петерс,— мы наблюдали, как глава английской миссии в Москве передавал крупную сумму денег своему единомышленнику. Чекисты могли схватить Локкарта за руку и предать суду, но решили обойтись без крайностей в тот раз. Держали англичанина под усиленным наблюдением. Рассчитывали на его благоразумие, а он ответил черной неблагодарностью.

И решительно:

— Сегодня вам предстоит арестовать Локкарта.— Посмотрел на суровые лица комиссаров, предупредил:— Враг может пойти на крайние меры. Нужно быть предельно собранными, максимально бдительными.

Петерс раскрыл схему-план, медленно провел карандашом по маршруту движения оперативной группы. Острие карандаша замерло на небольшом прямоугольнике.

— Здесь живет Локкарт,— пояснил Петерс.— Тут мы и будем его брать. Учтите, кроме парадного, квартира имеет черный ход. Двое должны заблокировать его.

Секунду подумав, Яков Христофорович продолжал:

— Оружие держите наготове, но применять его разрешаю только в крайнем случае. Когда в этом действительно будет необходимость.

Комиссары слушали внимательно. Каждое слово Петерса воспринималось как закон.

В два часа ночи чекисты сели в автомобиль и по безлюдной Москве направились в Хлебный переулок. Не доезжая квартала до цели, комиссары оставили автомобиль и гуськом направились по полутемной улице. Большой каменный дом. Он! Старший группы Мальков приказал комиссарам Гравину и Мускейту блокировать черный ход, а сам с четырьмя чекистами поднялся по парадной лестнице на второй этаж. Мальков нажал на кнопку звонка. Дверь открыл швейцар. Комиссары проникли в квартиру и сразу же направились в спальню. Держа в руке револьвер, Мальков приблизился к кровати и тронул спящего за плечо. Англичанин вздрогнул. Открыл глаза. Увидел вооруженных людей и не удивился. Нет. Он ожидал их. Думал даже, как принимать будет. Разное прикидывал. А сейчас? Ни единого слова протеста. Ни малейшего возмущения. Когда ему протянули ордер на арест, взглянул на него мельком. Давал себе отчет: всякое сопротивление бесполезно. От судьбы никуда не уйдешь.

— Одевайтесь. Вы будете доставлены на Лубянку, одиннадцать,— строго и спокойно произнес Мальков. И комиссарам:— Я останусь с ним, а вы осмотрите квартиру, нет ли посторонних.

Пока Локкарт одевался, чекисты подняли Гикса и любовницу хозяина квартиры Муру. Она приехала из Петрограда и уже несколько дней жила здесь.

Мальков распорядился произвести тщательный обыск во всех комнатах. В ящиках письменного стола чекисты обнаружили три револьвера и большую сумму денег. Их тщательно пересчитали. 360 тысяч рублей!

К шести часам утра обыск был закончен. Локкарта, Гикса и Муру увезли на Лубянку. В квартире осталась прислуга: два лакея, кухарка и швейцар.

По указанию Малькова, до особого распоряжения здесь же остались Гравин и Мускейт.

Гравин сидел у двери. Рядом стоял Мускейт. Сколько придется быть в засаде, они не знали. Зато оба хорошо понимали: сколько потребуется, столько и будут.

— Пойду еще разок прогуляюсь по покоям,— сказал Мускейт и направился в кабинет Локкарта. Медленно текло время. Мускейт не появлялся.

«Не уснул ли там?— подумал Гравин.— Человек без

Арест Локкарта.

отдыха вторые сутки». Но Мускейт не думал о сне. Он показался в дверях с большой коробкой в руках. На лице — не то радость, не то растерянность.

— Открыл,— виновато сказал Мускейт,— вижу, сигары. Решил взять одну, понюхать хотя бы. Уронил нечаянно коробку, сигары рассыпались. А на дне — они лежали. Чекист показал на стопку денег. В ней оказалось сто тысяч рублей.

В столовой стояли вазы, доверху наполненные фруктами. Посередине стола — огромный бисквитный торт. Все было подготовлено в честь Муры, но... осталось нетронутым.

Поочередно (пост у входной двери был обязательным) чекисты входили в столовую. Жадными глазами пожирали яства. Жили ведь впроголодь. А сегодня могли не только утолить голод — насытиться вдоволь. Могли, но не имели права: помнили строжайший приказ Дзержинского. Какой же выдержкой нужно было обладать, чтобы и пальцем не тронуть ничего! Только слюну глотать успевали.

Наступало утро.

Кроми стреляет в чекистов

В этот же день другая оперативная группа чекистов окружила здание английского посольства в Петрограде. Внушительный особняк на набережной Невы, обращенный фасадом на Петропавловскую крепость.

Дзержинский лично проинструктировал участников опергруппы, но операция проходила без него: чудовищные выстрелы Каплан заставили срочно возвратиться в Москву.

В широкую дверь парадного подъезда вошли шесть человек. Впереди старший группы Иосиф Стодолин, старый большевик, с большим опытом подпольной работы.

Едва чекисты сделали несколько шагов по лестнице, их оглушили револьверные выстрелы. На верхней площадке стоял человек и хладнокровно целился в идущих. Создавалось впечатление: тех, в кого стреляли, поджидали здесь.

— Немедленно прекратите стрельбу,— во весь голос по-английски потребовал Стодолин.— Мы уполномочены произвести...

Отважный чекист не договорил. Его наповал сразила пуля Френсиса Аллена Кроми. Да, это был военно-морской атташе английского посольства, правая рука Локкарта.

Вчера утром на квартиру Кроми явился Рейли и самоуверенно заявил: «Москва у нас в руках, большевики низвержены». Кроми торжествовал. Он считал, что нужно форсировать действия в Петрограде.

Сегодня в посольстве должно было состояться тайное совещание. С минуты на минуту ожидался Сидней Рейли. Он лично должен был передать послание Локкарта и поставить задачи перед петроградской группой контрреволюционеров.

Чекисты не рассчитали время? Нет, они точно знали, на какой час назначено сборище. И пришли в расчете на то, чтобы обрушиться на верхушку петроградских заговорщиков неожиданно, как снег на голову. Опоздал Рейли. А может, сознательно так сделал. Не пришел в назначенный час, чтобы проследить, не охотятся ли за ним чекисты. То, что Кроми встретил их хладнокровной стрельбой, подкрепляло это предположение.

Как же развивались события в особняке английского посольства?

Вероломство врага чекисты решили пресечь ответным огнем. В перестрелке они убили Кроми. Он рухнул на ступени лестницы, покрытой ковровой дорожкой, но до этого успел ранить еще троих чекистов.

В помещении посольства стоял невероятный переполох. Английские дипломаты были пойманы с поличным: они сжигали секретные бумаги, избавлялись от улик. Но не все успели уничтожить. В руки чекистов попали весьма важные документы, изобличавшие английских дипломатов в преступной деятельности. Среди них коды, шифры и шпионские донесения, а также документы, позволившие выявить представителей «головки» и английских агентов, снабжавших союзников шпионской информацией.

Представим одного из них. Не только подлеца и труса. В своем роде оригинала. Его фамилия? Наберитесь терпения — Фон Экеспаре. Он же Никодим Орг, Александр Эльц и Елизар Платонович Плотников. Бывший корреспондент газеты «Утро России».

Это он ухитрился скопировать секретнейший план минных заграждений в Финском заливе и выкрасть чертежи новых морских орудий. Щедро платили Иуде хозяева.

Ему никто не угрожал. Чекисты деликатно предложили написать собственноручное показание. Он тут же согла-

сился, недвусмысленно намекнув, что оставляет за собой право надеяться на снисхождение.

Хитрый шпион понял: пришел час расплаты, нужно спасать шкуру. Страх как боялся за нее. В такой ситуации ловчить бесполезно. Лучше выложить все начистоту. Сел и написал:

«После скандального провала английской миссии, работа моя необычно затруднилась. Я пробовал найти кого-либо из оставшихся на свободе английских деятелей, но это было практически неосуществимо из-за усиленного наблюдения Чека.

В сентябре мне удалось дозвониться по телефону к мистеру Томсу, ближайшему сотруднику покойного Кроми. Я просил, настаивал на свидании, но не получил его. Мне сказали, позвонить через несколько дней.

Разговор наш происходил в среду. Снова я позвонил в понедельник. Мне ответили, что миссия уехала еще в пятницу. Таким образом, они удрали, не сочтя своим джентльменским долгом облегчить тяжелое положение своего агента. Иначе говоря, эти прохвосты спасали свою шкуру, позабыв об элементарной порядочности».

Шпион выступал в роли обличителя пресловутой «Интеллидженс сервис» и ее сотрудников. Он готов был утопить их всех, чтобы спастись самому. Делал это так же подло, как и они, его хозяева. Наследники Лоуренса.

Допрашивает Петерс

Узкая комната, освещенная маленькой лампочкой, стоящей на письменном столе. За столом Петерс, в черных брюках и белой косоворотке. Густые темные волосы зачесаны на затылок. В тусклом свете настольной лампочки лицо кажется бледным, уставшим, но взгляд бодрый. На столе, с правой стороны — револьвер.

Петерс поглядывает на часы-браслет, плотно обтянувший левую руку чуть выше кисти. Он ожидает арестованного. По всем данным, он уже должен быть у него.

Легкий стук в дверь оборвал мысли.

— Войдите,— спокойно сказал Петерс.

Дверь открылась, и двое конвойных ввели Локкарта.

— Вы можете идти,— кивнул Петерс в сторону конвойных.

— Очень сожалею, что вы попали в такое положение.

Дело очень серьезно, — вежливо, но внушительно заявил Петерс после небольшой паузы.

Столь неожиданное обращение несколько удивило Локкарта. Он считал, нет, был убежден, что в Чека действуют свои законы, о которых так много шумят на Западе. А тут... Его не истязают, не выкручивают руки, не кричат истошным голосом на него. С ним разговаривают, как с джентльменом.

Животный страх прошел быстро. Локкарт даже расхрабрился.

— Советское правительство обещало мне гарантировать привилегии посланника. Я настаиваю на моей неприкосновенности. В противном случае я буду вынужден обратиться с жалобой к Чичерину. Надеюсь, вы не откажете мне в телефонном разговоре?

Петерс вежливо заметил, что такую возможность он предоставит Локкарту, но лучше все же ему дать объяснения на некоторые вопросы.

— Это в ваших же интересах, — разъяснил он.

— Если угодно, извольте,— выдавил англичанин.

— Знаете ли вы Фанни Каплан?

Локкарт вздрогнул. Пуще всего боялся он этого вопроса. Обо всем можно говорить, только не об этом. Это жизни может стоить. Перед Петерсом сидел неузнаваемый человек. Дрожащие губы скорее шептали, нежели говорили:

— Нет, нет. Что угодно, только не это.

Как жалкий трусишка Локкарт оправдывался. Он действовал не по своей воле, он лишь выполнял указания своего правительства. Так сказать, слепое орудие в руках могущественного государства. Попробуй, ослушайся, если состоишь на службе у этого государства, если оно платит тебе деньги.

Да, совещание у Пуля было. И он присутствовал на нем. О чем шла речь?

— Разрешите я напишу обо всем подробно и откровенно. Можно, да?

Локкарт взял ручку, бумагу. Он стал писать. Нервно, быстро. Затем неожиданно, как бы опомнившись, изорвал лист на мелкие кусочки и сунул их в карман. Затем стал писать снова. И так несколько раз: писал и рвал.

Был момент, когда он решительно заявил:

— Я выложу всю правду о моем правительстве, о той

позорной роли, которую оно играло в Советской России под флагом спасения той же России.

Но... новый порыв кончался тем же. Очередные клочки бумаги занимали свое место в кармане.

Что только не передумал Локкарт в эти минуты. Он готов был факт за фактом показать о своей подрывной деятельности, об участии других. Затем решительно отказывался от этой мысли. Затем снова возвращался к ней. И только в одном решительность не оставляла его: ни при каких обстоятельствах, нигде и никогда не признавать своего участия в покушении на убийство Ленина. Отрицать, отрицать, отрицать.

Петерс не только терпеливо ожидал. Он внимательно следил за англичанином, старался понять его внутреннее состояние, мотивы двойственности. В боковом кармане пиджака Локкарт внезапно нащупал записную книжку. Похолодел от мысли: в нее он заносил тайным шифром пометки о выплаченных агентам вознаграждениях. Чекисты, производившие обыск, не осмотрели костюм. Он воспользовался оплошностью и надел его на себя. Теперь он ругал себя за то, что не освободился от блокнота по дороге, когда ехал в автомобиле. Мысли разные и беспокойные лезли в голову, сверлили самые чувствительные извилины мозга.

А что, если Петерс возьмет, да и обыщет его? Он же имеет право на это. Тогда пропал.

И тут же подбадривал себя. А зачем капитулировать без сопротивления, без борьбы? Нужно действовать, действовать. И Локкарт пошел на хитрость: внезапно и решительно попросил разрешения выйти в уборную.

К немалому удивлению англичанина Петерс разрешил. Без колебаний, тут же. Разрешил пройти в туалет без сопровождающего.

«Спасен, спасен»,— звучало в мозгу в одном ритме с бешено бьющимся сердцем. Холодными пальцами Локкарт взял дверь на крючок и судорожно стал выдергивать исписанные листки блокнота. Выдернул даже чистые, на которых могли остаться оттиски, и все спустил в канализацию. Постоял и еще раз спустил воду. Так надежней. И сразу почувствовал облегчение, словно гора с плеч свалилась.

Когда возвратился в кабинет, Петерс просматривал какие-то документы, лежавшие в папке.

Откуда было знать Локкарту, что записи, которые он только что уничтожил, лежали в этой папке. Точнее их фотокопии. Значение их как улик от этого нисколько не уменьшалось.

В девять утра Петерс разрешил Локкарту возвратиться домой. Это было воскресенье. Накрапывал дождь. Локкарт ехал на извозчике и ловил в ладони вытянутых рук прозрачные капли. Он считал их добрым предзнаменованием. Хотя рядом сидели чекисты.

В квартиру зашли Локкарт и двое комиссаров. Один из них передал Гравину записку Петерса. Это был приказ снять засаду.

Понимая огромную ответственность за порученное дело, Гравин позвонил по телефону Петерсу. Тот подтвердил свое распоряжение: можно уходить. Деньги, обнаруженные в коробке из-под сигар, Петерс приказал возвратить под расписку Локкарту.

Несколько раз англичанин недоверчиво поглядывал то на деньги, то на чекистов.

— Ей-богу, не думал, что большевики такие честные,— произнес наконец он.

Через несколько дней Локкарт снова был арестован. Это была ответная мера на провокационные действия английских властей, без всякого основания арестовавших в Лондоне советского представителя Максима Максимовича Литвинова.

Поначалу Локкарта содержали на Лубянке, в отдельной комнате. Вечером 8 сентября перевели в Кремль. В бывших покоях царских фрейлин ему отвели чистое удобное помещение, состоявшее из передней, гостиной, маленькой спаленки, ванной и кухоньки.

По мере необходимости Локкарта вызывали на допрос. Нередко к нему приходил Петерс. Он интересовался условиями, в которых содержался англичанин, следил, чтобы они были нормальными.

Как с ним обращались?

Лучше других на этот вопрос ответил сам Локкарт. У себя дома, в Лондоне, где ему уже ничто не угрожало, где ему нечего было бояться «чекистских палачей», он заявил: «Я не могу сказать, что со мной обращались некорректно».

Слово документам

Локкарт укатил в Англию. Он был обменен на Литвинова. Английское правительство спешно вывезло в Лондон этого человека, которого сам Ллойд-Джордж направил в Москву, возлагая на него большие надежды. Сейчас он стал опасным — слишком много знал и мог перед всем миром разоблачить политику Англии и ее премьера в отношении России.

Но расследование по делу продолжалось. Открывались все новые доказательства преступной деятельности Локкарта и его сообщников. Наследникам Лоуренса наносились сокрушительные удары.

Обратимся к следственным материалам, проследим эту часть исторической операции по документам. К счастью, они сохранились полностью, эти бесстрастные свидетели, ныне покоящиеся на полках архива.

Чекисты произвели обыск по адресу: Шереметьевский переулок, 3, квартира 85. Напомним, этот адрес значился на визитной карточке Сиднея Рейли, обнаруженной Берзиным в квартире Елены Михайловны Боюжевской в Петрограде.

Кроме хозяйки дома, Елизаветы Емельяновны Оттен, артистки Художественного театра, в квартире находилась бывшая надзирательница женской гимназии Мария Владимировна Фриде.

Во время обыска чекисты обнаружили пакет. В нем лежали совершенно секретные донесения агента № 12. Шпион подробно описывал результаты своих наблюдений, которые он вел во время турне по городам Тула, Орел, Курск, Воронеж, Грязи, Козлов за период с 18 по 30 августа.

Донесения агента № 12

«В Туле настроение жителей, если судить по внешнему виду, спокойное... Ружейный завод продолжает работу, но в одну смену, готовя, главным образом, пулеметы. Производство винтовок сократилось на 80 процентов.

Патронный завод прекратил работу полторы недели назад из-за отсутствия некоторых видов сырья.

В городе расположен штаб тульского отряда. При нем формируется дивизия... Из бесед с инструкторами (почти все из кадровых офицеров бывшего 75-го запасного туль-

ского полка) формирование идет успешно: в смысле дисциплины и обучения...

В Орле идет формирование двух дивизий. Организуется пехотно-артиллерийская инструкторская школа. Военный режим проводится повсюду. Хотя город не на военном положении, но строгости в смысле хождения вечером — необычайные. Город почти замер и движения по улицам почти нет. Ощущается недостаток мяса и масла, хотя муку можно достать по 90—120 рублей за пуд.

В товарных поездах перевозится интендантский груз и военное снаряжение. Но и этих грузов идет мало. В городе на путях находились 18 цистерн с нефтью для Москвы. Станционные пути забиты пустыми платформами, на которых изредка можно заметить сломанные повозки и двуколки. Настроение в городе подавленное. Много всяких разговоров о взятии Курска и всевозможных панических слухов.

В Курске — жизнь прифронтового города. На улицах много солдат всех родов. Со станции отправляются поезда на Орел и Воронеж, но попасть на пассажирский поезд почти невозможно. Главную роль на станции играет железнодорожная охрана, не признающая никакой власти. Проходящие поезда наполнены мелкими командами Красной Армии, имеющими пулеметы, иногда — орудия. На расспросы, куда и зачем едут, ответа получить не удавалось. Или не знают, или отделываются молчанием. Впечатление такое, что переброска малых сил идет с целью симуляции силы.

В город попал с большими трудностями. Для этого надо было получить пропуск на вокзал и в Совдепо.

В Воронеже нет ничего интересного. На вокзале большая суета. Приезжает и уезжает много народа. Разговоры все те же: о продовольственных затруднениях. Уезжая из города, где пробыл несколько часов, узнал, что Царицын взят обратно большевиками, но Баку и Красноводск заняты англичанами.

Из Воронежа хотел проехать в Грязи. Думал оттуда через Елец и Орел попасть в Брянск. Но на вокзале узнал, что хотя и можно проехать этим путем, но поездка сопряжена с большими трудностями и потребует не менее недели. Пришлось взять курс на Москву».

Во втором донесении, со ссылкой на данные штаба одной из наших армий, приводится дислокация немецких

и австрийских воинских частей на русском фронте и на территории Украины.

Тут же выяснилось: пакет со шпионскими донесениями на квартиру Оттен принесла Мария Фриде. Чекисты, естественно, арестовали хозяйку дома и ее.

Перед нами первый протокол допроса Марии Фриде. В самой категорической форме она утверждает, что с Оттен Елизаветой Емельяновной не знакома, ранее на ее квартире никогда не бывала, что находилось в пакете — не знала.

Как очутилась на квартире Оттен? Очень просто. Утром отправилась за молоком. На Воздвиженке к ней подошел неизвестный в военной форме, среднего роста и ввязался в разговор. Он сказал, что торопится на поезд, поэтому просит снести пакет, который тут же передал, в квартиру 85, дом 3, что в Шереметьевском переулке. Она просьбу выполнила. Что было дальше — известно.

В квартире М. В. Фриде (Дурасовский переулок, дом 12, квартира 3) чекисты произвели обыск, который дал интересные результаты. Когда сотрудник отдела по борьбе с контрреволюцией Понарович, комиссар Поличкевич и милиционер Кокурин в присутствии понятых — дворника Сафронова и рабочих Сергея Волкова и Ивана Ларина — тщательно обыскивали квартиру, мать Марии Фриде Елизавета Сергеевна вошла в уборную и пыталась выбросить в канализацию какие-то бумаги. Попытка уничтожить улики не удалась. Поличкевич вовремя разгадал хитрость и умело пресек нежелательные действия Елизаветы Сергеевны.

Среди бумаг, отобранных у нее, оказалось подробное донесение военного шпиона, посетившего 18 августа Петроград, 19-го — Званку, 22 и 23-го — Петрозаводск и 27-го — Сестрорецк.

Когда Понарович спросил, почему Елизавета Сергеевна намеревалась уничтожить эти документы, вмешался ее сын Александр Владимирович Фриде (брат Марии Владимировны). Он заявил, что мать выполняла его просьбу.

Что пытались спустить в канализацию

«Сестрорецкий завод вывезен весь в Петроград... В Сестрорецке стоит одна шестиорудийная батарея с прислугой в 75 человек. Немцев в Сестрорецке еще нет и

о времени их прихода ничего не слышно. Местные жители считают, что к зиме немцы займут Петроград. Это мнение основывается, главным образом, на том соображении, что зимой финляндские порты замерзают, а потому германцам поневоле придется искать сухопутных путей сообщения с Финляндией, чтобы не бросить стоящие там войска на произвол судьбы... В случае наступления германцев на Петроград, серьезного сопротивления со стороны советских войск не будет, так как их там нет.

Урожай в текущем году во всей Олонецкой губернии предвидится плохой, так как благодаря сильным ночным морозам, бывшим в первой половине июня, вымерзли как озимые, так и яровые посевы. Овощей нет совершенно. В Петрограде огурцы стоят 1 руб.— 1 руб. 50 к. штука, картофель — 3 р. 30 к.— 3 р. 50 к. фунт.

Перевозка грузов по всем водным путям, благодаря продолжающейся забастовке пароходных команд, сведена до минимума. Даже такой крайне необходимый груз, как дрова для отопления Петрограда, едва достигнет 30 процентов количества, прибывшего за навигацию 1917 года, уже сильно уменьшенного против нормы.

Ввиду наступления английских войск, достигших разъезда «Себеж» Мурманской ж. д., город Петрозаводск эвакуируется. Определенного плана эвакуации нет, и вывоз имущества происходит беспорядочно.

Советские войска разбросаны незначительными отрядами по всей площади Олонецкой губернии. Так, например, штаб 3-го пехотного Олонецкого полка стоит в городе Ладейное Поле, а остальные его части раскинуты по всему уезду. Это объясняется тем, что все силы, которыми могла располагать Советская власть, двинуты на Север против английских войск».

Кроме этого, очень важного для следствия шпионского документа, чекисты обнаружили в тайнике, хитро замаскированном в бритвенном ящичке, 50 тысяч рублей и ряд секретных записей о положении в различных частях страны. Пришлось арестовать Александра Владимировича Фриде, служащего управления военных сообщений, бывшего подполковника царской армии, имевшего прямое отношение к найденным при обыске документам.

На первом допросе 2 сентября он вел себя не совсем

искренне. Кое в чем признался, но главное скрывал. Он не назвал лиц, с которыми поддерживал преступную связь и задания которых выполнял.

Первое показание А. В. Фриде

— Бумаги, которые мать пыталась выбросить в канализацию, являются информацией из различных мест России. Некто Джонстон, уезжая из Москвы, поручил мне собирать подобные материалы. С господином Джонстоном я познакомился случайно, около двух месяцев тому назад. В настоящее время Джонстона в Москве нет. Выехал две недели тому назад. Куда? Не знаю. За время его отсутствия мне доставили три письма. Два исполнены одним почерком. Одно из них —информация с юга, другое — с севера.

О вознаграждении за сбор подобных сведений разговор с Джонстоном я вел, но в общей форме. Встречался с ним на Кузнецком мосту. Три раза он бывал у нас на квартире. По виду Джонстон старше меня. Сколько ему лет, не знаю. Как-то в разговоре он назвал себя торговым агентом. Сводки я должен был пересылать в два адреса. Какие? Один — в Шереметьевском переулке, второй на Мясницкой улице. Номера домов не помню. Сведения нужно было посылать в двух экземплярах. На конверте я должен был ставить три обусловленные буквы. Это для того, чтобы знали, что письма от меня. Какие буквы? Забыл.

Джонстон говорил, что все мои материалы поступают в руки американцев.

Вопрос следователя: «Не он ли направил сестру со шпионскими донесениями в Шереметьевский переулок», застал Фриде врасплох. Решив, что сестра могла уже рассказать об этом, он признался, что она выполняла его поручение. И тут же стал клясться, что один единственный раз использовал сестру в подобных целях.

На вопрос следователя, кто такой Загряжский (о нем стало известно от сестры Фриде), неоднократно бывавший на квартире Фриде, последовал ответ:

— Александр Андреевич Загряжский, юрист по профессии, мой хороший знакомый. Проживает в Успенском переулке. В каком доме и квартире, не помню.

На втором допросе, происходившем четвертого августа, Фриде вынужден был признать, что названный на первом

допросе Джонстон, в действительности является сотрудником американского посольства Коломатиано.

После некоторого запирательства он показал, что сводку о положении в Петрограде ему передал Павел Максимович Солюс. По его, Фриде, просьбе он собрал эти данные.

Как правило, Фриде встречался с Коломатиано на улице. Несколько раз американец был и на квартире Фриде, где познакомился с его сестрой Марией. Фриде признался, что Елизавету Емельяновну Оттен знал и через нее должен был передавать сведения американцам. Так они условились с Коломатиано.

Умело используя показания М. В. Фриде, следователь уже на третьем допросе вынудил А. В. Фриде нарисовать полную картину своей преступной связи с Коломатиано.

Третье показание А. В. Фриде

— Знакомство и совместная деятельность с господином Коломатиано начались у меня с мая месяца. За свою работу я получал от него первые 2—3 месяца по 500 рублей, потом по 750 рублей и один раз 1000 рублей в месяц. Мне надлежало собирать данные, характеризующие военную, экономическую и политическую стороны жизни страны. Меня просили обращать внимание и на все то, что характеризует деятельность немцев в России. Источниками получения необходимых сведений должны были быть личные наблюдения, а также слухи и разговоры, которые передаются от одного к другому и циркулируют во всех слоях населения. Я должен был добросовестно воспроизводить их, исключая явно нелепое.

А. А. Загряжского я привлек к этой деятельности ввиду того, что Коломатиано хотел иметь среди своих агентов людей, имеющих известную общественную физиономию и которым, конечно, можно было бы доверять. Я же в деятельности Загряжского не видел ничего не только преступного, но и предосудительного, так как считал, что он будет работать не на враждебное, а на дружественное государство.

Эту неуклюжую попытку прикинуться непонимающим, что их деятельность по оказанию помощи дружественному государству есть не что иное, как шпионаж, разоблачил следователь, задавший Фриде вопрос, зачем в таком случае

понадобились тайники, подставные квартиры и конспиративные встречи.

Видя, что хитрость не удается, Фриде вынужден был говорить правду:

— Перед отъездом Коломатиано передал мне 50 тысяч рублей в пятитысячных билетах. Я их спрятал в тайнике бритвенного погребца, где они и были обнаружены при обыске в моей квартире.

Коломатиано дал мне три адреса: госпожи Оттен, Шереметьевский переулок, 3, второй находится в Милютинском переулке. Номера дома, квартиры и фамилию хозяйки не помню. Он же дал мне третий адрес — американского консульства, посоветовав пользоваться им лишь в крайних случаях.

Солюс ездил в Петроград и по возвращении вручил мне доклад, который я должен был переписать и препроводить в один из данных мне адресов, что я и сделал через мою сестру.

Когда Марии Владимировне Фриде сообщили об аресте брата, она отказалась от тактики всеотрицания, заявив, что готова дать полные и откровенные показания. Но сделала это не сразу. Не раз следователю приходилось изобличать ее показаниями брата. Видя, что брат признался в чем-то, она спешила подтвердить это, всякий раз подчеркивая, что показывает все, что знает, ничего не утаивая от следствия. В свою очередь она признавалась в чем-то новом, что не было известно следователю. Это «новое» использовалось для изобличения в неискренности брата. А затем наоборот.

Так брат и сестра помогали следователю изобличать их обоих.

Показания М. В. Фриде

— Я заявляю, что названная следователем фамилия Джонстон мне неизвестна. Никого из иностранцев с такой фамилией я не знаю.

У Оттен я была не один, а два раза, и оба раза доставляла пакеты. Первый раз я посетила эту квартиру за несколько дней до ареста. Подобные пакеты я доставляла и по другому адресу. Какому? Это было американское консульство. Пакеты вручались лично господину Пулю. Однажды мне брат велел отнести пакет директрисе фран-

цузской гимназии. Живет она в Милютинском переулке. Фамилии ее не помню.

Загряжский неоднократно бывал у нас, приходил к брату Александру. С ним знакома два года.

Не скрою, однажды я выполнила личное поручение господина Коломатиано. Мне было поручено доставить пакет американскому консулу во Владикавказе. Из-за нарушения железнодорожного движения до места назначения добраться не удалось, поэтому я сдала пакет американскому виц-консулу в Царицыне господину Бари. Что лежало в этом пакете, не знаю. Бари, в свою очередь, вручил мне закрытый пакет, который, по его просьбе, я передала в американское консульство в Москве. Вручила его сотруднику консульства Смиту. Он компенсировал расходы на поездку и выдал вознаграждение в сумме 600 рублей.

Улики — под обшивкой кресла

На основании показаний М. В. и А. В. Фриде чекисты арестовали бывшего генерал-майора Александра Андреевича Загряжского, служившего в Центропленбеже, и Павла Максимовича Солюса.

Оба категорически отрицали, что их связь с А. В. Фриде носит преступный характер.

С помощью засады, оставленной в квартире Фриде, удалось задержать двух неизвестных, оказавшихся Александром Клавдиевичем Хвалынским и Александром Васильевичем Потемкиным. Задержанные заявили, что пришли к Александру Владимировичу по делам службы.

Ксенофонта Коломатиано арестовать не удалось. Он неожиданно сгинул. Чекисты разыскали его конспиративную квартиру, но и там его не было. Где скрывается Коломатиано, хозяйка квартиры тоже не знала.

Приняв меры к розыску и задержанию Коломатиано, у которого на связи находились брат и сестра Фриде, чекисты произвели обыск в квартире директрисы французской гимназии Жанны Моренс. Мария Владимировна Фриде относила сюда пакеты со шпионской информацией.

Обыск дал новые доказательства виновности заговорщиков.

В квартире Моренс были обнаружены шифр, зашифрованные письма и шпионские сводки. Все это извлекли из-под обшивки кресла и дивана. Некоторые компромети-

рующие бумаги хранились во внутренних карманах мужских костюмов, висевших в гардеробе. Госпожа Моренс оправдывалась:

— Костюмы не мои, они принадлежат французскому гражданину Генриху Вертомону, моему жильцу.

Тем временем чекисты обнаруживали все новые и новые доказательства.

В потайных местах они нашли 18 фунтов пироксилина, 39 капсулей от динамитных шашек и деньги — 28 тысяч рублей.

Из трости Вертомона, оказавшейся своеобразным тайником, извлекли 16 тысяч рублей и несколько карт генерального штаба.

Вертомона на квартире не оказалось. Жанна Моренс заявила, что он неожиданно уехал, не сказав куда.

Исчез и Сидней Рейли. Как уже говорилось, он выехал в Петроград, но имелись данные, что вернулся в Москву, узнав, что Кроми убит. И словно в воду канул.

Только после суда над участниками заговора Локкарта стало известно, что Рейли бежал за границу. Но уйти от справедливой кары ему не удалось. В сентябре 1925 года Рейли прибыл в Москву по приглашению «единомышленников». Имея паспорт на имя Николая Николаевича Штейнберга, он был уверен, что неуязвим. Но чекисты следили за каждым его шагом. Хорошо подготовленная и мастерски проведенная операция позволила обмануть опасного преступника. Он был арестован. В соответствии с приговором, 5 ноября 1925 года его расстреляли.

Французский генеральный консул Гренар и американский генеральный консул Пуль укрылись в американском консульстве, подняв над зданием государственный флаг нейтральной Норвегии. Так как Советское правительство не желало обострять отношения с Норвегией, чекисты не могли проникнуть в помещение консульства. Они обложили его, изолировав от внешнего мира.

Тайник в трости

18 сентября у самого входа в американское консульство чекисты задержали коренастого человека со смуглым лицом, огромным носом и черными усами. По всем признакам это был Ксенофонт Коломатиано. Однако незнакомец предъявил документы на имя Серповского. И только в зда-

нии ВЧК, куда его вскоре доставили, признался, что является помощником торгового атташе США и назвал свою настоящую фамилию. Американский шпион тоже намеревался обезопасить себя под норвежским флагом. Не вышло. По фальшивому паспорту на имя Сергея Николаевича Серповского Коломатиано проживал в квартире Екатерины Сергеевны Кожиной по Толстовскому переулку, 8.

* * *

Коломатиано допрашивал Виктор Кингисепп. Уже на первом допросе помощник коммерческого атташе признался, что А. Фриде собирал для него разведывательную информацию, за что получал деньги.

Но сделал это Коломатиано не сразу. Вначале все отрицал и на вопрос Кингисеппа, будет ли давать правдивые показания, пожимал плечами и с наигранным спокойствием отвечал:

— Никаких интересующих вас сведений, гражданин следователь, я дать не могу.

19 сентября допрос продолжался. Следователь задавал вопросы, записывал ответы, внимательно следил за поведением арестованного. Его внимание привлекла ореховая с массивным серебряным набалдашником трость, с которой не расставался шпион. Кингисепп задержал на ней взгляд, задумался. Чем-то напоминала она трость Вертомона. Может, и в этой «кладезь» имеется?

Кингисепп взял трость в руки, повертел. Лицо Коломатиано оставалось равнодушным. Но стоило следователю накрыть ладонью набалдашник и сделать вид, что он пытается определить, не отвинчивается ли штучка, как от равнодушия Коломатиано не осталось и следа. Он весь мобилизовался, лицо побагровело. Следователь понял, сейчас на столе появятся новые вещественные доказательства.

Кингисепп позвонил по телефону, пригласил Петерса. Вместе они отвернули набалдашник (глаза Коломатиано готовы были выскочить из орбит) и извлекли из тайника целую кучу бумаг, убийственных для американца и чрезвычайно важных для следователя. Среди них: код, шпионские донесения, номера действующих агентов, заменявшие клички, и расписки агентов в получении денег.

Код был построен на торговой терминологии. Номера

воинских частей определялись пудами сахара и других товаров, количество орудий — метрами мануфактуры. Шпионская сводка, переведенная на язык самых безобидных, повседневно нужных человеку вещей, составляющих его еду, одежду, по мнению помощника торгового атташе, не могла показаться подозрительной. По роду работы он обязан думать о том, как накормить и одеть персонал. На эту неуязвимость и рассчитывали заговорщики. А тут, как говорится, не вышло. Попались, подтвердив правильность поговорки: «Сколько веревочке ни виться, а конец будет».

Текст расписок, обнаруженных в трости Коломатиано, тоже был обусловленным. Он выглядел так: «От номера 15 тысячу рублей жалованья по 23 августа получил № 5 20.8». Или: «От номера 15 получил 1500 рублей (тысячу пятьсот) 20 августа № 31».

На вопрос, что означают номера в указанных расписках, Коломатиано сначала пытался увести в сторону следователя, давал сбивчивые показания, но затем, под давлением улик, вынужден был дать правдивый ответ и на этот вопрос: «Расписки, в которых «номера» подписываются в получении денег от «номера 15» — это расписки осведомителей, которые сообщали мне сведения экономического и политического характера. Номер 15 — это я. Номер 5 — А. В. Фриде, номер 24 — Загряжский, номер 26 — Солюс».

Американский шпион назвал хозяев номеров, которые значились в расписках. Оказалось, агентура Коломатиано действовала не только в Москве и Петрограде. Она засела в Минске, Смоленске, Крыму, Харькове, Одессе, Киеве, Ростове и многих других городах. Стало очевидным, что шпионская сеть заговорщиков охватила всю Россию, включая оккупированные немцами области. Сведения этих агентов отражали политическое настроение населения, наличие сил и партий, ведущих агитацию против Советской власти, состояние транспорта, отношение населения к союзникам и немцам, общее экономическое положение и другие данные. Коломатиано расшифровал код, служивший для передачи шпионских телеграмм.

Признался, что принимал участие в секретных совещаниях у Пуля и дал подробные показания о том, какие вопросы обсуждались на них.

На основании обнаруженных у Коломатиано докумен-

Кингисепп взял трость в руки, повертел.

тов и его показаний чекисты арестовали Леонида Александровича Иванова, Евгения Михайловича Галицына, Дмитрия Александровича Ишевского и Петра Дмитриевича Политковского.

Признания Коломатиано вынудили сознаться Загряжского. Он поддерживал контакт с Коломатиано и А. В. Фриде и получил за оказанные им услуги 750 тысяч рублей. 20 тысяч рублей, обнаруженных у него во время обыска, предназначались для передачи агентам-шпионам.

Признания Коломатиано сокрушили шпиона № 26, одного из самых деятельных, а потому опасных.

Нужно отдать должное Коломатиано. Он помог ВЧК продвинуть вперед следствие по делу Локкарта, внести ясность во многие вопросы, которые еще вчера казались сложными и запутанными.

Письмо, разоблачившее шпиона

27 сентября на конспиративной квартире Коломатиано в доме 8 по Толстовскому переулку комиссары, находившиеся в засаде, задержали неизвестного, предъявившего документы на имя чешского гражданина Алексея Лингарта. Правда, на первом же допросе Лингарт заявил, что он не Лингарт, а Иосиф Иосифович Пшеничко. Подлинную фамилию задержанного следствию установить так и не удалось. Но для существа дела это было не так уж важно. Гораздо более важным оказалось то, что было обнаружено в его чемодане. Но об этом потом.

Свое появление у Коломатиано Лингарт-Пшеничко объяснил просто: надеялся найти у него приют. Ну, а сам Коломатиано? Он знал подозрительного чеха, как Пшеничко, члена контрреволюционной организации. Как представитель чехословацкого корпуса, он поддерживал контакт с заговорщиками. Коломатиано знал также, что распоряжение о начале мятежа Нуланс передал чехам через Пшеничко. Документы, изъятые у Локкарта, полностью подтвердили эти данные.

На основании письма, обнаруженного при обыске у Коломатиано, был арестован бывший генерал-майор в отставке Петр Дмитриевич Политковский, служивший в обществе потребителей в Курске.

Вот содержание этого письма:

«Многоуважаемый Константин Дмитриевич, приношу Вам искреннюю благодарность за Вашу любезную память и внимание и что дали возможность познакомиться с симпатичнейшим Александром Васильевичем, который и оказался моим товарищем по «школе». К сожалению, я не мог оказать большой помощи ему, хотя и направил к двум-трем лицам, которые, по моему мнению, могут быть полезны. Я сегодня расспрошу еще раз, какие нужны сведения, и, если удастся, соберу и напишу Вам. Пожелаю всего лучшего, с совершеннейшим почтением П. Политковский. Курск, Почтовая улица, 18, кв. 15, 12-го мая 1918 года».

Письмо поставило перед следователем ряд вопросов. И прежде всего: кто же он, этот «симпатичнейший Александр Васильевич»? На этот вопрос Коломатиано ответил: брат Алексея Васильевича Потемкина. Он же признался, что использовал этого милейшего человека в качестве агента.

Допрошенный по этому вопросу Политковский показал: «Александра Васильевича я действительно направил к некоторым лицам для получения некоторых сведений по импорту и экспорту. Но я ничего не знал, что он действует по заданию контрреволюционной организации».

Как лица, содействовавшие шпионской деятельности Рейли, чекистами были арестованы Ольга Дмитриевна Старжевская и Максим Васильевич Трестер.

Старжевская, о которой уже говорилось, на допросе показала, что Рейли она не знала. Она знала Константина Павловича Массино, из Одессы. Только здесь, в ВЧК, ей стало известно, что Рейли и Массино одно и то же лицо.

Познакомилась с Массино в Большом театре, когда там заседал Всероссийский съезд Советов. Старжевская выдавала какие-то талоны, он подошел к ней. Разговорились. Стали встречаться. Массино водил ее в рестораны, стал бывать дома. Она ему нравилась. Он нравился ей. Предложил поселиться вместе, снял квартиру на Малой Бронной. На оборудование квартиры Массино дал ей 20 тысяч рублей. Почему малознакомый человек швыряется деньгами, это Старжевской не показалось странным, не вызвало подозрений, не заставило присмотреться к нему.

Как Рейли использовал Старжевскую в преступных целях, установить не удалось. Ясно одно: с ней он связы-

вал большие планы. Она могла добыть пропуска в Кремль, а это нужно было заговорщикам, готовившим арест Советского правительства.

Рейли использовал услуги и Трестера, заведующего авточастью Московского военного округа. Нередко Трестер предоставлял в распоряжение Рейли казенную машину за номером 1199, которая использовалась для связи с агентами, для наблюдения за Берзиным и в других преступных целях. Он же давал Рейли под расписку крупные суммы денег, рассчитывая получить взамен иностранную валюту. Вот одна из них:

«Получено от М. В. Трестера 15 000 рублей (пятнадцать тысяч рублей), за которые прошу уплатить ему или его уполномоченному 1500 долларов (пятнадцать сот долларов). Сидней Г. Рейли».

В процессе следствия выяснилось, что Трестер являлся одним из тех «богатых людей», о которых Рейли говорил Берзину, что они дают ему взаймы деньги для подкупа командиров воинских частей и что деньги эти будут возвращены кредиторами за границей.

Резидент под личиной коммивояжера

В заговоре Локкарта Коломатиано выполнял роль довольно важного звена. В его руках была сосредоточена агентура, он вел ее учет, отрабатывал коды, снабжал ими агентов, расплачивался с ними за работу. От него получали деньги, ему давали бумажки. Расписок накопилось много. Писал такую расписку Иуда, получал свои тридцать сребреников и думал, что неуязвим. Попробуй, найди по цифирке, если и попадет бумажка в руки чекистов.

Лежали эти самые расписки в огромном сейфе, и только один Коломатиано был их хозяином. Складывал одну за другой. Целая гора накопилась. И было это черное хозяйство упрятано в особняке американского консульства за семью замками.

И все-таки не спасли ни цифирки, ни толстые стены особняка, ни замки сейфа, ни заверения Коломатиано о полной безопасности шпионов.

Попался Коломатиано — и каждая цифра заговорила, приобрела свое человеческое обличье. Вполне конкретное, с фамилией, именем и отчеством, с полной характеристи-

кой. Разные у номерков оказались биографии, но душонки — как близнецы, у всех одинаковые. Иудины. Такие же, как и у их шефа.

До ареста ходил Коломатиано господином, не допускал и мысли о провале. Когда попался — растерял храбрость. Как только расписки попали к следователю, Коломатиано оптом и в розницу стал выдавать тех, кто работал на его же хозяев.

Кто же такой Коломатиано, как попал в Россию, при каких обстоятельствах связал себя с американской разведкой?

Ответы на все эти вопросы дают его показания.

Родился в США. Мать — русская. Отец — грек. В Чикагском университете, где учился, специализировался на изучении России и русского языка.

В 1905 году решил поехать на родину матери, искать счастья. Здесь поступил на службу к капиталисту-американцу Ко Кейсу. Работал при главной конторе в Одессе. По роду службы объехал Россию вдоль и поперек. В работе преуспевал. И тем не менее в начале 1915 года, когда, по его мнению, созрели благоприятные условия для организации новых американских предприятий в России, оставил службу и укатил в США. Зачем? Агитировать владельцев денежных мешков вкладывать свои капиталы в Россию. Он гарантировал баснословные прибыли. Коломатиано присматривался к фирмам: в нем проснулся бизнесмен, он хотел продать себя подороже. К нему присматривалась разведка. А когда разглядела задатки филёра, сделала предложение. По роду службы Коломатиано привык к сделкам. По привычке поторговался немного и... новая сделка состоялась. На этот раз с совестью.

В Москву возвратился летом 1916 года не только директором-распорядителем вновь организованной фирмы по доставке автомобилей, но и шпионом.

После революции он уже помощник коммерческого атташе американского консульства. Лучшего прикрытия для шпиона не придумаешь. А когда новые хозяева потребовали полную информацию об экономическом и политическом положении страны, коммивояжер и шпион проявил незаурядную смекалку. От имени своей фирмы, с которой не порывал связь, организовал информационное бюро. Под флагом изучения спроса на поставляемую продукцию и предложений по улучшению организации торгового дела

информационное бюро собирало обширную разведывательную информацию.

Вот перечень вопросов, по которым агенты Коломатиано, завербованные во многих городах России, собирали информацию:

Транспорт. Насколько разрушены дороги. Грузоподъемность железных дорог. Состояние узловых пунктов. Поддерживается ли сообщение с Германией.

Торговля. В чем ощущается недостаток. Как отразились новые законы на торговле. Имеют ли влияние на торговлю реквизиции. Если да, то какое.

Банковское дело. Как проходит национализация. Работа банков вообще.

Аграрный вопрос. Насколько успешно идет раздел земли. Какое влияние он оказывает на сельское хозяйство. Каково настроение сельского населения.

Политическое положение. Насколько крепко новое правительство. Чувствуется ли агитация других партий. Каких. Отношение населения: к Америке, Германии. Есть ли взаимные поставки с Германией. Скупает ли Германия акции, земли и т. д.

В зависимости от района действия, агенты обязаны были собирать информацию и по дополнительным вопросам, определявшимся важностью или специфичностью его стратегического положения.

В последнее время резко возросло внимание к данным, касавшимся переброски войск по железным дорогам из Германии в Россию и отправки в Германию сырья и продукции текстильной промышленности.

И Коломатиано активизировал работу агентов в прифронтовых районах по линии Ростов, Воронеж, Курск, Брянск, Смоленск, Орша, Минск, Дно, Новгород. Под пристальным вниманием находилась территория всей Украины. Сюда были направлены лица для изучения положения украинского правительства, его взаимоотношений с Германией и Австрией.

Ожидая, что Советское правительство в ответ на военную интервенцию союзников предложит их дипломатам покинуть страну, Коломатиано в начале августа перешел на нелегальное положение. По совету своих шефов, он обосновался на частной квартире под именем Серповского, гражданина Советской России. Его снабдили необходимыми документами. Конечно, фальшивыми.

Заговорщики полагали, что Коломатиано имеет надежное прикрытие и неуязвим для советских чекистов. Именно поэтому 25 августа на совещании у Пуля он был назван в числе тех, кто останется в России на нелегальном положении для руководства шпионской сетью.

К этому времени на связи у Коломатиано было более трех десятков надежных агентов, действовавших в различных районах страны, не считая тех, которые использовались втемную. Последние собирали и передавали агентам Коломатиано шпионскую информацию, не зная, что помогают заговорщикам.

Агенты Коломатиано действовали под видом служащих американской торговой фирмы. Это позволяло им разъезжать по стране, не вызывая подозрений.

Агенты собирали и передавали Коломатиано шпионские сведения. За это он платил им деньги. 100 тысяч рублей ему было ассигновано на эти цели. Разумеется, на первое время. Из них 50 тысяч находились на хранении у А. В. Фриде, а 20 тысяч — у А. А. Загряжского.

Коломатиано заботился о том, чтобы в случае провала кара советских чекистов не обрушилась на его агентов. Вот почему каждому из них он неоднократно напоминал: «Попадешься, тверди одно — служу в коммерческой организации, ничем предосудительным не занимался. Признаешься в чем-нибудь, чекисты пустят пулю в лоб. Тебя не будет, а союзники останутся».

Поистине трогательная забота!

Агент, о котором стоит рассказать особо

Коломатиано подробно рассказал о том, что сделал каждый агент: куда ездил по его заданиям, какие сведения собрал, сколько за это получил. Судя по характеристикам, все работали по совести, в поте лица. За исключением одного.

О нем в показаниях Коломатиано сказано: «Ишевский совершил лишь одну поездку. Показался нежелательным, был рассчитан» (понимай: исключен из сети).

Ишевский стоит того, чтобы о нем рассказать подробнее.

Он оказался ленивым шпионом, но блистательным шантажистом. Продав без колебания свою душу, предприимчивый Ишевский в то же время решил, что приобрел

Коломатиано, что матерый американский разведчик отныне в его руках и он будет делать с ним все, что захочет. Ну, скажем, ему будет давать чуть-чуть, а от него получать много. Пусть пикнет. Тогда он всем скажет, кто такой Коломатиано.

Но должность Иуды еще никогда не давала положения хозяина. Коломатиано оказался твердым орешком. По первому шпионскому донесению он раскусил Ишевского и вышвырнул за борт. Ершистый Ишевский огрызнулся письмом на имя своего хозяина, в котором припугнул его тем, что предаст их отношения гласности. Письмо это оказалось в руках чекистов и послужило уликой против обоих, так как не оставляло никакого сомнения, что отношения между ними носят шпионский характер.

Вот полный текст этого письма.

«Милостивый государь Ксенофонт Дмитриевич.

Считая, что наступило время подвести итоги нашей совместной деятельности, я желаю высказаться прямо и открыто. Содержание моего доклада, Вы сами понимаете, далеко вышло из тех рамок, которые Вы мне первоначально указали. Конечно, эти последние для меня не явились неожиданностью. С первых же Ваших слов я заключил, что «фирма» и «условия транспорта» есть не что иное, как маска, прикрывающая политическую и военную разведку. В этом направлении я и стал вести наблюдение во время моей командировки. Но каково же было мое удивление, когда я по возвращении в Москву узнал, что в моих услугах больше не нуждаются. Получили то, что было нужно, заплатили гроши, которые получают курьеры теперешних министерств, и успокоились. Человек в надежде на будущие перспективы рисковал многим, работал над составлением всесторонне охватывающим русскую жизнь докладом и за все это 600 рублей и... уходи вон. Это после неоднократного подтверждения Вами продолжительности моей у Вас работы и какого-то «будущего». Нет, к своим секретным агентам другие государства так не относятся. И в полном сознании своей моральной правоты и документальной силы я требую восстановления справедливости, если моя работа у Вас оборвалась, то я желаю (и свое желание вполне законное готов поддержать всеми имеющимися в моем распоряжении средствами) получить свой оклад за три месяца. Это составляет 4500 рублей из расчета 600 руб. основного жалованья и 30 руб. суточных. Конечно, было бы

излишней расточительностью тратить столько слов, если бы я не был уверен в удовлетворении моего, повторяю, скромного и справедливого требования. Без сомнения, Вы знаете, что Россия в данное время интересует не только Вашу страну, но и стороны враждебной Вам коалиции...

И, разумеется, над этим следует призадуматься. Итак, в течение трех дней я жду Вас у себя от 4 до 6 часов вечера или Вашего извещения с указанием времени и места, где мы встретимся.

Нечего говорить, что по окончании наших с Вами денежных расчетов я немедленно верну все имеющиеся у меня документы, черновики и прочее с соответствующей распиской и честным словом поставить крест над нашей встречей.

С совершенным уважением Д. Ишевский».

Поражает хладнокровность, с какой Ишевский торгует Родиной. За деньги готов на любую подлость.

Получив отставку у Коломатиано, он строчит письмо редактору буржуазной газеты немецкой ориентации «Мир», которому обещает сногсшибательный материал «об иностранной военно-политической разведке в России», разумеется, за сногсшибательный гонорар. Никаких конкретных фактов при этом не приводит. И не случайно. Давит на Коломатиано и торгуется с редактором буржуазной газеты. Не выйдет там — выгорит здесь.

Письмо Ишевского в редакцию газеты «Мир» тоже попало в руки чекистов и было приобщено к вещественным доказательствам преступной деятельности заговорщиков. Оно заслуживает того, чтобы привести его текст.

«Господину редактору газеты «Мир».

Милостивый государь.

В моем распоряжении имеется интересный материал, касающийся так редко затрагиваемой в прессе области — иностранно-военно-политической разведки в России. Мне посчастливилось весьма близко соприкоснуться с одной из таких закулисных работ «союзнической» дипломатии, а именно с англо-американской. Имея в виду предложить этот сенсационный теперь материал для Вашей газеты, покорнейше прошу уведомить меня по указанному выше адресу о времени и месте, где бы мы могли переговорить по этому вопросу.

В ожидании Вашего ответа. С совершенным уважением Д. Ишевский».

О том, какая яростная торговля была у Ишевского с редакцией «Мира», свидетельствуют следующие строки ответного письма редактора этой газеты от 12 сентября 1918 года.

«Относительно чрезвычайного материала, о котором Вы мне говорили (англо-американский шпионаж), я предлагаю Вам войти со мной в особые переговоры по представлении Вами и просмотре нами тех документов, которыми Вы располагаете.

Полагаю, что та оплата по 75 копеек строчка, которую мы обещали, является вполне удовлетворяющей Вашему требованию.

Согласитесь сами, что редакция не в силах устанавливать какие-нибудь особенные чрезвычайные гарантии даже для таких ценных сотрудников, как Вы.

Иное дело информационные, имеющие политическое значение документы, о покупке которых может идти речь сверх всяких особых норм.

Уважающий Вас (подпись)».

К сожалению, ВЧК не удалось установить, какие материалы Ишевский передал в редакцию газеты «Мир». Достаточно одного. Ишевский твердо знал, что организация Коломатиано шпионская, ее крайне опасная деятельность направлена против России.

Хитрость не спасает

Теперь нужно рассказать об агенте № 26. Отставной чиновник московской таможни Павел Максимович Солюс был одним из наиболее трудолюбивых шпионов Коломатиано. Он работал много, старался изо всех сил. Солюс один собирал столько шпионского материала, сколько не собирали трое любых других агентов Коломатиано вместе.

Он был и наиболее хитрый. Солюс хорошо подготовил себя для шпионской деятельности.

Когда чекисты арестовали его, он отрицал все начисто. Тогда следователь предъявил ему шпионскую сводку, обнаруженную на квартире Фриде, и спросил, не знает ли он, кто писал ее.

Не моргнув глазом, Солюс ответил:

— Авторство не отрицаю.

Но тут же стал хитрить:

— Материал собрал для Александра Владимировича Фриде. Полагал, что даю ему хорошую основу для фельетона.

Следователь положил перед ним другие сводки. Тоже написанные его рукой. И какие сводки! Вот некоторые выдержки из них:

«Тамбов. Из 700 красноармейцев, подготовленных к отправке на фронт, в эшелон погружено только 300. Ощущается недостаток снарядов, обмундирования и высшего командного состава.

Тверь. Открыта пулеметная школа и стрелковые народные курсы.

Борисоглебск. Мобилизовано 7 тысяч крестьян.

Ярославль. Организация и обучение Красной Армии плохие. Специалистов недостает. Продовольственное положение — отчаянное.

Москва. В 1 и 2 артиллерийских дивизиях порядок поддерживается исключительно инструкторами Первой Советской школы. Из присланного пополнения (5 тысяч человек) часть разбежалась. В четвертом советском полку дисциплина отсутствует.

Тамбов. В Липецке красноармейцы отказались ехать на фронт. Высший Военный Совет переведен в Арзамас».

— Это тоже материал для фельетона? — спросил следователь.

— Фельетоны можно сочинять и на военной фактуре,— самоуверенно отвечал Солюс.

Не слишком ли?

И тогда на стол перед шпионом легла расписка: «№ 26 получил от № 15 тысячу рублей в счет зарплаты за август».

Под тяжестью таких улик не выстоял и Солюс. Признался:

— Да, я работал против родины. Собирал шпионские сведения и передавал их Фриде для Коломатиано.

Изобличает Ренэ Маршан

К вещественным доказательствам было приобщено и письмо французского гражданина Ренэ Маршана. Оно адресовалось Пуанкаре, тогдашнему президенту Франции.

Журналист по профессии Ренэ Маршан приехал в Москву не сочувствуя большевикам. Он был сторонником вмешательства в русские дела, но, так сказать, официальными путями, достойными, в его понимании, настоящих джентльменов. Не случайно же его пригласили на одно из секретных совещаний, которое состоялось 25 августа у Пуля. Типичный буржуа, сын своего класса, Маршан в то же время оставался честным человеком. Убедившись в том, что союзники только на словах желают добра России, а тайно готовят ей удар в спину, он нашел в себе достаточно мужества, чтобы написать письмо огромной изобличительной силы.

Приводим сокращенный текст этого документа.

«Господин Президент.

Основываясь на доброжелательном Вашем отношении ко мне и на просьбе осведомлять Вас время от времени о положении в России, я имею честь адресовать Вам копию недавно отправленного мной господину Альберту Тома письма, в котором затрагивается на первом плане вопрос о вмешательстве союзников.

Со времени отправки этого письма события развернулись, согласно моим предвидениям, неумолимым, неблагоприятным образом с точки зрения хорошо понятых интересов России и Антанты...

Я себя считаю одним из тех, кто боролся, руководимый глубокими убеждениями, против большевизма в его проявлениях насильственной демагогии. Я считаю себя одним из тех, кто примкнул в лагерь самых скромных, разумеется, сторонников вмешательства, лишь только такая идея была высказана, в целях помочь самому русскому народу свергнуть немецкое иго, сосредоточить вокруг нас единую Россию и добиться радикального пересмотра презренного Брест-Литовского договора, гибельным образом нарушающего интересы России и так тяжело затрагивающего интересы союзников. Так я всегда понимал вмешательство, так я объяснял его и считал себя вправе объяснить русским друзьям.

...С горечью констатирую, что за последнее время мы позволили увлечь себя исключительно в сторону борьбы с большевизмом, то есть исключительно в сторону внутренней русской политики, теряя, таким образом, постепенно из виду основную первоначальную нашу задачу безо всякой пользы интересам Антанты, предпринимая дело,

не могущее привести к иному результату, как к бесплодному увеличению страданий и отчаяния русского народа, всех классов русского общества без различия, к углублению анархии и обострению голода и гражданской войны, белого и красного террора, к усилению партийных распрей и, наконец, к ослаблению национальных сил сопротивления, притом в такой момент, когда эти силы так ярко обозначились и диктовались самому Советскому правительству (чья поразительная государственная энергия, должен сознаться, теперь проявилась перед лицом самых ужасных затруднений)... Это весьма прискорбное уклонение нашей деятельности приводит мало-помалу, как бы незаметным образом, к уклонению от пути национальной обороны и переходу на бесплодную, во всяком случае второстепенную, почву внутренней русской политики, начиная с июля месяца обозначалась все ярче, вследствие затяжки ярославских событий, где борьба белогвардейцев Савинкова с Советским правительством привела в конечном счете к гибели нескольких тысяч русских, к уничтожению многочисленных церквей и значительных художественных ценностей, к обагрению кровью старинного города, к упадку духа тех, кого мы предполагали укрепить, к возросшей ненависти большевиков и к усугубленному недоверию буржуазии.

Итак, Вы поймете, господин президент, что происшедшее при таких обстоятельствах столь резкое и быстрое уклонение от поставленных задач не могло не поразить меня глубоко. Тем не менее я с самой абсолютной уверенностью возлагал надежды на возврат к нашей первоначальной точке зрения.

Мне довелось присутствовать недавно на официальном собрании, вскрывшем самым неожиданным для меня образом огромную, тайную, в высшей степени опасную, на мой взгляд, работу, во всяком случае противоречащую всему тому, что обязывало меня до сего времени. Я говорю о закрытом собрании, имевшем место в генеральном консульстве Соединенных Штатов... Присутствовал генеральный консул Соединенных Штатов г. Пуль и наш генеральный консул. Присутствовали союзные агенты, фамилии которых не помню, в том числе один, которого мне не доводилось никогда встречать. Разумеется, я спешу это подчеркнуть, ни американский генеральный консул, ни французский генеральный консул от своего имени не сделали ни

малейшего намека о каких бы то ни было тайных разрушительных намерениях, но случайно я был поставлен в курс этого дела тем, что высказали присутствовавшие агенты.

Так я узнал, что один англичанин-агент подготовлял разрушение железнодорожного моста через речку Волхов, недалеко от Званки. Достаточно бросить взор на географическую карту, чтобы убедиться, что разрушение этого моста равносильно обречению на полный голод Петрограда; таким образом, город фактически оказался бы отрезанным от всяких сообщений с востоком, откуда прибывает весь хлеб, и без того крайне недостаточный для существования. Впрочем, сам автор проекта вскрыл всю тягость последствий такого акта...

По этому поводу один французский агент доложил, что им уже сделаны попытки взорвать Череповецкий мост, что привело бы продовольствование Петрограда к таким же гибельным последствиям, как и результаты разрушения моста у Званки, так как Череповец расположен на линии, соединяющей Петроград с восточными областями.

Затем речь шла о разрушении рельсов на разных линиях. Один агент указывал даже на то, что он обеспечил себе помощь железнодорожников, что подкупленные железнодорожники согласились содействовать разрушению поездов с военными припасами. Я не распространяюсь, полагая, что уже достаточно сказал, чтобы на основании недвусмысленных фактов подтвердить формулированные много выше опасения. Я глубоко убежден, что дело идет не об изолированных починах отдельных агентов... К тому же я не намерен останавливаться на том, что за все время беседы не было сказано ни одного слова о борьбе с Германией.

Не подлежит сомнению, что я не стану из этого факта извлекать аргументы, чтобы утверждать, что подобные действия преследуют цель ударить по самой России, по беззащитному трудовому населению, что тем не менее является, к несчастью, реальностью. Я прекрасно понимаю, что эти поступки можно, хотя и не оправдать, но понять, когда исходят, как из факта, что Советское правительство действует заодно с Германией. Впрочем, я знаю, что в настоящее время таково распространенное мнение и что некоторые союзные агенты пытаются раздобыть (замечу

в скобках: создавая атмосферу в моральном отношении опасную и тревожную) «вещественные доказательства» «Союза» между ними...

Союзные правительства и их авторитетные представители считали возможным определить свою позицию, принимать решения, руководствуясь впечатлениями, не подкрепленными впоследствии никакими положительными данными, если не говорить об ожесточенной газетной полемике. С тех пор международное положение во многих отношениях сильно изменилось, и теперь невозможно серьезно утверждать, будто Советское правительство решило связать свою судьбу с центральными империями, чья победа не только не обещает ему никаких выгод, но, наоборот, обозначало бы удушение всей русской революции и, следовательно, его крах. Вот почему, каково бы ни было дальнейшее развитие военных событий, я считаю неправдоподобным, чтобы Советское правительство когда бы то ни было решилось призвать на помощь немцев.

Одним из главных аргументов, обычно приводимых в доказательство тайного «союза» между Советским правительством и Германией, является указание на полную безактивность последней на восточном фронте в такой момент, когда Советскому правительству особенно важно чувствовать, что руки его в военном отношении не связаны и что оно совершенно свободно от немецких угроз. Этот аргумент не может быть принят в расчет. Для любого наблюдателя, даже невнимательного и малосведущего, теперь ясно, что, если Германия оставляет большевиков у власти, то это отнюдь не по доброй воле, ей приходится опасаться вызвать на этой почве тяжкие внутренние осложнения, а по необходимости, ибо она физически лишена возможности поступить иначе... Вот почему она не только не окажется в состоянии усилить свои действия, напротив, она окажется вынужденной, а в этом убежден, эвакуировать значительную часть оккупированных областей. Несомненно, она еще, быть может, в течение нескольких месяцев сможет сохранить ложную видимость, затевать переговоры, продолжать торгашество. Но для любого внимательного наблюдателя не подлежит сомнению, что ее дни на Украине — наиболее важной из всех оккупированных ею областей — сочтены. А в этом отношении всякий может удостовериться, что большевики в настоящее

время оказывают все больше активной помощи украинцам для народного восстания, восстания крестьян и рабочих, что они переправляют для повстанцев деньги и военные припасы. Этот факт, который я имел возможность проверить из разных антибольшевистских источников, представляется мне поистине несовместимым с большевизмом, который не является искусственным правительством какого-нибудь отдельного города (Петроград, Москва), случайно созданным для исчезновения под влиянием другого восстания. Это правительство, которое, если и опирается только на одну часть населения против другой части, опирается зато на ту часть, которая поддерживает его не только в одном определенном пункте, но по всей территории. К тому же оно является правительством, которое до сего дня выдерживало нападение исключительно справа, а не слева — что может случиться когда-нибудь, и именно потому оно стало в глазах элементов, которые ему удалось сгруппировать, синонимом и символом «революция». Эти два факта, по-моему, объясняют то обстоятельство, что, несмотря на всю ненависть, которую они вызвали со стороны тех, кого преследуют, большевики повсюду, где они свергались как власть, возрождались благодаря народному повстанческому движению. Это служит подтверждением того, что всякая попытка свергнуть большевизм путем восстания в одном месте, в одном каком-нибудь центре, отражается на всей стране...

Я извиняюсь перед Вами, г-н президент, что столь долго отвлекал высокое Ваше внимание, погруженное в многочисленные и важные заботы. Но лишенный всякой возможности непосредственно сноситься с нашим посланником, с другой стороны, памятуя высокое благоволение, каким Вы имели любезность меня почтить, я решился после долгих и неоднократных колебаний обратиться к Вам, считая своим долгом перед лицом развертывающихся на моих глазах событий представить Вашему обсуждению приведенные факты и положения для блага дорогой и любимой нами Франции.

Благоволите, г-н президент, принять выражение глубокого уважения и абсолютной преданности.

Ренэ Маршан».

Не знаменательно ли, представитель буржуазной Франции, противник большевизма Ренэ Маршан восстал против двойной игры союзников. Даже он возмутился тем,

что усилия союзников направлены не на то, чтобы облегчить страдания русского народа, о чем они любили говорить на каждом перекрестке, а на то, чтобы бросить Россию во все более кровавую бесконечную борьбу, а народные массы — в бездну новых испытаний. Этот документ ничего не оставляет от пресловутой так называемой помощи русскому народу. Она, эта помощь, а точнее разговор о ней, был лишь ширмой для политического и военного вмешательства. Эта ширма облегчала создание и действие контрреволюционных организаций, подобных организации Локкарта.

Под воздействием откровенных высказываний коллеги по коалиции Ренэ Маршана сделал важные дополнения к своим показаниям и Коломатиано. Он сообщил, что на совещании у Пуля его познакомили с Вертомоном и Рейли. Все трое должны были остаться в России на нелегальном положении после вынужденного отъезда консульств союзных государств. Он, как руководитель шпионской сети, должен был всю собранную разведывательную информацию в копиях передавать и Вертомону, и Рейли.

Чемодан с двойным дном

А сейчас вместе с чекистами заглянем в чемодан Лингарта-Пшеничко. Он заполнен доверху. Здесь предметы личного туалета, кое-какая литература, скудные харчишки. Кажется, ничего лишнего, ничего предосудительного. Но что это? Похоже на звук полого тела. Еще и еще раз выстукивается дно чемодана. Сомнений нет. Оно двойное. В чемодане своеобразный тайник. Чекисты делают разрез верхнего основания и извлекают несколько документов. Один из них, совершенно секретный, подписан доктором Иосифом Куделем, членом созданного на территории России на правах автономного правительства так называемого «Чехословацкого национального Совета».

В этом своеобразном отчете самозванных государственных «деятелей» говорится:

«Нашими войсками в боях занято до сих пор 12 губернских и областных городов и свыше полусотни уездных. Железные дороги, которые мы отняли у большевиков, имеют длину, может быть, более, чем все дороги

Чехии. Добыча огромная. Одного золота почти на миллиард.

Но самым главным является, конечно, политическое значение нашего выступления, оно создало возможность возобновить восточный противогерманский фронт. Временные областные правительства, которые приняли на себя власть в освобожденных областях (Самарское, Сибирское, Уральское военные правительства казацких войск) провозгласили Брестский мир недействительным и объявили решительный бой против Германии. В том же духе и с той же целью формируются русские добровольческие отряды, такую же программу имеет армия генерала Алексеева, которая оперирует на юге России и пробивается к нам...»

Из дальнейшего содержания документа вытекало, что план восстания чехов был разработан в Лондоне и Париже, что союзнические миссии в Москве непосредственно руководили всеми операциями чехов.

Документ этот полностью разоблачал выдумку союзников, что местные Советы спровоцировали чехов на вооруженное выступление.

Кудель сообщал также о том, что союзники признали Чешский национальный совет в России и дали согласие на неограниченные действия чешской армии, желая иметь сильную опору в борьбе с Советской властью.

В руках чекистов оказались новые, очень важные улики.

Возмездие

Следствием по делу Локкарта руководил верный соратник Ф. Э. Дзержинского Виктор Эдуардович Кингисепп. В ходе предварительного расследования показаниями арестованных, свидетелей и неопровержимыми уликами была доказана преступная деятельность, которой занимались союзники с помощью своих агентов.

«Благие» намерения Антанты получили широкую огласку и вызвали огромный общественный резонанс, далеко выходивший за пределы России.

Закончив следствие по делу Локкарта, которое по существу превратилось в дело союзнических миссий в России, ВЧК передала его на рассмотрение в Революционный Трибунал при ВЦИКе.

Пять дней — 28, 29 и 30 ноября, 2 и 3 декабря 1918 года — Революционный Трибунал России рассматривал это постыдное дело. На скамье подсудимых, кроме Локкарта, отсутствовали Вертомон, Гренар и Рейли.

Попытки найти их в то время результата не дали.

И все же все четверо незримо сидели на скамье подсудимых. Они отвечали перед советским народом за свои злодеяния наравне с теми, кто сидел в зале суда. Судебное разбирательство полностью подтвердило преступную деятельность англо-франко-американской коалиции, пытавшейся при пособничестве представителей буржуазных контрреволюционных сил путем организации шпионажа, подкупа и дезорганизации частей Красной Армии, взрывов железнодорожных мостов, поджогов продовольственных складов свергнуть рабоче-крестьянскую власть, убить вождей трудящихся масс, чем нанести смертельный удар по социалистической революции. В приговоре говорилось:

«Попытка контрреволюционного переворота, будучи сопряженной с циничным нарушением элементарных требований международного права и использованием в преступных целях права экстерриториальности, возлагает всю тяжесть уголовной ответственности, прежде всего, на те капиталистические правительства, техническими выполнителями злой воли которых являются вышеперечисленные лица».

Соответственно степени виновности каждого из подсудимых Революционный Трибунал при ВЦИКе постановил:

«О. Д. Старжевскую подвергнуть лишению свободы сроком на три месяца с зачетом предварительного заключения и с лишением права состоять на службе в государственных учреждениях Советской Республики; А. А. Загряжского, А. В. Потемкина, П. М. Солюса, А. К. Хвалынского, Е. М. Голицына, Л. А. Иванова, Д. А. Ишевского и М. В. Фриде подвергнуть тюремному заключению сроком на пять лет с применением принудительных работ; И. И. Пшеничко подвергнуть тюремному заключению до прекращения чехословаками активных вооруженных действий против Советской России; Р. Р. Локкарта, Гренара, С. Г. Рейли и Г. Вертомона объявить врагами трудящихся, стоящими вне закона РСФСР, и при первом обнаружении в пределах территории России

расстрелять; К. Д. Коломатиано и А. В. Фриде расстрелять».

Несколько человек из числа привлеченных к уголовной ответственности были по суду оправданы.

Приговор советского суда означал, что наследникам Лоуренса нанесен смертельный удар. Они занесли меч над молодой Советской Республикой, им же были и сокрушены.

Ян Янович

В гостях у героя

Сорок восемь лет оставалось тайной, как ВЧК раскрыла заговор Локкарта. Почти полвека не были известны имена чекистов — участников исторической операции.

Писать об этом пытались. И не один раз. Но все авторы отводили решающую роль случаю.

Обычно, дело рисовалось так. Советский патриот Э. П. Берзин, командир одной из латышских частей, познакомился в доме приятеля, тоже военного, с человеком, назвавшим себя Шмидхеном. В разговоре незнакомец сначала дал понять, что связан с Локкартом, а затем, довольно откровенно предложил и Берзину связать свою судьбу с англичанами. Сомнений не оставалось: Шмидхен — агент Локкарта. Более того, их связь преступна. Как быть? Отказаться от предложения, сказать, что ему не по пути с врагами его Родины — это легче всего. Не лучше ли попросить день-два на размышление, а тем временем сообщить куда следует. Решение было твердым. Берзин пришел в Чека и рассказал о разговоре со Шмидхеном Дзержинскому. Случаем воспользовались. Чекисты предложили, а Берзин добровольно согласился играть роль недовольного Советской властью человека, готового оказать возможную помощь англичанам. Вскоре он вошел в доверие к английскому разведчику и выведал его планы. Опасный заговор против нашего государства был своевременно раскрыт и обезврежен.

Читатель уже знает, как развертывались события в действительности, какую важную роль сыграл в раскрытии заговора Берзин. Знает он и о том, что знакомство Берзина с «агентом» Локкарта не было случайным.

От начала и до конца планы заговорщиков раскрывались чекистами, их тонкой и умной работой. Действиями чекистов непосредственно руководили Феликс Эдмундович Дзержинский и его заместитель Петерс. А нам просто посчастливилось: после долгих поисков мы узнали имена участников операции.

К нашей большой радости оказалось, что один из них — Ян Янович Буйкис, вынесший на своих плечах немалую долю тяжести, не раз подвергавший себя опасности, жив и здоров. Живет он в тихом московском переулке,

в скромной квартире. Ключи от нее он получил из рук Феликса Эдмундовича более четырех десятков лет назад. Этим она дорога ему, несмотря на многие неудобства. Живет с женой и дочерью. До сих пор мы находимся под впечатлением первых встреч с Яном Яновичем. Впрочем, все по порядку.

Ян Янович встретил нас в дверях своей квартиры. Он удобно рассадил всех в маленькой гостиной, на стене которой висит довольно редкий бронзовый барельеф Феликса Эдмундовича. Бесценная реликвия.

Беседа завязалась легко и непринужденно. К душевному разговору располагал хозяин, душевный человек, обладающий приятной внешностью и отличной памятью.

Узнав о цели нашего визита, он сказал:

— Если вы не против, я коротко расскажу о себе. Так мне легче будет ответить на ваши вопросы.

Мы были рады такому предложению. Еще бы! До этой встречи наше знакомство с биографией Яна Яновича не выходило за рамки сухих анкетных данных личного дела.

— Я родился и вырос в местечке Акнисте, что километрах в 140—150 от Риги. В семье небогатого крестьянина жилось не сладко. Вечные недостатки оставили тяжелое воспоминание о детстве, хотя оно и прошло на веселой живописной речушке Сусее, воды которой, сливаясь с Мемеле и Лиелупе, впадают в Балтийское море. Обездоленные односельчане постоянно тянулись на заработки в Ригу. Не один раз ездил за счастьем в большой незнакомый город и мой отец. Но радости от этого в доме не прибавлялось.

Первая мировая война и близость революции влияли на настроение не только городского, но и сельского населения, заставляли людей думать, определять свое отношение к происходящему. Старшие в нашей семье были людьми либеральных взглядов, но не примыкали к социал-демократам. В 1915 году я был призван в армию и после окончания школы вольноопределяющихся произведен в подпоручики. Уже после Февральской революции меня избрали председателем товарищеского суда в полку. Эта организация, особенно после отмены в армии царских чинов, занимала довольно революционные позиции. К этому же периоду относятся и мои первые встречи с большевиками-солдатами, которые агитировали меня

вступить в партию. В июле 1917 года я стал коммунистом. Именно в это время мне пришлось выполнить одно важное партийное поручение.

Мы не утерпели:

— Оно имеет отношение к вашей деятельности в Чека?

— В какой-то степени. Дело в том, что я впервые попробовал свои силы как конспиратор. Мне необходимо было доставить в русские части, окружавшие латышскую дивизию, большевистскую литературу. Но не могло быть и речи о том, чтобы подпоручик Буйкис неузнанным прошел через патрули. Тогда я разыскал в полковом клубе бутафорские усы, загримировался и пошел к русским товарищам. На обратном пути, а дело шло к вечеру, меня обстреляли. Пришлось представиться часовым в натуральном виде. Все шло хорошо, но тут появился поручик и повел меня к командиру полка.

Просить поручика о сочувствии было делом бесполезным. Мы его знали как служаку в самом худшем смысле. Он видел проступки там, где и не пахло ими, и требовал, чтобы военнослужащих строго наказывали за малейшую провинность.

«Вот, — думаю, — незадача: чего доброго под полевой суд отдадут, как шпиона». Провели к командиру полка, а тот, конечно, с подозрением. «Что это вы, подпоручик, прогуливаетесь ночью у постов?»

Терять нечего, пошел на риск: «Хотел проверить, насколько бдительны наши солдаты».

И представляете, он отдал приказ: мне благодарность, прочим офицерам — совет почаще устраивать подобные проверки. Так я выполнил первое партийное поручение и еще получил за это благодарность от полковника!

Ян Янович замолчал, собирался с мыслями, а нам не терпелось. И хотя мы многое уже знали о заговоре Локкарта, о том, какую роль в разоблачении заговорщиков сыграл человек, сидевший перед нами, и его товарищи, мы задавали вопросы, и, казалось, им не будет конца. Хотелось знать все сразу. А ведь знали — одной беседой не ограничимся. Их будет много, интересных, захватывающих. Мы спросили:

— А как принял вас Локкарт? Как он выглядел, как держался?

— Когда мне исполнилось двадцать три года, Роберту Брюсу Локкарту было тридцать. Это был крепкий спортив-

ного вида человек. Он ведь футболом увлекался. Локкарт не выглядел типичным англичанином. В его внешности было даже нечто русское, держался он всегда любезно, предупредительно. По-русски говорил без малейшего иностранного акцента. Но производил впечатление весьма осторожного противника. Он профессиональный разведчик «Интеллидженс-сервис», хотя многие в то время не знали этого.

— Какой момент работы среди заговорщиков вы считаете самым опасным?

— Как только познакомились с английским военно-морским атташе Кроми, мы поняли, что столкнулись с иностранной разведкой, что она берет «шефство» над нами. Сами понимаете, ничего приятного в этом не было. Много раз опытные английские разведчики ставили нам ловушки. К нашему счастью, мы не попали в них, но далось это нелегко.

— Скажите, Ян Янович, понадобилось ли вам перевоплощаться, создавать какой-то образ для того, чтобы заговорщики вас не заподозрили?

— Видите ли, проще и правдоподобнее было выдавать себя за тех, кем мы были, — за офицеров латышского полка. Конечно, приходилось держаться настороже, чтобы не выдать своего подлинного отношения к намерениям противника. Нам это удалось. Заговорщики нас не заподозрили. Хотя, возможно, у такого опытного разведчика, как Локкарт, и остались в глубине души какие-то сомнения. Недаром же он в своей книге «Буря над Россией», вышедшей в 1932 году, написал обо мне: «Я никогда больше ничего о нем не слыхал. И по сию пору я не знаю, был он расстрелян или соответствующим образом вознагражден за раскрытие крупного заговора».

В ходе беседы выясняется интересная деталь: в семье до сих пор не знали, что Ян Янович и его боевые друзья помогли разоблачить Локкарта, умного и хитрого разведчика, опасного преступника.

Сколько нужно иметь терпения, выдержки, какой скромностью обладать, чтобы долгие годы ни одним словом не обмолвиться о совершенном подвиге даже в семье, не заикнуться об этом самым близким и дорогим людям.

Ян Янович свято хранил чекистскую тайну. Такова была традиция: люди, носившие гордое имя чекист, совершали подвиги и... оставались безвестными. О них не

принято было вспоминать даже тогда, когда совершенное ими переставало быть государственной тайной.

Канула в Лету эта несправедливая, очень обидная традиция. Словно драгоценный клад изучаются сегодня архивные фолианты, из которых наше поколение узнает о подвигах, свершенных людьми невидимого фронта. Труд их тяжелый и опасный, но исполненный высокой романтики, достоин восхищения. А сегодня перед нами один из замечательных бойцов этого фронта. Интеллигентное лицо. Живые искрящиеся молодостью глаза. Особенно молодо он выглядит, когда слегка волнуется, вот как сейчас. Лицо алеет, и румянец снимает добрых два десятка лет. На лоб лихо спадает прядь волос. И только седина безжалостно напоминает о возрасте, о пережитом. Беседа продолжается. Вопрос следует за вопросом. Терпеливо отвечает Ян Янович. Он не жалуется на нашу назойливость. Именно назойливость. В течение недели мы встречаемся с ним изо дня в день. А что поделаешь? Хочется узнать побольше о нем, о событиях тех далеких и в то же время близких и дорогих дней. И каждый раз Ян Янович находит для нас что-то новое, интересное. Вот об этом нам и хочется рассказать.

Он видел и слушал Ленина

На улице Дзержинского стоит дом, на его фасаде цифра 13. Внешне ничем не примечательный. И вместе с тем — исторический. Тому доказательство — мемориальная доска с надписью: «Здесь, в помещении клуба, 7 ноября 1918 года на митинге-концерте сотрудников ВЧК выступал Владимир Ильич Ленин».

Среди счастливчиков, жадно слушавших Ильича, был и Ян Янович. О незабываемой встрече он рассказывает с какой-то особенной проникновенностью.

— В приподнятом, радостном настроении собрались мы, чекисты, на торжественное собрание. Многие пришли в свой клуб сразу же после того, как выполнили ответственные, связанные с риском для жизни боевые задания.

Помню, сцена была украшена лозунгами, кумачом. В президиуме находились Дзержинский, Петерс, Ксенофонтов и другие руководящие работники Чека. В начале выступал Феликс Эдмундович. Он говорил об итогах борьбы и труда, о том, какие задачи стоят перед чекистами. Потом Яков Петерс объявил:

— Товарищи! К нам приехал Владимир Ильич Ленин. Будет выступать.

Сообщение это мы встретили с огромным воодушевлением. Вскоре на сцене появился Владимир Ильич. Первые его слова утонули в буре аплодисментов. Все поднялись с мест. И казалось, массивные стены зала не выдержат, разверзнутся от рукоплесканий и восторженных возгласов.

Владимир Ильич несколько минут ждал, когда стихнут аплодисменты, но зал не унимался. Тогда он достал часы и показал их аудитории: дескать, время-то идет!

После этого наступила такая тишина, будто в зале не было ни одного живого существа.

— Товарищи, — сказал Ленин, — чествуя годовщину нашей революции, мне хочется остановиться на тяжелой деятельности чрезвычайных комиссий.

Приезд Ленина к чекистам, да и само содержание его речи не были случайными. Не только потому, что обстановка в стране, классовая борьба были накалены до предела. Надо сказать, что в тот период, когда на белый террор мы ответили красным террором, усилились нападки на деятельность чрезвычайных комиссий. Враги исходили бешенством и злобой. Это нас не удивляло. Но находились люди и в нашем лагере, которые, не понимая логики борьбы, пытались обвинить чекистов в том, что они, беспощадно подавляя контрреволюционеров, якобы «перегибают палку». Нападки такого рода проникали даже в печать и, безусловно, наносили ущерб ВЧК и общему делу. У некоторых чекистов просто опускались руки.

Отсюда понятно, какое величайшее значение имела для нас речь Ленина, в которой он ответил на нападки врагов и обывателей и дал оценку многотрудной деятельности ВЧК.

Владимир Ильич подчеркнул: в том, что не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК, нет ничего удивительного. «Когда мы взяли управление страной,— сказал Ленин,— нам, естественно, пришлось сделать много ошибок и естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Обывательская интеллигенция подхватывает эти ошибки, не желая глубже вникнуть в сущность дела. Что удивляет меня в воплях об ошибках ЧК, — продолжал Ильич, — это неумение поставить вопрос в большом мас-

штабе. У нас выхватывают отдельные ошибки ЧК, плачут и носятся с ними.

Мы же говорим: на ошибках мы учимся. Как во всех областях, так и в этой мы говорим, что самокритикой мы научимся... Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие. Это напоминает мне проповедь Каутского о диктатуре, равняющуюся поддержке буржуазии. Мы же говорим из опыта, что экспроприация буржуазии достается тяжелой борьбой — диктатурой».

Ян Янович на минуту умолкает. Он взволнован воспоминаниями о встрече с вождем. Старается вспомнить каждое его слово, каждую деталь, связанную с Ильичем.

— Особенно врезались мне в память слова Владимира Ильича, в которых дана высокая оценка самоотверженной работе чекистов.

«Для нас важно, — сказал он, — что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом».

Владимир Ильич говорил в своей речи и о качествах, которыми непременно должен обладать каждый чекист. При этом он особо выделил три качества: решительность, быстрота, а главное — верность.

«Да, — думал я, слушая Ленина, — мы, чекисты, на правильном пути. Мы побеждаем своей верностью революции».

После того как Ленин закончил речь, чекисты качали его. И, как бы боясь упустить какую-либо деталь или неточно передать ее, Ян Янович поясняет:

— Правда, выражение «качали» не совсем точно: мы знали, что Ильич еще неважно чувствует себя после ранения, поэтому лишь осторожно и бережно поднимали и опускали его.

Потом посыпались вопросы — устные и письменные. И о работе, и о политике, и о задачах ВЧК. Их было так много, что Ильич, улыбаясь, сказал:

— Если я сейчас буду отвечать, мы с вами до утра не разойдемся. Лучше будет, если я приеду к вам завтра и отвечу на все вопросы.

Обещание свое Ильич сдержал. 8 ноября мы ждали его

возле здания клуба. Едва Ленин вышел из машины, как чекисты подхватили его на руки и внесли в клуб. Отвечал он на вопросы два с половиной часа. По существу это было его второе выступление. Сказал Ленин и о том, что несмотря на ожесточенность классовой борьбы, на сложность обстановки, не всегда нужно прибегать к репрессиям. Есть немало людей заблуждающихся, отравленных ядом буржуазной пропаганды. Таких нужно переубеждать, воспитывать в нашем, пролетарском духе.

Таким образом, Ленин как бы положил начало большой и очень важной работе по предупреждению преступлений, которую органы государственной безопасности ведут и ныне и которая в условиях перехода от социализма к коммунизму имеет особое важное значение.

Ян Янович посмотрел на нас, ожидая очередного вопроса. Мы молчали, полные глубоких раздумий, навеянных рассказом об Ильиче. Ян Янович продолжал:

— Так вот, в надписи на мемориальной доске допущена неточность. Да, клуб тот самый, и митинг в нем был, и Ленин выступал именно там, но я точно помню, не только 7-го, а и 8-го ноября 1918 года. Два вечера подряд!

Военный контрразведчик

Когда было покончено с Локкартом, Яна Яновича направили в действующую армию. Смертельные схватки с белогвардейскими полчищами и иностранными легионами продиктовали целесообразность нового назначения. Он стал военным контрразведчиком. Четыре года, почти полторы тысячи дней, прошли в тяжелых походах и непрерывных боях сначала с белополяками, затем с озверевшими бандами националистов, наводивших ужас на Украине.

Нелегкая судьба у военного контрразведчика. Он полностью разделяет тяжкую долю солдата: вместе с ним ходит в атаку, разит противника в открытом бою. Вместе с ним испытывает радости удач и горечь поражений. Но есть у него еще своя забота, прямая профессиональная обязанность: ограждать воинскую часть от происков разведок противника и его агентов внутри страны. Их невидимых, но очень опасных действий. Проглядит их военный контрразведчик — и часть, за которую он постоянно в ответе, может быть поражена этими действиями, как опас-

ными микробами. Утрачивается ее боеспособность, она может дрогнуть в трудную минуту боя, спасовать перед противником.

О работе в Особых отделах в послужном списке Яна Яновича сказано: «Участвовал в боях с белополяками, в подавлении кулацкого восстания галичан, в ликвидации банд Шепеля, Медведя, Иванова, Гаевого...» За этими скупыми строками скрывается огромный ратный труд, бессонные ночи, тревожные, полные опасности и подлинного мужества дни, недели, месяцы.

Обстановка менялась, как в калейдоскопе. Тяжелые, кровопролитные бои с белополяками в июне 1920 года. В пекле сражений вырвана победа. 11—12 июня враг выбит из Киева. Польские паны, уже возомнившие себя хозяевами богатых украинских земель, бежали под натиском Красной Армии. Военный контрразведчик 58-й стрелковой дивизии Буйкис был в числе тех, кто сорвал козни белополяков, кто заставил бежать их без оглядки.

Контрреволюционный мятеж в Подольской губернии. Местное кулачье, опьяненное звериной ненавистью к Советам, поднялось против них. И Буйкиса направляют туда, в самое пекло.

Ликвидация банды Шепеля в окрестностях Литина и Летичева — один из эпизодов боевой биографии контрразведчика Буйкиса. Об этих тревожных и опасных днях напоминает удостоверение, хранящееся в личном деле. Читаем: «Представитель сего Буйкис Ян Янович действительно командирован в город Литин и окрестности по срочным военным делам...»

— Когда это удостоверение вручил мне старший оперативный начальник, — говорит Ян Янович, — он сказал: «Дело сложное, опасное. Людей даем мало. Постарайтесь на месте подобрать храбрых и надежных помощников. На них опереться».

После небольшой паузы начальник произнес: «Без жертв не обойтись. Но сделайте так, чтобы они были минимальными. Сейчас каждый человек нужен».

Десять против ста пятидесяти

Взгляните на географическую карту нашей Родины. На обширных украинских просторах найдите территорию, заключенную между излучиной Южного Буга на севере

и отрезком железной дороги Жмеринка—Проскуров (ныне Хмельницкий) — на юге. Вот здесь и хозяйничали бандиты. Резиденцией страшного Шепеля, предводителя полутора сотен головорезов, посаженных на коней, был Литин — тихий маленький городок. Утопая в зелени садов и цветников, он уютно раскинулся на берегу небольшой речушки Згар, что впадает в Южный Буг.

Войско Шепеля — подстать атаману: кулацкие сынки, анархиствующие элементы и петлюровцы. Лютые ненавистники всего советского. Свою ненависть к нему они вымещали на мирном населении, охотились не только за коммунистами, но и за сочувствующими им. Зверски убивали советских активистов, безжалостно грабили и глумились над людьми, наводя страх и ужас, вызывая в свой адрес гнев и проклятья местных жителей.

Шепель терроризировал население огромной округи. Одно это имя, произнесенное вслух, загоняло людей в хаты и погреба, вмиг делало безлюдными шумные улицы поселков и деревень. Но как бы ни прятались люди, бандиты Шепеля находили тех, за кем приезжали. Им помогали пособники, верные псы их. С жертвами расправлялись безжалостно, подвергали нечеловеческим истязаниям. Действия средневековых инквизиторов бледнеют перед ними. Нужно было решительно пресечь их кровавые забавы.

Горстка военных контрразведчиков с Буйкисом во главе прибыла на место точно в назначенное время и с ходу включилась в работу...

* * *

Чекистов десять. Бандитов в пятнадцать раз больше. А сколько пособников у них? Разве это узнаешь, учтешь? Силы явно неравные. Но задание получено. Его нужно выполнять...

Люди в форме красноармейцев поселились в Литине. Экипировка красноармейца не привлекала внимания. Местные жители крохотного городка знали своих наперечет. Безошибочно узнавали каждого новенького. Кто пришел с добрыми намерениями, кто с дурными — тоже знали. К красноармейцам относились доверчиво. Считали: служивые воюют с неприятелем, а не с бабами да мужиками. Сегодня они тут, а завтра в другом месте, а может,

и на тот свет подались. Чего же бояться их! Даже те, кто на новую власть круто смотрел, не имели особых претензий к служивым. Люди долга, может, они и сами себе не рады — рассуждали такие. Короче, на чекистов никто внимания не обращал. Вроде их и не было здесь. А они были. Делали свое дело. Каждый знал свой участок, свою задачу. В назначенный день подвели итог. Буйкис остался доволен. Чекисты хорошо изучили оперативную обстановку, отчетливо представляли, кто свой, а кто чужой, на кого положиться можно при необходимости, а кому веры не может быть, как бы он не прикидывался своим.

Надежных помощников чекисты имели и в Летичеве и в Литине. Это были хорошие люди, беспредельно преданные новой власти, готовые за нее пойти на смерть.

Работали на чекистов и некоторые бандиты. Правда, они не догадывались об этом. В Литине и Летичеве у бандитов имелись девчата, они регулярно бегали к ним, тайком. Так вот чекисты нашли хороших помощниц среди этих девушек. Девчата водили вокруг пальца своих рыцарей, выведывали у них то, что нужно было, а потом все это попадало в руки Буйкиса. К чекистам стекалась обширная информация, позволявшая следить за каждым шагом Шепеля и его банды. Знали все, — где находится Шепель, какую готовит операцию, кого избрал очередной жертвой. Это позволяло активно противодействовать злодею. А главное — спасать советских людей от расправы. Ворвутся, как смерчь, бандиты в село или хату, а тех, за кем приехали, и след простыл: их предупреждали чекисты.

Тем временем готовилась операция по поимке главаря банды и его ближайших помощников. Делалось все осторожно, конспиративно.

Ушла ли банда?

Слух по городку растекался как вечерний туман: сначала робко, исподволь, затем настойчивее, явственней. Буйкису приносили все новые и новые доказательства того, что дыма без огня не бывает. В литинскую больницу при самых загадочных обстоятельствах поступали больные. Целыми партиями в десяток и более человек. Сегодня нет их, а завтра уже лежат. Никто не знал, кто и когда доставляет их. Главный врач больницы Гетман лично опекал

этих больных. Выделил для них отдельные палаты. Входить туда разрешал только двоим-троим из обслуги. Самым преданным. Сам Гетман пока для чекистов загадка. На словах за новую власть горой стоит, а на деле — кто его знает.

Поначалу контрразведчики хотели даже связь установить с ним. Резон в этом был. Операция по ликвидации банды — дело не шутейное. Тут и раненые, и убитые могут быть. Без доктора не обойтись. Когда решение уже имелось — отменили. Буйкис другое принял: изучить как следует человека. Рисковать нельзя.

Своих людей в городской больнице чекисты не имели. Нужно было как можно скорее ликвидировать этот пробел. Легко сказать! Гетман крепко держал персонал больницы в своих руках. Его боялись, ему подчинялись. Сказал главный — этому и быть, никто не перечил. И все-таки через неделю чекисты имели свои уши и глаза в больнице. За это время подозрительных больных прибавилось. За восемь десятков перевалило. Лежали они вповалку на деревянных нарах, сколоченных на скорую руку.

Буйкис собрал своих ребят на совет. Разъяснил обстановку, познакомил с тем, что успел получить от преданных людей из больницы. В основном сведения «перекрывались». По этому судят о степени их достоверности. И все-таки решили не спешить с выводами. От них зависела судьба старого и надежность нового плана по ликвидации банды.

В отношении Гетмана мнения разошлись. Двое из десяти настаивали на том, что главный врач человек советский, достаточно проверенный, ему можно доверять и даже задание любое поручить не страшно.

— Опереться на Гетмана, значит, выиграть время, а может быть, и жизни товарищей сберечь, — упорствовали они.

— Поймите же обстановку, товарищи, — терпеливо разъяснял Буйкис. — В городской больнице под видом больных концентрируются подозрительные люди. Ни в каких учетных книгах приема они не значатся. А если связать это с тем, что полгорода твердит о том, что банда ушла в другие края и сюда больше не вернется, можно и предположения кое-какие сделать. Я не говорю о выводах. Мы договорились не спешить с ними.

Собрался с мыслями, сказал:

— Похоже на то, что враг отводит от себя внимание. Неспроста это.

Кто есть Гетман

За квартирой Гетмана установлено тщательное наблюдение. Ребята попеременно ведут его из замаскированной точки. Прошли сутки, другие, а прока — никакого. Это Буйкис распорядился окружить особым вниманием главного доктора. Кое-кто и тут возражал: не такие силы, чтобы распылять. Но он использовал право старшего, настоял.

— И кажется зря, — теперь уже настойчивее говорили все те же двое. — Доктор наш человек, ему можно верить.

Третья ночь поставила все на свои места.

В засаде находился Иван Дорохов. Ночь выдалась тяжелая. Густое месиво обложных туч придавило землю. В кромешной темени даже хаты различаются с трудом. Больших усилий стоит держать на виду особняк Гетмана. Он то исчезает, то снова перед глазами маячат его расплывчатые контуры. Сказывается напряжение. Может быть, поэтому Дорохов не сразу обратил внимание на то, как где-то далеко исходила надрывным лаем дворняжка. Затем ее поддержала вторая, третья. Лай приближался к хате Гетмана. И только тогда насторожился Дорохов, когда пес соседнего с Гетманом двора забрехал громко и простуженно. По дороге ехал конник. Но почему в такую темень Дорохов совсем отчетливо видит его? Даже масть коня различает — буланая. Он никак не сообразит, что в эту минуту луна пробила тяжелые тучи и выплеснула бледно-желтый свет в образовавшееся окошко.

Конник спешился, стреножил коня, приблизился к крайнему правому окну особняка Гетмана и постучал три раза. Стук был сигналом. Видно было по тому, как делалось это. Осторожно, размеренно: тук-тук-тук — и к калитке. Она приоткрылась, и человек нырнул в темноту. Тяжелую и беспросветную, проглотившую опять и улицу и дома. Как дикая кошка, Дорохов рванулся с насиженного места, махнул через дорогу и врос в калитку. Он не думал сейчас об опасности, пренебрегал ею. Только бы узнать: что за человек этот Гетман.

За калиткой разговаривали двое.

— Ваше степенство, меня до вас прислал батька. Велел

передать, что еще тридцать хлопцев свалилось. Надо выручать.

— Доложи шановному пану Шепелю, что Гетман не изменил Украине. Он помнит о своем долге, о своей совести.

— Когда прикажете, ваше степенство?

— Чем раньше, тем лучше.

— Тогда дожидайтесь завтра, после полуночи.

— Эх, гад, — только и сказал себе под нос Дорохов, сорвался с места — и к Буйкису. Начальник велел докладывать немедленно все, что станет известно. Даже ночью будить приказал.

Тетя Оксана открывает тайну

Тетя Оксана — вдова красногвардейца, сложившего голову в схватке с белополяками, лет двадцать работает в городской больнице санитаркой. Полжизни своей провела в одной должности, скромной, но ой как нужной людям. Молодой, задорной дивчины, любительницы позубоскалить, не осталось и в помине. Тетя Оксана задумчивая, степенная. За это время она не только полюбила свою профессию, сама «доктором» стала. Мало что без образования. Опыт и природная смекалка большое дело. Соседи ее так и называют: «дохторша». Занедужит хозяин, забьется в коликах дите — посылают за тетей Оксаной. Поможет.

Сегодня тетя Оксана дежурит ночью. Как хозяйка обходит палаты, справляется, в чем помощь нужна. За ночь трижды побывала в тех самых покоях, куда Гетман строго настрого запретил заходить. Всякий раз находила предлог. Не придерешься к ней, не заподозришь в повышенном интересе к запретному. Никогда тетя Оксана не спешит покинуть больницу. Дежурство закончится, можно и до хаты податься, а она топчется. Находит дело своим натруженным рукам. А вот сегодня ее будто подменили. Напарница не успела появиться, а тетю Оксану только и видели. Вышла на улицу, оглянулась по сторонам и засеменила от дома к дому, от дома к дому. Повернула за угол, вздрогнула. Кто-то шмыгнул в калитку, притаился за ней. «Неужели следят? — мелькнула мысль. — А может, не человек, привидение?» Взяла себя в руки, подошла к калитке и с ходу толкнула ее. Огромный кот фыркнул, вскочил на частокол, выгнулся дугой, сердито оскалился.

Тетя Оксана открывает тайну.

8 Заказ 797

— Бис тебя забери, — в сердцах ругнулась тетя Оксана, перекрестилась и пошла своей дорогой...

* * *

Буйкис слушал внимательно. Старался осмыслить каждое слово. Тетя Оксана именем бога заверяла, что Гетман прячет бандюков, сваленных тифом. Она приложила палец к губе и сделала большие глаза, что означало: поведала большую тайну, за которую влетит ей от самого Гетмана, ежели тот дознается.

— Рожи-то их краснющие-краснющие, точно жаром пылают, а зенки, что твой желток куриный. И каждого трясет, як в лихорадке. Язык, глянули бы вы, бог мой, бел-белом, словно творожный, ай мелом побеленный. И все пить просють.

Бросив взгляд на Буйкиса и убедившись, что тот настороженно слушает, тетя Оксана продолжала:

— Не скажу. Не все такие умирающие. Есть и так себе хлопцы, даже веселые. Кажут, что хвороба отпустила их не совсем, а скоро опять до них причепится. Христом богом клянусь, тифом свалены. А что Гетман ховает их, так потому, что звязан с ними одним жгутом. Верьте бабьему чутью — промашки не будет.

Операция «Челнок»

Светлое здание больницы и мрачная коробка городской тюрьмы стоят рядом, как символы добра и зла. Разделяет их массивная каменная стена из красного кирпича, намертво схваченного раствором неведомого состава. Кажется, навечно сделана она, не пробить, не протаранить такую. А нужно, да так, чтобы без шума, тихонечко. Буйкис еще раз по-хозяйски осмотрел стену, дал последние указания.

Готовилась операция, которой дали условное название «Челнок».

С тюремным начальством договорились легко. В помощь чекистам оно выделило несколько человек из охраны. Что нужно делать, они знали, зачем — нет.

Когда опустилась ночь, к стене со стороны тюрьмы припало восемь человек. Словно кроты — в полном безмолвии и темноте — они начали схватку с каменной громадой. Выцарапывали из нее крупинку за крупинкой, выгрызали кусочек за кусочком. Действовали поочередно, сменяя друг

друга, но ни на минуту не прекращали работы. Пробить брешь сто на восемьдесят сантиметров в такой стене не легко. Да еще так, чтобы со стороны больницы никто не увидел, не заподозрил. Но ребята не подвели. На зорьке вторых суток старший группы Дронов доложил Буйкису:

— Задание выполнено!

Началась подготовка ко второму, самому ответственному этапу операции. Ее значение за последние двое суток, ушедших на штурм стены, неожиданно возросло. Чекисты разведали, что Гетман скрывает не только больных. В изолированной просторной палате, под видом тифозных, лежат совершенно здоровые люди Шепеля. Под матрацем у каждого огнестрельное оружие схоронено, у кого револьвер, у кого обрез. Что затевает Шепель, выяснить не успели. Это и не было главным в тот момент. Нужно было хорошенько продумать, что и как следует сделать, чтобы не вызвать подозрений у бандитов. Один неосторожный шаг мог вызвать кровопролитие, бессмысленные жертвы.

В полночь был дан сигнал к действию. Группа чекистов во главе с Буйкисом, подкрепленная десятком верных людей, бесшумно проникла в больницу, поднялась на второй этаж и прямым ходом в самый конец коридора. К той самой палате, которая причинила столько хлопот и волнений. Не подошел, подбежал Буйкис к двери, приложил ухо, прислушался. Сделал это машинально. Необходимости в этом не было. Тяжелый, затяжной храп пробивал стену и, казалось, заполнял коридор на всем протяжении. Бандиты безмятежно спали. Усиленная доза снотворного сделала свое дело. Через минуту люди Буйкиса уже стояли рядом с подопечными. Каждому заранее были определены те двое, за обезвреживание которых он отвечал головой. Люди действовали четко, быстро. Тренировка, которую предусмотрительно провел Буйкис, пошла впрок. Несколько ловких движение — и из-под матрацев извлекли оружие. Тридцать стволов, по числу «больных». Сколько они могли причинить неприятностей!

Тем временем, кое-кто из бандитов стал приходить в себя. То ли движения оперативников оказались не совсем деликатными, то ли снотворное плохо действовало на них. Вороненое дуло нагана, направленное в упор, быстро приводило в чувство каждого, делало сговорчивым, покладистым.

Все дальнейшее прошло не менее успешно.

Бандитов из тифозных палат на носилках перебрасывали к стене и через амбразуру ловко просовывали на ту сторону. Там их надежно подхватывали свои же шепелевцы и доставляли в тюремный лазарет. Назад отправляли освободившиеся носилки. Конвейер действовал бесперебойно. Идея — заставить бандитов поработать на себя, принадлежала одному из бандитов. Она понравилась Буйкису. По мере того как здоровые бандиты просыпались, нередко не без посторонней помощи, их переправляли на тюремный двор и немедленно подключали в работу. Под надзором тюремной охраны они, во-первых, были безопасны, во-вторых, работали на славу, рассчитывая на снисхождение.

Как и планировалось, операцию завершили к утру. Восемьдесят головорезов были надежно укрыты в тюремных стенах.

Ни свет ни заря в больницу примчался Гетман. То ли недоброе предчувствие притащило его в такую рань, то ли получил сигнал от своего пособника. При встрече с подчиненными нервно раскланивался. Ему отвечали, но ни слова о случившемся. Многие сами не знали. Тем, кто знал, посоветовали держать язык за зубами.

Скорее ворвался, нежели вошел Гетман в огромную палату, откуда лишь час-два назад без особого желания ушел последний, тридцатый обитатель.

— Кто здесь хозяин? — рявкнул Гетман, поймав взгляд Буйкиса, специально поджидавшего его. — Кто дал право на беззаконие?

— Господин Гетман, — спокойно ответил Буйкис, — хозяин здесь не вы, а Советская власть. Это, во-первых. Во-вторых, пришли мы сюда не чинить беззаконие, а пресечь его. Самым решительным образом.

Пособник Шепеля понял, с кем имеет дело. Пошел ва-банк:

— Украинский народ сам волен распоряжаться своей судьбой. Он не звал вас сюда.

Властно отрезал Буйкис:

— Нас позвали сюда безвинно пролитая вами кровь, горькие слезы обездоленных вами вдов и матерей. Если хотите, наш воинский долг призвал нас сюда, чтобы покончить с подобными вам, господин Гетман.

И в сторону военного контрразведчика, вошедшего вслед за Гетманом:

— Задержите его.

В кармане Гетмана лежал новенький заряженный маузер. Но «доктор» не оказал сопротивления: чувствовал дыхание стоявшего позади чекиста.

В тот же день на допросе Гетман дал подробные показания о том, как шепелевцы готовили кровавый погром в городе. С этой целью и прятались у него.

Чекисты знали, что тиф свалил и Шепеля, но в больнице его не обнаружили. Отлеживался на частной квартире, у верного человека. Кто он? Этого не знал даже Гетман.

Найти Шепеля не удалось. Исчез. Может, покончил с жизнью, пустив пулю в лоб. Может, взялся за ум, решив, что дело его проиграно бесповоротно. Как бы там ни было, но банда Шепеля уже никогда не появлялась в числе действующих.

Через неделю все десять человек из оперативной группы Буйкиса разрабатывали планы новых операций, готовились к новым схваткам с врагом.

Скажут иные: случай помог Буйкису. Кто знает, как бы закончилась операция, если бы не тиф, сваливший десятки бандитов. Спорить трудно. А нужно ли? Для нас бесспорно одно: хорошо, когда делу, чекистскому в том числе, сопутствует немножечко счастье. Но в том-то и заключается оперативное искусство, чтобы умело, разумно использовать любой случай, любую ситуацию в интересах операции и общей цели. Именно так и поступал Ян Янович.

Новое назначение, новые заботы

В районе Фастова активизировалась банда Гаевого. Оперативная группа, направленная туда, действовала смело, но результаты не радовали. Начальник группы Аксенов обещал покончить с Гаевым «в два счета». Даже день назвал, когда атаман будет лежать поверженным у его ног. Шесть раз переносил сроки, а Гаевой тем временем свирепел. По тому, что творила его банда, не похоже было, что силы ее иссякают. Таяли силы оперативной группы. И заметно. Аксенова решили заменить. В Центре недолго думали, кого назначить вместо него. И вот на Украину летит телеграмма-молния: «Товарищ Буйкис, на основании доклада товарища Богатырского видно, что

операция по ликвидации банды Гаевого идет очень слабо. Вам придется направиться в Фастов и возглавить оперативную группу... Банду Гаевого нужно ликвидировать и как можно скорее. Действуйте по своему усмотрению. Вы являетесь представителем Центра. Подпись».

Приказ есть приказ. Буйкис в Фастове. Ему доложили обстановку, ознакомили с оперативными планами, рассказали, как думают решать задачу.

Буйкис спокойно выслушал, задал первые вопросы:

— Известно ли местным чекистам соотношение сил, знают ли они, на кого можно положиться, за кем присмотреть, кого временно нейтрализовать, а может быть, и изолировать следует? Как расставлены надежные люди, какая работа проводится с ними?

Аксенов окрысился:

— Время военное, воевать нужно, а не воспитательной работой заниматься.

Выпалил и уставился на Буйкиса. Тот молчал, слушал. Аксенов понял по-своему молчание вновь назначенного начальника, решил взять инициативу в свои руки.

— Судьбу Гаевого нужно решать силой оружия. И только. В наших фастовских условиях вопрос обстоит так: если не мы Гаевого сегодня, так он нас — завтра.

— Так дело не пойдет, — решительно вмешался Буйкис. — Что значит, если не мы его, так он нас? Советской власти нужно, чтобы мы его. И наверняка. Другой вариант неприемлем.

Посмотрел на опущенные головы присутствующих, вздохнул и уже спокойно:

— У Гаевого живой силы больше. Вооружены неплохо. Одолеть такую банду нелегко. Вот и давайте вместе подумаем, в чем наше преимущество, как найти путь к победе?

Люди молчали, опасливо поглядывая на Аксенова. Чувствовалось, здесь не привыкли выслушивать их мнение, тем более, считаться с ним.

— Как настроены горожане к Советам? — спросил Буйкис Аксенова.

— Хуже нельзя, — отрезал тот.

Чекисты переглянулись. Они ожидали всего, только не этого. Можно отстаивать свою линию, спорить, доказывать, но зачем же в угоду собственному мундиру бросать тень на людей. Огульно.

— У нас в Фастове, как всюду, — после минутного замешательства несмело и неуклюже начал чекист, сидевший в глубине комнаты. — Люди за Советскую власть, да только, ну, как бы вам это сказать, боятся об этом говорить, что ли. Гаевой такого страха нагнал, что дальше некуда.

— Верно говорит Самусенко, верно, — поддержали остальные.

— Наша с вами забота — избавить город от этого страха, — сказал Буйкис. — А действовать должны мы вместе с горожанами. Как? Вот и давайте думать.

После совещания новый начальник беседовал с каждым в отдельности. Многим интересовался. И обязательно спрашивал: «Как бы поступили вы в конкретной фастовской обстановке на месте старшего?» И люди отвечали. По-разному, конечно, но каждый высказывал свое мнение, предлагал свое решение. Немало разумного, даже очень ценного улавливал Буйкис и обязательно тут же поддерживал это. По заданиям, которые давались, люди видели, что их предложения учитываются. И почувствовали — с ними считаются, они нужны, без них не обойдешься. И каждому захотелось проявить себя, показать, на что способен. А о Буйкисе говорили: «Этот — чекист по духу».

Как уже говорилось, местное население ненавидело бандитов, но было запугано ими. Поддерживая Советскую власть всей душой, оно не проявляло своего отношения к ней внешне: боялось расправы. Бандиты не щадили ни старого, ни малого. Десять горожан недавно замучены только за то, что на собрании встали и открыто сказали: «Пора кончать с Гаевым, ему уже давно место на осине». Бандиты распоясались, а чекисты оказались беспомощными... Впрочем, все ли виноваты в одинаковой степени?

Они прошли перед ним такими, как есть, без рисовки. Ребята молодые, мыслящие, любое дело поднять способные. Да вот в Фастове что-то не пошло, не сладилось. И больше в этом вины Аксенова. Отчаянный, храбрый по природе, он только бы и водил ребят в атаку. Там, где подумать нужно, да хитростью взять — ему делать нечего. Это сразу чувствовали подчиненные. Подсказывать, советовать поначалу пробовали: в нашем чекистском деле так, мол, нельзя, у нас не числом, а уменьем брать положено. Не помогло. А когда Аксенов стал обзывать таких трусами, люди опустили головы, замолчали, но не смирились.

С математической точностью подсчитывает Буйкис, чем располагает противник (по имеющимся данным, конечно), что могут выставить чекисты. Полная ясность пока только в одном вопросе: в его распоряжении два десятка оперативных работников. Не густо. И в то же время не мало. Ребят собрали из разных мест, а они уже считают себя фастовскими. Это хорошо. Если быстро привыкают к месту, работать злее будут. Такой один двоих-троих стоит.

Неожиданно обратился к своему заместителю:

— Товарищ Кузнецов, как у нас с оружием и боеприпасами?

— Вам точно или на глазок, товарищ начальник?

— А это к чему? — не понял Буйкис.

— К тому, товарищ начальник, что ежели точно, то время нужно для ответа, а ежели на глазок, как Аксенову, так и зараз могу сказать.

— А вы сейчас дайте на глазок, а когда подсчитаете, точные данные доложите. Думаю, расхождения большого не будет, — ответил Буйкис, поняв, что и тут не было порядка у Аксенова.

— Ой, так не можно, товарищ начальник. Вы уж дозвольте, я разберусь в интендантском хозяйстве один раз, а затем всегда буду докладывать только точно. Так надежнее, да и честнее будет.

— Согласен, только сделайте это как можно быстрее.

Буйкис еще раз просмотрел задания, которые он поручил чекистам. Они, каждый на своем участке, где-то уже выполняют их. Одни собирают недостающие сведения о Гаевом, другие устанавливают связь с горожанами, которые должны стать верными помощниками в предстоящей операции, третьи делают все необходимое, чтобы донести до бандитского атамана то, что выгодно чекистам.

Руководители группы координировали действия оперативного состава и разрабатывали в деталях план захвата Гаевого, в общих чертах родившийся тогда, когда Буйкис беседовал с людьми.

По своей идее план предельно прост: заманить бандитов в ловушку, обезоружить, а тех, кто окажет сопротивление — ликвидировать. Гаевой — бестия хитрая, как зверь чует опасность на своем пути. Ему просто капкан не подставишь. В таких случаях хорошие результаты дает использование естественно сложившейся ситуации, которая создается при участии самого противника. Нужно

умно подстроиться под нее, внести свои элементы и в какой-то неожиданный момент привести в действие главные силы, нанести по противнику решительный удар. Такая ситуация, кажется, складывается...

Увлекшись размышлениями, Буйкис не заметил, как вошел Кузнецов. Три часа отсутствовал, а время мигом пробежало.

— Товарищ начальник, разрешите доложить.

— Разрешаю.

— Тридцать пять винтовок, тридцать револьверов, десяток парабеллумов и два маузера. Лимонки — не в счет. Их на складе три десятка обнаружено.

Кузнецов открыл книгу учета, поднес к Буйкису — смотрите, мол, все заприходовано и ни как-нибудь тяп-ляп. По науке. Все данные об оружии разложены по графам, как по полочкам. Любо-дорого!

Буйкису понравилась аккуратность заместителя.

— Значит, мы можем на время операции вооружить четыре-пять десятков наших верных помощников из горожан, — сказал он. — Неплохо. А если наш арсенал пополнить тем, что имеется у них, а?

— Тогда топоры и вилы вовсе можно снять с вооружения, — сделал вывод Кузнецов. — Заняться мне этим делом? Слушаюсь.

Поздно вечером в комнату, где работал Буйкис, вошел чекист Богун. По лицу видно, пришел с хорошими вестями.

— Товарищ начальник, есть срочный разговор, весьма даже.

— Давайте.

— Полчаса назад расстался с Ткаченко, свояком Бондарчука... Вы знаете, что он сказал мне в доверительной беседе? Не поверите, ей-богу!

Разговор начистоту

Как и договорились, встретились в обусловленном месте на окраине города. Комната с пятачок, а в ней — трое. Дым от самосада едкий, синий. От него дерет в горле.

Беседа продолжается уже более часа. Плотный красивый человек в военной тужурке, не выпускавший изо рта самокрутки, вскинул брови на Буйкиса:

— Я пришел добровольно. Прошу учесть это, так сказать, при переоценке ценностей.

Враг предлагал помощь. Что это? Счастливая случайность, благоприятная возможность, которую нельзя упустить, или уловка? Тонкая, коварная.

Буйкис пристально смотрел на Бондарчука. На вид это был безусловно интеллигентный человек.

— Я русский офицер. Мне надоела затхлая атмосфера подлости, где нет настоящей дружбы, высоких идеалов, жертвенности. Я считал себя спасителем Родины, а оказался в волчьей стае...

«Правду говорит или разыгрывает спектакль?» — пронеслось в голове Буйкиса. «Если он искренен, значит, удача. Многое может решить она. А может, он просто недоволен чем-то, не поделил чего-то с атаманом, мстить ему задумал. Тогда, тогда... — Буйкис закусил губу. — Недовольный негодяй не перестает быть негодяем. Верить ему нельзя... А может, можно... А может, нужно... Одно ясно: человек перед ним сильный и решительный. Ошибка в отношениях с таким может дорого стоить. Помощь его мы, пожалуй, используем, но будем начеку», — решил про себя Буйкис.

Не сводя цепкого взгляда с собеседника, Буйкис разъяснил:

— Ваш поступок, гражданин Бондарчук, обязывает нас позаботиться о вашей полной безопасности. И мы сделаем это, если, разумеется, ваши слова не разойдутся с делом.

— Слово русского офицера не нуждается в дополнительных гарантиях, комиссар.

— В таком случае уточним, чтобы не было недоразумений. На операцию выводятся все ваши люди. Половина личного состава занимает позиции по правому берегу Ирпени в районе переправы. Другая половина, исключая ударный отряд, разбивается на три равные группы, каждая из которых занимает самостоятельный рубеж по пути отступления ударного отряда. Оно должно идти вот в этом направлении.

На плане города и окрестностей Буйкис провел острием карандаша линию, соединившую здание городского банка и переправу на реке Ирпень, отметив крестиками характерные ориентиры на этом отрезке и кружочками — места расположения групп прикрытия.

Бондарчук — начальник штаба Гаевого — согласно кивал головой:

Комната с пятачок, а в ней — трое.

— Все это будет предусмотрено планом операции, комиссар. Гаевой сам предложил такую расстановку сил. Почему? Он допускает, что ударный отряд может натолкнуться на сопротивление и вынужден будет отступать. Его безопасность по пути отступления и обязаны обеспечить группы прикрытия, точную дислокацию которых вы нанесли на план с моих слов.

Тут же определили день начала операции, время каждого из ее этапов. Договорились о том, с какой стороны и как должны проникать бандиты в помещение банка, как будут расставлены внешние наблюдательные посты. Все это нужно было чекистам, чтобы определить правильную расстановку своих сил и проконтролировать Бондарчука. Если операция будет развертываться по намеченному плану, значит, начальник штаба Гаевого держит свое слово.

Прощаясь, Бондарчук крепко сжал руку Буйкиса:

— Знайте, комиссар, мое решение непоколебимо. Можете не проверять меня.

Долго еще сидели Буйкис и Кузнецов. Они шли по горячему следу. Определили места, удобные для засад, наметили точки, где следует оборудовать закрытые посты наблюдения, по маршруту отступления бандитов обозначили позиции, удобные для укрытия своих вооруженных групп, предназначавшихся для внезапного нападения на группы прикрытия бандитов. Выверили списки горожан, имевших оружие и изъявивших желание оказать помощь чекистам, еще раз перебрали каждого, кому решили выдать оружие из своих запасов, разработали другие меры, рассчитанные на то, чтобы наверняка одолеть врага и не понести больших потерь. Решили немедленно направить одного из чекистов в Коростень, где стояла воинская часть. Она должна будет незаметно подойти к реке Ирпень и тоже занять позиции вдоль берега переправы. Только с противоположной стороны. Да так, чтобы врасти в землю и быть готовой обрушить огневую мощь на головы противника. Сигналом к началу действий послужат две зеленые ракеты, выпущенные сигнальным постом.

* * *

Наступила решающая ночь. Группы прикрытия бандитов разворачивались и занимали позиции точно по плану. Как и предусматривалось, ударный отряд во главе с Бон-

дарчуком вошел в город в двенадцать тридцать. Рассредоточился по улицам и под прикрытием темноты стал подтягиваться к зданию банка. В тринадцать ноль-ноль два бандита неожиданно напали на милиционера, патрулировавшего вдоль здания, довольно легко скрутили ему руки, щелкнули наручниками и втолкнули в рот надежный кляп. Милиционер не издал ни звука, хотя возможность поднять шум была: больно уж неуклюже обращался бандит с кляпом, не сразу нашел положенное ему место.

В это же время трое других налетчиков ловко орудовали специальными отмычками, приготовленными не без помощи чекистов. Когда дверь со двора была открыта, Бондарчук лично пропустил внутрь два десятка своих людей, самых молодых и здоровых. У каждого пистолет и лимонка. Бондарчук и еще двадцать бандитов остались на улице. Через десять минут до них донеслась глухая возня и возбужденные голоса.

Бондарчук насторожился, а затем ругнулся:

— Мерзавцы, видать, передрались из-за денег.

Приказал:

— Ступайте, наведите порядок. С непокорными не цацкаться.

Бандиты один за другим скрылись за дверью. Скрылся и Бондарчук, но за углом дома. Он спешил к Буйкису. Он знал, где должна состояться встреча.

Ракеты в ночном небе

Через полчаса чекисты покончили с ударным отрядом Гаевого. Сорок отборных головорезов, ворвавшихся в здание банка, даже не дотронулись до сейфов с деньгами. На их пути встали бойцы вооруженной засады. Их действия были настолько стремительны, что лишь двое бандитов попытались применить оружие, но... револьверы дали осечку, брошенные лимонки не взорвались. Об этом побеспокоился Бондарчук. Он же дал возможность связать бандитов в два приема.

Главные события начались после того, как в ночное небо взвились две зеленых ракеты. В нескольких местах началась перестрелка. Вооруженные группы чекистов вышли из укрытий и обрушились на группы прикрытия Гаевого. Внезапность нападения вызвала панику в стане

противника. Бандиты отступали, беспорядочно отстреливаясь. Обходными маневрами вооруженные горожане опережали противника и наносили удары с тыла. Белые повязки выше локтя позволяли хорошо отличать своих от бандитов.

Решающая баталия разыгралась на Ирпени у переправы. Услыхав выстрелы, бандиты, сосредоточенные на левом берегу, двинулись на выручку «своих». Им в спину ударил мощный ружейно-пулеметный огонь. Это, с левого берега сказала свое слово воинская часть. До этого левый берег казался пустынным. И только на правом горели костры, вокруг них сидели бандиты и пили самогонку. Они чувствовали себя хозяевами. Ни о какой опасности не думали. Воздух потрясала отборная брань и пьяное гигиканье. Свет от костров позволил красноармейцам вести почти прицельный огонь. Первые же залпы уложили десятки бандитов. Десятки других были ранены. И хотя здесь было несколько сот людей Гаевого, они не оказали сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Операция по ликвидации банды продолжалась всю ночь. Вооруженные горожане преследовали бандитов и уничтожали тех, кто отказывался сложить оружие. Немногим из них удалось унести ноги.

Утром Буйкис сообщил в Центр: «С бандой Гаевого покончено. Потери с нашей стороны незначительные».

Жители Фастова вздохнули полной грудью. Они сердечно благодарили чекистов. И было за что.

В жизни бывает всякое

Отшумели бои гражданской войны. Чекисты покончили с самыми опасными бандами, действовавшими открыто и нагло. Недобитые мелкие группы и бандиты-одиночки ушли в глубокое подполье, затихли в своих берлогах. На украинскую землю, подобно зимнему рассвету, медленно, но неодолимо пришли покой и порядок. С чувством выполненного долга возвращался в Москву военный контрразведчик Буйкис. Его отозвали для работы в Центральном аппарате. В Москве ожидало тяжелое известие: в борьбе с врагами Родины погиб Ян Спрогис — друг детства, боевой товарищ.

Снял фуражку Буйкис, минуту постоял в полном безмолвии — мысленно простился с человеком, без которого

еще вчера не мыслил своего существования. А про себя подумал: «Сумей, Ян, прожить жизнь, достойную памяти друга».

Клятву верности сдержал Ян Буйкис. После этого перебывал на разных участках и везде трудился честно, вдохновенно.

В день десятилетия ВЧК — ОГПУ его наградили именными часами. На крышке надпись: «За преданность делу пролетарской революции».

А вот одна из аттестаций: «Политически развит. В общественной работе участвует в качестве руководителя политкружка. Скромен. Взаимоотношения с товарищами хорошие. К работе относится добросовестно. Хорошо знает ее. Склонен к работе в области права. Инициативен. Умеет ориентироваться в сложной обстановке. Дисциплинирован. Подлежит выдвижению».

Тогда же судьба свела его с Абелем. Работали в одном отделе. Ян Янович тепло отзывается о Рудольфе Ивановиче, замечательном советском разведчике, которого сегодня знают во всем мире.

В 1935 году для чекистов вводятся специальные звания. В аттестационном листе на Буйкиса Яна Яновича, который лежал перед членами комиссии, значилось: «Достоин присвоения специального звания «старший лейтенант государственной безопасности».

Строгий председатель внимательно прочитал документ. Отвел взгляд, задумался. Что-то вспомнил. Затем вскинул глаза на своих коллег, сказал:

— Не каждому довелось сделать то, что сделал этот человек.

Говорил недолго, но убедительно, со знанием дела. Еще бы! Ведь это он телеграфировал Буйкису на Украину:

«...Банду Гаевого нужно ликвидировать и как можно скорее. Действуйте по своему усмотрению...» Он знает, как действовал тогда Буйкис. Впрочем, только ли тогда. Об этом и рассказал.

— Вношу предложение присвоить звание капитана государственной безопасности,— председатель испытующе посмотрел на одного, на второго... Глаза всех говорили: предложение принимается единогласно.

Друзья от души поздравляли Яна Яновича с высоким званием (оно приравнивалось к армейскому званию

полковника). Смущенный, он виновато улыбался. Ему и радостно было и неудобно как-то. «На моем месте любой сделал бы то же самое», — думал Буйкис. За эту скромность, за постоянное стремление сделать больше других, ничем не выделяя себя, любили чекисты Яна Яновича.

Такова история аттестационного листа Яна Яновича, который и сейчас лежит в его личном деле. В нем аккуратно зачеркнуты слова «старшего лейтенанта» и старательно выведено сверху «капитана». Исправление заверено подписями и печатью.

Мы спросили:

— Ян Янович, вы участвовали в ликвидации многих банд — Гаевого, Шепеля, Медведя, Иванова. Приходилось ли когда-нибудь вспоминать о горячих схватках с ними и в какой связи?

— Как же, как же, — подхватил Ян Янович. — Первый раз мне напомнил об этом курьезный случай. Послушайте. Когда с бандами покончили, я возвратился в Москву. Домой я привез две ручные бомбы, одну бутылочную, армейского образца, вторую круглую, английскую. Мы использовали их против бандитов. Если хотите, сувенирами они были для меня, напоминали о трудных и вместе с тем героических днях Литина и Фастова.

Положил я эти бомбы в ящичек, закрыл на замок и сунул в кладовку. Служила она для хранения вещей, которыми никогда не пользовались. Поэтому ни я, ни соседи в кладовку эту не ходили. Поставил я туда свой ящичек и забыл о нем. В январе 1924 года органы милиции разыскивали крупного уголовника, который скрывался, как утверждала милиция, не то в нашем доме, не то в соседнем. Где-то здесь же, в нежилом помещении, преступники прятали оружие. Как бы там ни было, а однажды милицейские работники решили произвести обыск в нашей кладовке. В этот день я неожиданно забежал домой. Жена не ждала, зато меня ожидал сюрприз.

Захожу в комнату. За столом сидит уполномоченный милиции и пыхтит над протоколом. Рядом стоит жена, лица на ней нет. Увидела меня — совсем растерялась.

«Как же так, Ян. Говорят, твое добро, — она показала на ящичек, в котором лежали бомбы. — Отвечать придется».

Ян Янович Буйкис.

Я насколько мог спокойно объяснил, что к чему. Милицейский работник и слушать не хочет. Усердно строчит, пытаясь придать самые густые краски этой истории. Он, видимо, был убежден, что напал на след крупного уголовника. Где-то в душе радовался удаче.

«Где работаешь?» — небрежно бросил он, не отрывая взгляда от бумаги. Оказывается, до этого он даже не удосужился поинтересоваться, с кем имеет дело. А когда узнал, что я сотрудник ЧК, вежливо уточнил некоторые вопросы, извинился и ушел. Ящичек с бомбами все же унес с собой. Я думал: на этом и делу конец, а нет. Через несколько дней меня вызывает начальник отдела Трилиссер. Протянул какой-то документ. «Читай», — говорит. У меня в руках было заключение, составленное милицией и переданное в ОГПУ.

Своими словами Ян Янович передал его текст, но нам удалось найти этот документ. Вот что в нем было написано:

«...Настоящее производство возникло в виду обнаружения милицией у тов. Буйкиса двух заряженных бомб, одна бутылочная, армейского образца, вторая английская, круглая, которые хранились в ящике, находившемся в помещении, хотя и не являвшемся местом общего пользования, но куда могли проникнуть другие лица, и поэтому не была исключена возможность несчастного случая... ...Принимая во внимание то, что оружие и снаряды хранились тов. Буйкисом не в корыстной или преступной целях, что он является членом РКП и сотрудником органов ВЧК—ОГПУ с 1918 года, в свое время имел право получить и хранить без разрешения снаряды, на законном основании, полагал бы: следственного дела на тов. Буйкиса не заводить, а заключение передать начальнику иностранного отдела ОГПУ тов. Трилиссеру для применения в отношении тов. Буйкиса взыскания дисциплинарного характера».

— Ну и как же, наказали вас?

Ян Янович улыбается.

— Разумеется. Семь суток ареста получил. Правда, с исполнением служебных обязанностей. И поделом. Чекист обязан обращаться с оружием как положено... Сами понимаете, этот курьезный случай заставил меня вспомнить о пережитом.

Вынужденные признания

Тайна была и не стало ее. Весь мир узнал настоящее имя Шмидхена, замечательного патриота, бесстрашного чекиста. Вместе со своими товарищами, такими же скромными и простыми, он блестяще победил в дуэли с прославленными английскими разведчиками. Узнали об этом и на Даунинг-стрит, откуда в 1918 году английское правительство направило в Москву секретную миссию во главе с Локкартом. Узнали и...

Мы показываем Яну Яновичу номер газеты «Таймс» от 14 марта 1966 года. Там, в редакционной статье говорится, что сэр Роберт Брюс Локкарт в мемуарах, опубликованных в 1932 году, заявил о своей непричастности к контрреволюционному заговору против Советов, что идея организовать такой заговор принадлежала Сиднею Рейли, которого в этом смысле совершенно не поддерживал Локкарт; что записка «ко всем английским военным представителям в России», выданная в 1918 году Локкартом «лейтенанту Яну Буйкису», не содержала ничего, кроме «обычных общих пожеланий британскому командующему близ Архангельска». Словом, по «данным» газеты «Таймс», Локкарт не содействовал никаким враждебным акциям против Советской России и даже осаживал «некоего» Рейли в его контрреволюционном решении.

— Ваше мнение о выступлении «Таймс»?

— Мне смешно читать эти строки. Выходит так, будто все происходившее в 1918 году, письмо военно-морского атташе Кроми к Локкарту, переданное мной, моя беседа с Локкартом — все это сон? И документ, в котором всем британским военачальникам в России предписывается оказать всяческое содействие Яну Буйкису,— что же, глава британской миссии выдал эту бумажку первому встречному, просто так, из любви к ближнему? И, наконец, допрос Локкарта, и то, что он сознался в своей контрреволюционной деятельности,— это тоже сновидение? Я считаю выступление «Таймс», мягко говоря, немотивированным. Конечно, сейчас легче всего валить грехи на Рейли, которого давно нет в живых.

Кстати, этой запретной для англичан темы коснулась недавно еще одна британская газета — «Санди таймс». Оказывается, на 79-м году жизни сэр Роберт Брюс Локкарт передал обширный свой архив сыну Брюсу. Просмат-

ривая бумаги в поисках материала для книги, Локкарт-младший, пишет газета, обнаружил «определенное доказательство» того, что его отец «был гораздо более тесно связан с Рейли, чем это до сих пор признавалось» в Англии. Брюс Локкарт отказался раскрыть характер этого свидетельства. «Оно все еще имеет слишком большое значение»,— сказал он. Однако «Санди таймс» договаривает то, о чем все еще умалчивают Роберт Брюс Локкарт и его сын. «Русские всегда характеризовали попытку переворота как «заговор Локкарта»,— пишет газета. Они указывают, что сэр Роберт был непосредственно связан с этим заговором с ведома английского правительства... Англия, со своей стороны, всегда отвергала это обвинение, а сам сэр Роберт публично отрицал, что он замешан в этом деле. Частным образом, однако, он заявил, что переворот был сорван в результате самоличной инициативы капитана Сиднея Джорджа Рейли».

Таким образом, Локкарт-старший все-таки признал существование заговора и свою связь с ним. Что же, спасибо ему хоть за это.

На прощание мы спрашиваем у Яна Яновича, как могло случиться, что он, непосредственный участник исторической операции, сыгравший важную роль в жизни нашего государства, до последнего времени оставался в тени, пребывал в неизвестности. Нет ли в этом и его вины?

Смущаясь, он говорит уже знакомые нам слова: «Сделал то, что сделал бы на моем месте любой чекист, поэтому не считал это какой-то особой заслугой».

В этой скромности весь Ян Янович. Он не думал о славе, не стремился к ней. Он жил чувством выполненного долга. Он находил силы и радость жизни в том, что как часовой революции в трудную для Родины минуту помог отстоять ее свободу и независимость.

Вместо эпилога

Вас, конечно же, интересует, что делает Ян Янович в настоящее время. Ему 75 лет. Он персональный пенсионер союзного значения. Но он не состарился: удивительно молод и энергичен не по годам. Часто Ян Янович выступает в различных коллективах столицы. Как желанного гостя его принимают советские люди. Послушать его приходят

рабочие, служащие, инженеры, ученые, литераторы. Много раз видели этого человека в воинских частях. Сердечность встреч трудно описать. Ян Янович рассказывает людям о том, как работал с Дзержинским, как выполнял его задания. Говорит спокойно, не торопясь. Может быть, не совсем гладко. Не оратор же. Он так и говорит:

— Я не лектор, красиво говорить не умею. Заранее прошу извинить, если что будет не так.

Но его слушают. Слушают с замиранием сердца. Люди видят: перед ними сама история, восемнадцатый год, шагнувший в наши дни, в нашу действительность.

За плечами человека огромная жизнь. В получасовом выступлении всего не расскажешь.

— Я вам дал только схему, детали опустил. Время не позволяет,— извиняется обычно Ян Янович.

Но люди все поняли. За скупыми словами увидели огромные дела своих отцов и дедов. Почувствовали, как трудно было им, сколько мужества, нечеловеческих сил проявлено, чтобы выстоять, победить, чтобы передать в руки молодого поколения счастье Родины.

Десятки вопросов задают Яну Яновичу. Особенно молодежь. Она интересуется всем: что было, как было, почему так случилось. Он отвечает терпеливо, обстоятельно. Знает: молодым строить коммунизм, они должны знать историю.

— Меня часто спрашивают, как мы, молодые чекисты, не имевшие никакой специальной подготовки, выполнили такое сложное задание.

Я сын партии, вступил в ряды ее еще до революции. Партия воспитала меня, научила бороться и побеждать. Я всегда считал, что обязан партии своей жизнью и делал все возможное, чтобы быть ее верным солдатом. Еще спасибо Дзержинскому. Он увидел на что мы способны, поверил в нас и поддерживал в самые трудные минуты.

И с лукавой улыбкой:

— Были молоды к тому же. Когда получили задание, решили: костьми ляжем, а своего добьемся. Покажем, что мы не хуже других, а то от стыда деваться некуда будет.

Молодежь аплодирует. Она знает цену задору юности, ее неукротимой энергии. В Магнитке, Комсомольске-на-Амуре, в освоении целины, в штурме космоса она слышит биение молодых горячих сердец. Во многих великих делах Родины видит свою лепту, пускай, пока еще скромную.

Однажды Ян Янович должен был выступать в одном из московских институтов. Восемьсот человек, до предела заполнивших огромный зал, ожидали встречи. Всегда аккуратный, на этот раз он запаздывал. Нужно открывать вечер, а его нет. В это же время Ян Янович не находил себе места. Съемочная бригада центрального телевидения, делавшая съемку на его квартире, безбожно нарушила все сроки. Клялась закончить работу в пять вечера, но обещания не сдержала. Часы пробили шесть, шесть тридцать, а работы в полном разгаре. В семь Ян Янович должен быть у студентов. Режиссер и слушать не хочет:

— Срывать съемку нельзя, аппаратура громоздкая, каждый день ее не притащишь. Кроме того, график трещит. Государство убытки терпит.

Ян Янович нервничает. Его ждет огромная аудитория. Бросить, уехать. Не он же виноват! Спасло непредвиденное обстоятельство: перегорела электропроводка. В темноте исчез Ян Янович, помчался туда, где сидели и ждали его. Как ни спешил, а приехал с опозданием на сорок минут. В зале яблоку негде упасть. Ни один человек не ушел. А когда представили Буйкиса, зал задрожал от аплодисментов.

В другой раз Ян Янович встречался с московскими учеными. В Дом ученых пришли люди, прославившие Отчизну выдающимися открытиями, пришли их ученики, успевшие завоевать признание далеко за пределами страны. В зале сидели люди, которых трудно удивить даже значительным, но они аплодировали Буйкису так же горячо, как и студенты. В конце выступления к Яну Яновичу подошел маститый ученый и сказал:

— Разрешите пожать вам руку, мужественный человек. Ваш подвиг незримой частицей входит в дела каждого из нас. Еще сто лет жизни Вам на благо нашего Отечества.

По тому, как все присутствовавшие одобряли эти слова, было ясно: ученый говорил от имени всех, кто слушал Яна Яновича.

И так всюду, где бы ни выступал Ян Буйкис. И всякий раз десятки записок идут в президиум. Каждая вторая с благодарностью, с добрыми пожеланиями крепкого здоровья и долгих лет жизни. «Обещаем быть такими же смелыми и преданными Родине», «Вы настоящий герой, Ян Янович, мы гордимся вами», «Мы благодарны нашим отцам за то, что они сделали для нас». И много других

записок, искренних, душевных, получает Ян Янович от молодых своих друзей.

Адрес его хорошо известен пионерам и школьникам. Десятки писем шлют ему из всех уголков нашей Родины. Юные граждане пишут, спрашивают, приглашают в гости. Письма разные, но все трогательные, проникнутые милой детской непосредственностью. Ян Янович дорожит дружбой с маленькими друзьями. Обязательно сам отвечает на каждое письмо. Делится впечатлениями о встречах с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, рассказывает о том, как работали в те годы чекисты, как раскрывали страшные заговоры империалистов.

— Разве я могу сидеть без дела? — говорит он. — Посмотрите, что делается на планете. Кровожадные руки империалистов, словно щупальца спрута, тянутся в десятки стран на всех континентах. Организуют войны, мятежи и заговоры. И часто это делается под вывеской оказания помощи. Как же это похоже на то, что творили они в России в первые годы Советской власти. Разве усидишь сегодня, разве будешь молчать?

Вот так и живет Ян Янович Буйкис. Человек, оставивший неизгладимый след в истории нашей Родины.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Владимир Федорович Кравченко

ПОД ИМЕНЕМ ШМИДХЕНА

Редактор **А. Г. Перепелицкая**
Художественный редактор **Н. Л. Юсфина**
Технические редакторы **Т. Ф. Клапцова, В. А. Авдеева**
Корректор **З. А. Росаткевич**

Сдано в набор 4/VIII 1969 г. Подписано к печати 29/I 1970 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 11,80. Изд. инд. ХД-178. А02824. Тираж 50 000 экз. Цена 57 коп. Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Зак. 797.

Кравченко В. Ф.

К78 Под именем Шмидхена. М., «Сов. Россия», 1970.

Из истории первых лет Советской власти хорошо известен так называемый «заговор послов», организатором и тайной пружиной которого был Роберт Брюс Локкарт — глава официальной британской миссии в СССР. Однако мало кто из читателей знает, каким образом удалось раскрыть этот заговор, обезвредить его и предать суду большую группу участников; кто были те безвестные герои, которые сумели пробраться в стан заговорщиков, обмануть матерых профессиональных агентов «Интеллидженс сервис» — Локкарта и Рейли, и, рискуя своей жизнью, помочь обезвредить опасных врагов молодой Советской страны. Это были чекисты — Ян Буйкис и Ян Спрогис, получившие от Дзержинского специальное задание и блистательно выполнившие его.

Обо всем этом и повествует предлагаемая Вашему вниманию книга, написанная на основе не публиковавшихся, вновь найденных документов, а также по рассказам и воспоминаниям участников событий.

Р 2

1—6—4
108—70

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания прислать по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, д. 13/15, издательство «Советская Россия».

57 коп.

Владимир Кравченко • ПОД ИМЕНЕМ ШМИДХЕНА